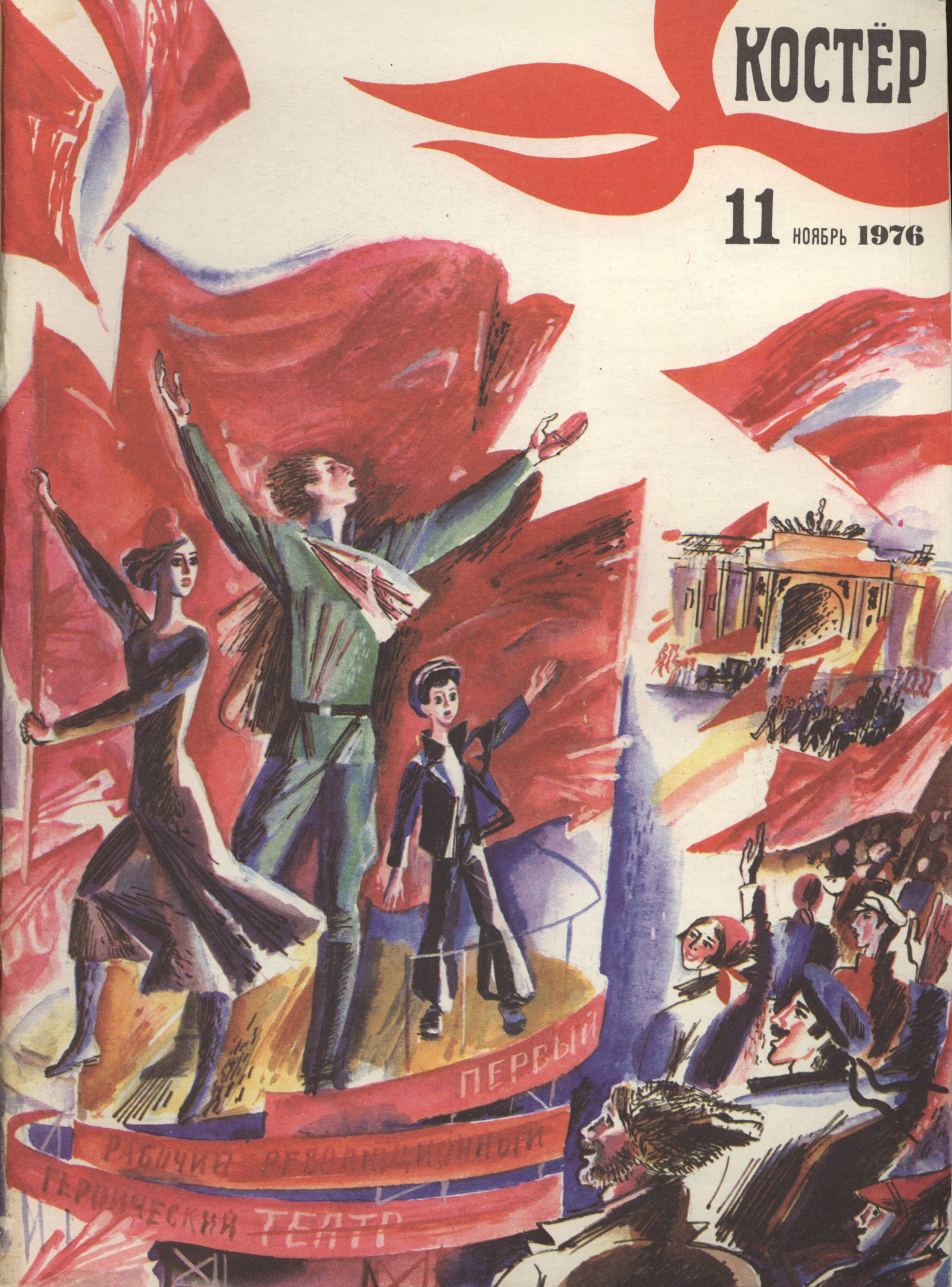

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1976

ПЕРВЫЙ

РАБОЧИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ГЕРМИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Осветили ночь прожектора,
Грянул гром «Авроры»

среди ночи.

Донеслось от Зимнего «ура»,
И сказал рабочему рабочий:

— Мы в бою жестоком
победим.

С нами Ленин!

Прочь капиталистов!

Мы за дело правое стоим,
Мы стоим

за дело коммунистов!

*Серёжа Сирюгин,
5-й класс,
с. Богдановка
Днепропетровской области*

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года

© „Костёр“, 1976 г.

На обложке рисунок
И. Дядкиной
к повести К. Курбатова
„Легенда о маленьком
коммунаре“

Рисунок В. Цикоты

ВСЕМ!

ВСЕМ!

ВСЕМ!

*Из воспоминаний
капитана 2-го ранга —
инженера в отставке
Николая Романовича
ДОЖДИКОВА*

В 1917 году я служил старшим радиотехником на Царскосельской радиотелеграфной станции. Это была самая мощная в России станция, и все, кто на ней работал, были в курсе всех событий в мире. Но вот свершилась Октябрьская социалистическая революция. Кому мы теперь должны вручать радиотелеграммы? Кто будет на них отвечать? А радиотелеграммы поступали почти непрерывно. В них были сводки с фронтов и различные вопросы. Особенно важными были вопросы: «Когда наступит мир?», «Дадут ли крестьянам землю?», «Будут ли отобраны у буржуев фабрики и заводы?» Вся Россия, весь мир ждали наших сообщений. Действовать надо было немедленно.

Подходят ко мне товарищи и говорят: «Николай, ты, как председатель технического комитета станции, должен срочно поехать к Ленину».

Взял я пакет с радиотелеграммами, разносную книгу, где за них расписываются, добрался до Смольного, нашел кабинет Ленина. Но в кабинет часовые меня не пропускают. Ты, мол, куда? Сюда только по государственному делу можно, а твое дело подождет. Я им доказываю, что не может оно ждать ни минуты. Только часовые и слушать не хотят. Видимо, показался я им подозрительным.

На мое счастье, услышал

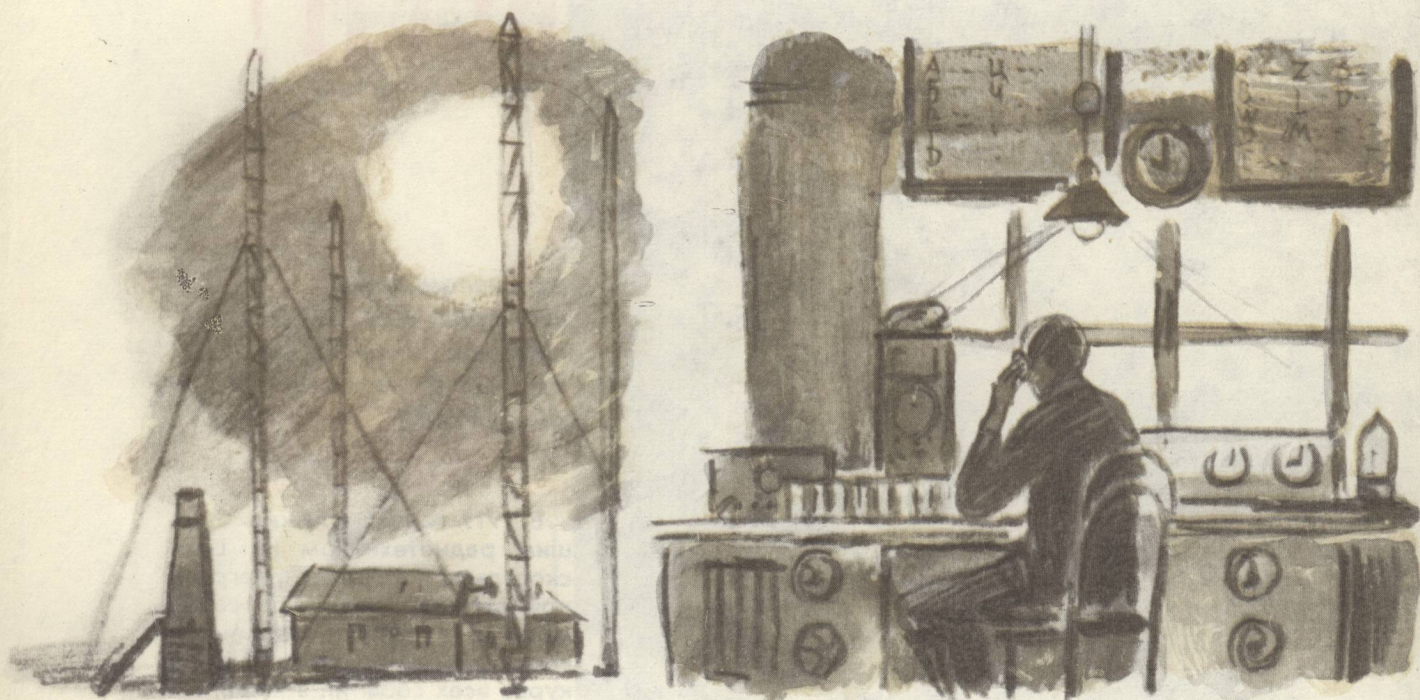
ства, где говорилось, что никакой революции в Петрограде нет, сделал приписку: «Товарищи, не верьте Керенскому, он вас обманывает!» Я отвечаю: «Это я сделал, Владимир Ильич». — «А как вам это удалось, — спрашивает, — как вас не сцапали?» Я рассказал, что в тот момент незаметно отключил контрольный аппарат дежурного офицера, поэтому все обошлось.

Тогда Владимир Ильич говорит: «От имени рабоче-крестьян

Ленинские декреты о Мире и Земле, воззвание Военно-революционного комитета «К гражданам России».

Конечно, мои встречи с вождем революции были короткими и чисто служебного характера, но в сердце остались на всю жизнь...

Однажды, было это в декабре семнадцатого года, отправился я в Смольный. А на улице мороз. Перчаток у меня нет. Через час чувствую, заочинили мои руки так, что

этот спор Владимир Ильич и приказал меня пропустить.

Внимательно просмотрев радиотелеграммы, Владимир Ильич сказал: «Очень интересно. Пожалуйста, доставляйте их теперь сюда, в Смольный». — «Слушаюсь, — говорю, — будет исполнено», — и поворачиваюсь, чтобы уйти. И тут Владимир Ильич вопрос задает: «Скажите, случайно не знаете, кто вчера из ваших радиотелеграфистов при передаче заявления Временного правитель-

янской власти большое вам спасибо, товарищ Дожди-ков», — и крепко пожал мне руку.

Так я стал спецкуррьером Смольного. Стал возить радиотелеграммы и вручать их Владимиру Ильичу. Там же, в Смольном, получал тексты первых воззваний и постановлений Совета Народных Комиссаров. Их мы передавали в эфир с принятым в те времена обращением «Всем! Всем! Всем!» Это были знаменитые

пальцы не разогнуть. И когда я пришел к Владимиру Ильичу, он спрашивает: «Что у вас с руками, товарищ Дожди-ков?»

«Ничего, — отвечаю, — застудил немного, перчатки я, Владимир Ильич, потерял».

Встал он тогда из-за стола, подошел к стулу, где у него пальто висело, вынул из карманов свои перчатки и подает мне: «Возьмите, в такой холод с голыми руками ходить нельзя».

Я, понятное дело, отказыва-

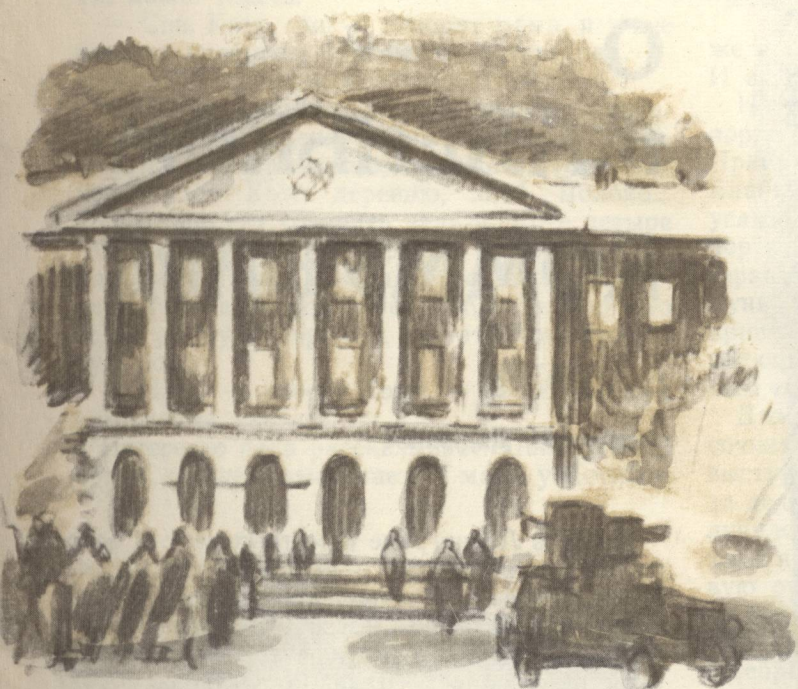
юсь, не беру. «Как можно, Владимир Ильич. Вам ведь они тоже нужны?» А он все настойчивей и настойчивей повторяет: «Возьмите, пожалуйста, возьмите». Делать нечего: пришлось взять. Гляжу: перчатки как перчатки, кожаные, на байке, и на улице я сразу же их надел, чтобы рук больше не морозить. И не сразу до меня дошло, какой это необыкновенный подарок и что дорожке подарков у меня никогда в жизни уже не будет.

Почему так ответил? Во-первых, о Севере мечтал с детства и все книги о полярных исследователях знал чуть не наизусть. А во-вторых, в декабре семнадцатого года, на I Всероссийском съезде радиоспециалистов я был назначен в Комиссию по освоению Северного морского пути, созданную по инициативе известного русского исследователя и гидрографа Б. А. Вилькицкого.

И вот почти сорок лет, с начала двадцатых и до конца пя-

Вайгач, Преображения. Словом, освоил те края основательно. Впрочем, постойте. А ведь еще полуостров Ямал? Я же его из конца в конец пешком прошел. Но Север теперь уже не тот, веселым становится, многолюдным. Взять Диксон, к примеру. Когда мы начинали там работать, стояли на Диксоне три маленьких домика. А сейчас? Целый город с водопроводом, электричеством и паровым отоплением.

Как видите, много интерес-

А последняя моя встреча с Лениным состоялась в апреле 1918 года. И было это уже в Москве, куда я приехал по делам службы.

Прощаясь со мной, Владимир Ильич поинтересовался, что буду делать после окончания гражданской войны, буду ли работать радистом.

Я ответил: «Профессию менять не собираюсь, но обязательно хочу поменять место жительства, буду работать на Севере».

тидесятих годов, работал я на полярных станциях. Понятно, станции появились не сразу. Сперва их надо было построить, оборудовать, а уж потом заниматься своим непосредственным делом. Но если даже просто перечислить места, где работал эти сорок лет, список получится длинный: Салехард, Обдорск, Новый Порт на Оби, Верхне-Имбатское, Игарка, мыс Челюскина, бухта Нордвик, Югорский Шар, Диксон, Обская губа, острова — Белый,

новых событий произошло на моих глазах. И, наверное, я имею право сказать читателям «Костра»: каждый человек должен себе выбрать такую специальность, чтобы — на всю жизнь, чтобы радость была и себе и людям. И, пожалуйста, передайте это мое пожелание вашим товарищам, пионерам и октябрятам, — ВСЕМ — ВСЕМ — ВСЕМ!

Записали Л. ЖУКОВ
и В. МИХАЙЛОВ

Рисунки В. Орлова

ЛЕГЕНДА О МАЛЕНЬКОМ КОММУНАРЕ

К. КУРБАТОВ

Рисунки И. Дядкиной

Много в Ленинграде памятных мест. И одно из самых священных — в центре города, рядом с Невой — Марсово поле, где день и ночь горит вечный огонь. Здесь в окружении гранитных надгробий могилы героев Февральской революции и Великого Октября. Здесь погребены верные сыны Отчизны, стойкие ленинцы, отдавшие свою жизнь в борьбе за народное дело — В. Володарский, А. Раков, Н. Толмачев, С. Восков, И. Котляков и другие. И среди этих могил есть плита, на которой написано, что под ней в 1922 году похоронен совсем маленький, девятилетний мальчик Котя Мгебров.

Кто он? Почему похоронен рядом с лучшими из лучших, о которых А. Луначарский сказал:

Не жертвы — герои
лежат под этой могилой
Не горе, а зависть
рождает судьба ваша
в сердцах
всех благородных
потомков
В красные страшные дни
славно вы жили
и умирали прекрасно

ЧАЙ ВПРИГЛЯДКУ

Злой ветер кружил по темным проспектам северной столицы ледяную крупу, рвал с графских особняков листы обращения «К гражданам России!» На продуваемых площадях мерзли величавые статуи царей на бронзовых конях. У редких костров грелись бородатые люди с винтовками.

Голодной была первая послереволюционная зима в столице первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Лед на окнах. Иней на стенах и потолке. Железная печка-буржуйка, дающая тепло лишь тогда, когда она ненасытно пожирает все, что может гореть.

— Спи, Котя, спи, — говорит мама, и у нее изо рта вместе со словами вылетает пар. — Нужно спать, сынок.

Но Котя не хочет спать. Он лежит в кровати под двумя одеялами и овечьим тулупом. От тулупа кислото пахнет кожей. Этот запах напоминает Коте деревню, хлеб, молоко... Только про еду говорить нельзя. Коте четыре года, но он знает, что про еду — нельзя. Ни мама, ни папа, ни даже дедушка, который когда-то был генералом и все мог, теперь ничего не могут. Ну... например, достать Коте что-нибудь поесть.

— Папа, — просит Котя, — расскажи мне, пожалуйста, сказку.

Интересно папа рассказывает. Папа у Коти артист, на сцене выступает. И мама у Коти то-

же артистка. И еще бабушка была артистка. И еще прабабушка.

На стене в рамках из красного дерева висят портреты коммунаров — Бланки и Варлена. Правда, Котя путает, который из них кто. Кто Бланки, а кто Варлен. Оба с бородами, оба с усами. Это бабушка, папина мама, привезла портреты из Парижа. Она училась там в консерватории как раз во время Парижской коммуны 1871 года. Но самое главное, бабушка привезла из Франции в Петербург веру в революцию, любовь к свободе и ненависть к любым тиранам.

Даже странно, как такая бабушка, которая сочиняла опасные стихи, музицировала, пела, выступала в Мариинском театре, вышла замуж за дедушку-генерала. Но зато у них и сын получился вон какой! Лучше Котиного папы никого нет! Поручик артиллерии, а уже в первую русскую революцию 1905 года сражался на баррикадах на стороне рабочих. Осенью 1906 года сын генерала подпоручик Александр Мгебров вывел из казармы минную роту для защиты рабочих, против которых правительство бросило казаков.

— Папуся, — просит Котя, — расскажи, пожалуйста, про Гавроша. Который на баррикаде...

— Сколько же можно про него рассказывать? — удивляется папа. — Спать нужно, милый. Поздно уже.

— Папусенька, ну, пожалуйста...

Воем вьюга за окнами, белыми от толстых налетов льда. Колышется острый огонек свечи. Ворчит в вольтеровском кресле дед, которому уже скоро восемьдесят.

Тихо вокруг, таинственно. И папа рассказывает Коте про французского мальчика Гавроша. Как Гаврош под пулями собирал из патронташей убитых патроны для защитников баррикады. В него стреляли, а он пел. Пел, посмеиваясь над солдатами:

У вас мундиры синие
И сабли на боку.
Точнее цельтесь, дурни,
Ку-ка-реку!

Но в конце концов один из стрелков все же ранил мальчика. А вторая пуля того же стрелка прервала его песню навеки.

— Папочка, как же они могли... стрелять... в мальчика?

— Он был не мальчиком, Котя. Гаврош был коммунаром. Пусть совсем маленьким, но все равно коммунаром.

— Мне страшно, папуля. Страшно. Обними меня. Какие злые, какие нехорошие глаза были у того солдата, который стрелял в Гавроша.

ПЕРВАЯ РОЛЬ

Театр, который создали Котины мама и папа, назывался так: Первый Рабочий Революционный Героический театр. Размещался он в здании бывшего Благородного собрания на углу Итальянской и Екатерининской улиц.

Может, Котя родился артистом, как его папа и мама, бабушка и прабабушка? Ведь передается же что-то в крови от человека к человеку. Когда Котя вместе с родителями приходил сюда, в это огромное, чуть мрачноватое здание с фигурными фонарями у подъезда, его каждый раз пронзало острое чувство восторга. Котю восхищало здесь все — парадные лестницы с чугунным плетением перил, высокие окна фойе, голый кирпич стен за кулисами, нарядный и гулкий зал, обрывки плакатов на полированном мраморе, зрители в гимнастерках и кожанках, яркий свет юпитеров...

И как до слез было обидно, что в новой первоймайской пьесе Котина роль начиналась лишь в четвертой картине!

Все три предыдущих картины Котя простоял за кулисами, пожирая глазами феерическое действие. Его бил нервный озноб, его подтачивало лихорадочное нетерпение.

— Идем, Котенька, отдохнем, — шепотом звала мама. — Нельзя так. Ты не замерз?

— Нет, нет, — машинально отмахивался он, не отрывая глаз от сцены.

А там, в луче прожектора, на фантастической горе, поросшей невиданным лесом, перед пещерой собрались четверо волшебников —

Сын Солнца и Сын Земли, Мудрец и Мысль. Из куска железа они выковывали сердце Коммунара.

Беспощадным будь с врагами,
Братом-другом — с бедняками.

Тверд и мощен наш удар.
Коммунар! Коммунар!..

Черные силы стонут от злобы и скрежещут зубами. Но они ничего уже не могут сделать.

И вот с первыми солнечными лучами оживает сердце, и в солнечной заре рождается солнечный Коммунар. Он прекрасен — полуобнаженный античный юноша с золотыми кудрями и с изображением серпа и молота на поясе.

— Я клянусь, — говорит он, — что уничтожу всех угнетателей!

Во второй и третьей картинах Коммунар собирает революционные силы. Он учит рабочих:

— Вам никто не поможет. Вы сами можете себе. Вы — сила! Товарищи, этот завод построен вашими руками — он ваш. Дворцы, музеи — все создали вы, все — ваше. Уничтожайте угнетателей! И вы будете владеть всей землей, всей вселенной!

Но вот наконец и долгожданная четвертая, заключительная картина — пустыня, каменистая, безводная. Котя с мамой — на сцене. Они измождены, одежда их изорвана. Вокруг них много людей — взрослых, детей, стариков, женщин. Они устали и отдыхают. Силы у людей кончились. Люди ропшут. Они не знают, куда их ведет Коммунар. Он так много обещал, но еще ничего никому не дал. В бесконечном пути люди пали духом.

— Куда мы? — ворчат они. — Зачем? Лучше уж иметь то, что мы имели раньше. Теперь мы вообще ничего не имеем.

И тогда поднимается Виктория Чекан — Котина мама.

— Люди, стыдно бояться преград и препятствий! — произносит она на весь зал. — Позорно вновь запрягаться в ярмо прошлого! И запрягаться только для того, чтобы быть на кормленными!

Она обнимает Котю и продолжает:

— Если у моего сына от истощения не хватит сил, я отрежу кусок собственного тела и накормлю его. Накормлю, но не поверну обратно!

— Нет! — раздается голос Коммунара. — Погодите! Этого уже не надо. Товарищи, братья и сестры! Поднимитесь на скалу и скажите, что видно там.

Люди поднимаются. Они поражены. Они никогда не видели такой красоты.

— Вы пришли к заветной цели! — под торжественную музыку говорит Коммунар. — Вы прошли унижение, рабство, холод и голод. Ваша настойчивость и вера победили сомнения. Смотрите на это красное знамя, знамя всех

обездоленных. Берегите его! Вы будете сильны лишь до тех пор, пока в ваших руках это знамя!

Звучит прекрасная и громкая музыка. Бегут цари и буржуи. Блещет свет. А на самом верху скалы, в окружении красных знамен, усыпанный цветами стоит гордый и величественный Коммунар.

И Котя кричит в восторге, обращаясь к соседу-старiku:

— Товарищ, подними меня, я хочу видеть Коммунара! Когда я вырасту большим, я тоже буду Коммунаром!

Аплодисменты в зале обрушиваются горным обвалом. Зал стоит. Зал стоя приветствует победу коммуны, мужественного Коммунара, поднятого на руки мальчика — Котю.

Но что это? Среди сотен восторженных глаз — как нацеленный в тебя наган — ненавидящий, опаленный злобой взгляд. Оказывается, люди с такими глазами проникают всюду, даже сюда, на премьеру «Легенды о Коммунаре», в Первый Рабочий Революционный Героический театр, что разместился в здании бывшего Благородного собрания.

НА ФРОНТ

К шести годам Котя уже научился неплохо читать. Какой же это актер, если он самостоятельно не может прочесть своей роли? Дедушка доставал внуку сказки. Но Котю больше тянула к себе взрослая литература. Например, он с удовольствием читал маленькую газетку, которую печатали на толстой оберточной бумаге, «Жизнь искусства». Он старательно прочитывал ее, начиная с названия и проставленной рядом цены — «8 руб. у газетчиков и в театрах» — и кончая припиской в самом низу, жирным шрифтом: «За продажу по цене, выше указанной, виновные будут привлекаться к ответственности». Коте почему-то очень нравилась эта постоянная жирная приписка.

В газете от 28 октября 1919 года, в разделе «Хроника» Котя прочел:

«Труппа Первого Рабочего Революционного Героического театра уезжает на фронт, где даст ряд спектаклей для красноармейских частей».

— Папочка! — закричал Котя. — Смотри! Ура! Мы едем на фронт! Папуля!

— Нет, — сказал папа. — Мы с мамой подумали и решили, что ты останешься с дедушкой.

— Как... с дедушкой? — не понял Котя. — Но кто же тогда в четвертой картине будет вместо меня?

— Мы несколько изменим в пьесе эти места, — сказал папа. — Мы их выбросим. Пойми, мы не можем взять тебя туда, милый. Это слишком опасно.

К тому времени обстановка под Петрогра-

Котя Мгебров-Чекан

дом действительно сложилась чрезвычайно опасная.

Стены домов в городе запестрели плакатами — «Грудью на защиту Петрограда!», «Все на разгром Юденича!». Тут же расклеивалось обращение В. И. Ленина: «...Товарищи! Решается судьба Петрограда!...»

— Папа, — сказал Котя, — ты хочешь, чтобы всем было опасно, а мне нет? Зачем же ты тогда рассказывал мне про Гавроша? И про то, как ты сам дрался на баррикадах? Каким же я тогда вырасту Коммунаром, папочка?

Его уговаривали и мама и папа. А дед сопел в своем вольтеровском кресле и грозил, что сейчас снимет ремень и все сразу расставит на свои места. Дед был еще бодрым, хотя и совсем стареньким.

— Воистину весь белый свет перевернулся, — ворчал дед. — Да чтобы в добрые старые времена кто-нибудь вздумал этак разлимонивать с шестилетним мальчонкой...

Но разлимонивай не разлимонивай, а Александр Авельевич Мгебров и его жена Виктория Владимировна Чекан не смогли устоять перед натиском шестилетнего сына. Впрочем, ведь они сами воспитали его таким. И теперь, наверное, каждый про себя тайне гордился, что их малыш рассуждает как настоящий мужчина.

Три недели труппа театра выступала в Красном Селе. Потом — в Гатчине, в Сиверской. Спектакли ставили в пустующих амбарах или больших крестьянских избах. Без декораций,

при свете керосиновых ламп, под аккомпанемент грохочущих невдалеке орудий. Красноармейцы собирались на представления прямо с поля боя — с винтовками, разгоряченные, пахнущие порохом, в марлевых повязках, сквозь которые проступали красные пятна.

— Если у моего сына от истощения не хватит сил, — говорила Котина мама, обращаясь к красноармейцам, — я отрежу кусок собственного тела и накормлю его. Накормлю, но не поверну обратно!

И Котя вторил ей:

— Когда я вырасту большим, я тоже буду коммунарком!

— Правильно! — кричали красноармейцы и сильно хлопали в ладоши. — Молодцы артисты! Валяйте еще! Давай, малыш! У тебя это крепко получается.

Котя кланялся вместе с другими артистами. А когда зрители немного утихали, выходил вперед и читал:

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами.

И все артисты, а за ними и зрители дружно подхватывали:

Никогда! Никогда!
Никогда! Никогда!
Коммунары не будут рабами!

СЛОВО ЧЕСТИ

Зрительный зал в Таврическом дворце не совсем обычен. Ряды кресел широким полукругом поднимаются от сцены, как все равно в цирке. Но на каких только сценах не приходилось Коте выступать за последние годы! В девять лет Котя уже стал чуть ли не профессиональным актером.

Давным-давно отгремели орудия гражданской войны, отшумели лихие атаки конницы Буденного. Обломав зубы о красноармейские штыки, убралась восвояси иностранная интервента, прихватив с собой недобитых русских князей и обрусевших баронов.

Но бой еще далеко не кончился — бой со старым, оставшимся в душах людей, бой за новое, которое дивным дивом должно было расцвести над республикой Советов.

И в первых рядах борцов за новое шел маленький артист Котя Мгебров, который выступал сегодня, 20 апреля 1922 года, в Таврическом дворце на концерте после городского предмайского митинга.

Они втроем — Александр Мгебров, Виктория Чекан и их сын — читали стихотворение Уолта Уитмена «Песня рассветного знамени». А затем давали инсценировку стихотворения Виктора Гюго «За баррикадами, на улице пустой...»

Мама была за автора:

За баррикадами, на улице пустой,
Омытый кровью жертв, и грешный и святой,
Был схвачен мальчуган одиннадцатилетний.

Папа — за капитана. Он спрашивал:

— Ты тоже коммунар?

И Котя гордо отвечал:

— Да, сударь, не последний!

— Что ж! — капитан решил. — Конец для всех —
расстрел. Жди, очередь дойдет.

И мальчуган смотрел.

На вспышки выстрелов, на смерть отцов и братьев.

Внезапно он сказал, отваги не утратив:

— Позвольте матери часы мне отнести!

— Сбежишь?

— Нет, возвращусь!

— Ага, как ни верти, ты струсил, сорванец.

Где дом твой?

— У фонтана.

И возвратиться он поклялся капитану.

— Ну, живо, черт с тобой! Уловка не тонка!

Расхохотался взвод над бегством паренька.

С хрипением гибнущих смешался смех

победный.

Но смех умолк, когда внезапно мальчик

бледный

Предстал им, гордости суровой не тая,

Сам подошел к стене и крикнул:

— Вот и я!

Как это у Коти великолепно получалось!
Сколько он вкладывал души, чувств, безмерного
превосходства над стрелявшими в него
врагами!

— Браво! Бис! Еще раз! Браво! — неистово
требовал зал.

НАС ОЧЕНЬ МНОГО

Трагедия произошла через два дня после
выступления в Таврическом дворце. Днем. На
глазах у многих. Вражеская рука столкнула
Котю Мгеброву с открытой площадки трам-
вая прямо под колеса.

Человек, который сделал это, успел скрыть-
ся. Очевидцы рассказывали, что видели муж-
чину лет сорока, без особых примет. Сжав Ко-
тино плечо, он прошептал:

— Вот я и догнал тебя, щенок! Такие голо-
систые, как ты, опаснее десятка взрослых.

Все произошло мгновенно. Рывок за плечо,
злое шипение и глаза... Коте они показа-
лись знакомыми — эти глаза. Глаза королев-
ского гвардейца, что стрелял в Гавроша.

Встала дыбом панель с чугунным фонарным
столбом. Полетела в лицо булыжная мосто-
вая с синим лезвием рельс...

По ходатайству рабочих Петроградский Со-
вет постановил похоронить маленького арти-
ста в самом городе, там, где лежали лучшие
из лучших героев Октября, на Марсовом поле,
которое называлось тогда площадью Жертв
Революции.

В день похорон Коти, 26 апреля, «Петро-
градская правда» писала:

«Склоним головы перед ним, как перед ре-
волюционным юношеством, так много отдав-
шим и отдающим в общей борьбе за освобож-
дение пролетариата».

Покрытый красным знаменем гроб с телом
Коти стоял в большой комнате Мгебровых. Его
засыпали живыми цветами. Нескончаемым по-
током шли и шли незнакомые люди, чтобы про-
ститься с маленьким коммунаром, положить к
его изголовью цветов.

Мама держала свою руку на холодных ру-
ках сына. Осунулся, посуровел отец, у него за
два дня выбелило сединой виски. Тихо плакал
Котин дед, бывший генерал Авелий Мгебров.

— Сколько цветов, — тихо сказал он какой-
то комсомолке в платочке. — А ведь цветы се-
годня слишком большая роскошь.

— Нас очень много, — тихо ответила де-
вушка. — Нас тысячи. И если каждый прине-
сет по цветку...

Тысячи людей шли за Котиным гробом до
площади Жертв Революции. Тысячи людей
склонили головы, когда гроб опускали в моги-
лу. Великое и мужественное время переживал
тогда народ. Многие из пришедших на похо-
роны совсем недавно гремели кандалами по
сибирскому тракту, годами томились в одиноч-
ках, вставали с булыжником в руке против ка-
заков, штурмовали Зимний, отражали атаки
англо-американцев и Юденича... Они хорошо
знали, что такое истинное мужество. Знали и
не хотели отбирать право на него у маленького
мальчика, который не прожил еще и десяти
лет.

А над Петроградом бушевала весна. Наби-
рали сок деревья, пели птицы, зеленела тра-
ва. И все ярче и ярче сияло солнце.

ЮНОМУ
АРТИСТУ-АГИТАТОРУ
КОТЕ
МГЕБРОВУ-ЧЕКАН
1913—1922

Такую надпись высекли на гранитной плите,
что прикрыла небольшую могилу.

НЕ РАДИ ОТДЫХА В БОЮ

К 60-ЛЕТИЮ
МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ДУДИНА

Самолет снижался, подлетая к Кунаширу. В иллюминаторе проплыл вулкан Тятя, знаменитый тем, что он молчал-молчал лет двести, его

уже зачислили в бездействующие, а вулкан вдруг однажды ночью взорвался огненной лавой, засыпал пеплом всю округу и снова замолчал...

За вулканом открылся океан, густо-синий с бурунами. Нас резко качнуло — самолет победил по аэродромной полосе.

Прямо за аэродромом высились заросли гибкого бамбучка и росла гигантская трава. На Курилах даже обычный подорожник принимаешь за лопухи.

Океан шумел важно и сердито. В солнечном мареве виднелся вдали остров. Это была Япония. Мы прилетели на самый край нашей земли.

Нашу делегацию встречали.

— А кто из вас поэт Михаил Дудин? — спросил меня коренастый пожилой человек с рядом орденских планок на морском кителе.

— Дудин? Вон там — стоит с летчиками. Вы, наверное, воевали с ним вместе?

— Не угадали. Я воевал здесь, на Дальнем Востоке, а он под Ленинградом. Но я люблю его стихи с самой юности. У меня хранится его «Фляга». Многие из нее помню наизусть. Не верите?

И он прочитал на память:

*Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.*

«Фляга» — одна из самых удивительных дудинских книг. Этот поэтический сборник вышел в осажденном Ленинграде в 1943 году.

М. ДУДИН

* * *

*Конечно, не забавы ради,
Не ради отдыха в бою
Я заносил в свои тетради
Живую летопись твою.*

*Те дни неспешно время кроет
Своим забвением уже.
Но вот из слов встанут герои
На том смертельном рубеже.*

*В тишайшем шорохе рассвета
Опять по-своему нова
В судьбу солдата и поэта
Идет военная Нева.*

*Вокруг крутых воронок ивы
Да сосны низкие растут.
Друзья! Они остались живы
И вечно будут в сердце, тут.*

*Своей мечтой, улыбкой строгой,
Чей след в душе неповторим,
Моей судьбой, моей тревогой,
Высоким будущим твоим.*

В твоём доме, юный читатель, конечно, есть библиотека. Может быть, на книжной полке хранится этот томик Дудина. Я раскрываю его и читаю строки из стихотворения «Соловьи». Это их читал пожилой моряк на берегу Тихого океана:

*Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.
Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.
Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настезь вырвался из плена...*

Может быть, в твоём доме хранится и фотокарточка солдата, погибшего или раненного на войне. И я знаю, что этот солдат станет тебе еще ближе и дороже, когда ты прочитаешь горестные строки Дудина:

*Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле,
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи»...*

Есть в горных аулах Кавказа знаменитые мастера, чеканщики по металлу. Это подлинные

художники. В одиночестве работают они в мастерских. Тончайшими неповторимыми узорами украшают кубки и кувшины. Но их чеканка украшает и почетное оружие заслуженных воинов.

Михаил Дудин — удивительный чеканщик слова. Оно бывает у него то суровым и громким, когда поэт выступает в защиту мира, то печальным и светлым — когда он вспоминает окопных товарищей, то задорным и смеющимся — когда он пишет для тебя, юный читатель. Сравни:

*Через репейник пустырей,
Сквозь кашку и пырей
Бегут мальчишки поскорей
На ловлю пескарей...*

или

*Мы будем солдатскою флягой,
Живые, его поминать.
Над горькой штабной бумагой
Заплачется бедная мать...*

...Пожилой моряк направился к группе летчиков, остановился около Дудина. Они крепко пожали друг другу руки.

Встретились на Курилах два солдата.

Между фронтами, на которых они воевали, протянулась вся наша страна: Волга, Урал, Сибирь. Протянулось еще и долгих три десятка лет. Вместе их свела поэзия.

Удивительный путь совершили эти стихи, от суровой окопной земли полуострова Гангут до Кунашира — далекой окраины нашей Родины.

С. ДАВЫДОВ

ТИХО

М. М. Пришвину

*Ночной грозы уgomонился гром.
Перед рассветом эхо отзвучало.
И тишина торжественна кругом,
Как изначальной музыки начало.
Сосновый лес — как золотой орган,
Пронизанный легчайшим свежим светом.
От мокрого брусничника туман
Уходит в небо, не касаясь веток.
Как мир хорош! И как я счастлив сам!
В умытом мире тайное не тайно.
Не вечность ли сейчас по волосам
Меня рукой погладила случайно?
И вновь душа, сомнений лишена,
Покою набирается без спешки.
...И каплю обронила тишина
В фаянсовое блюдо сыроежки.*

Рисунки Т. Соловьевой

БАРАБАН

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

Оформление Г. Ковенчука

ИДЕМ ДОРОГОЙ ЛЕНИНА, ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ!

Чтобы стать активными строителями коммунизма, будем учиться у коммунистов преданности идеалам пролетарского социалистического интернационализма, будем укреплять дружбу ребят нашей многонациональной Отчизны, братскую солидарность с пионерами стран социалистического содружества, с детьми трудящихся всего мира. Развернем подготовку к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на Кубе, международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!»

Из Обращения делегатов VII Всесоюзного слета пионеров ко всем юным ленинцам страны

Моя Родина СССР

Вет как думают и пишут о родных краях ученики Лойгинской средней школы Архангельской области.

За что я люблю свой край? Наверное, за то, что я здесь выросла. Здесь все мое, родное... Здесь я пошла в первый класс, здесь мои лучшие друзья, моя улица, мой дом.

Аня Попова

Наша Лойга — небольшой лесной поселок. Все занимают лесом. Пилят лес, валят, сортируют, грузят в вагоны и

По-моему, всего интереснее ходить в ночное. Сидишь ночью и смотришь на речку, а там рыба плескается. Поставишь удочку, ждешь, когда клонет рыба. Так и сидишь до утра.

На зорьке рыба клюет по-настоящему. Наловишь, сколько надо, — и айда в деревню.

Саша Шестаков

новится багрового цвета, летает много мошкеры. По Северной Двине идут баржи с лесом.

А зимой какая красота! Снег идет — конца и края не видно. Сугробы по колено. Как хорошо на санках и лыжах! На коньках — как на крыльях.

Марина Брулетова,

...Менным летним утром выйдешь на улицу и слышишь, как из какого-ни-

Пионерская дружина 152-й ленинградской школы носит славное имя крейсера „Аврора“.
Бышлый авроровец контр-адмирал Сергей Парфентьевич Игнатьев делал запись в Книгу отзывов школьного музея.

ТВОЙ
Золотой
РОВЕСНИК

В ЦЕНТРЕ ЗНАЧКА БОЛГАРСКИХ ПИОНЕРОВ — ПЯТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА И ПОРТРЕТ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА, ОТВАЖНОГО СЫНА БОЛГАРСКОГО НАРОДА.

ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛГАРИИ НОСИТ ИМЯ Г. ДИМИТРОВА, А БОЛГАРСКИХ ПИОНЕРОВ НАЗЫВАЮТ СЕНДЖАБЯТАМИ И ЮНЫМИ

развозят во все уголки страны и даже за границу.
Одно неудобно: реки все далеко. Хочешь рыбы половить, далеко идти, километров восемь, а то и десять.
Леня Романючев

Любю
свой край за то, что он северный, а на севере народ истари крепок и силен. Люблю песни и обряды нашего края. Песни архангеловцев протяжные, напевные...

Ира Колусова

Красиво

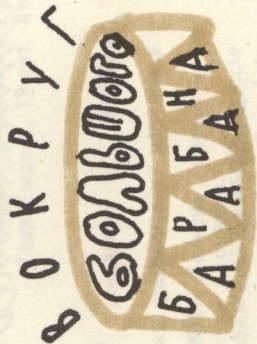
в лесу, когда на берегах и тополях распускаются нежные листочки. А в тени деревьев то тут, то там мелькают нежно-голубые подснежники. Солнце греет горячо. Журчат ручейки. Перелетные птицы появляются: грачи, скворцы, жаворонки.

Летом в лесу еще лучше. Кругом зелень, цветы. Вот под кустиком краснеет земляничка, а там стоит гриб-крепыш. Вода в реке теплая, чистая, песок горячий. Вершины сосен, кажется, достают до солнца. Перед закатом небо розовеет, солнце ста-

Мельниково — поселок в Приозерском районе Ленинградской области. В начале нового учебного года в средней Мельниковской школе организован ПОСТ ЮНКОВ «БАРАБАНА». Вот что сообщают мельниковские юнкоры.

У меня мама — доярка. Хотя ферма и механизирована, но мама устает. Иногда вечером я прихожу на ферму помочь ей. Живем мы в новом доме, но у нас есть поросенок. Возни с ним много: голодным не оставишь! Живой как-никак. Вот и кормлю его. Убираю за ним.
В магазин хожу каждый день. Иногда мою пол и посуду...

Юра Чернявский

Мое домашнее поручение — уборка квартиры и... уход за черепахой. А по воскресеньям помогаю маме на ферме. Отвою сестренку в детсад, привожу ее, мою посуду, глажу белье. Что тут необычного? Помогать по дому радостно!

Лена Ильина

Не считаю это сложной обязанностью: сходить в магазин, убрать в квартире.

Рита Богданова

Этот поселок теперь точнее было бы назвать городом. Условия жизни здесь почти городские: не надо колоть дрова, топить печь.

Изменились условия жизни — изменились и обязанности ребят по дому. И все-таки вы видите, как трудолюбивы и заботливы мельниковские школьники, не сидят сложа руки.

будь двора доносится кукареканье петухов. Хозяйка выпускает коров на пастбище. Идешь по траве босиком, а трава еще не высохла.

Марина Окунева

А ЗА ЧТО ВЫ ЛЮБИТЕ СВОЙ ГОРОД, ПОСЕЛОК, СТАНИЦУ? ЧТО ДЕЛАЕТЕ ДЛЯ УКРАШЕНИЯ ЕГО? ЗАБОТИТЕСЬ ЛИ О ПРИШКОЛЬНОМ САДЕ, О СПОРТИВНОЙ ПЛОЩАДКЕ? БЕРЕЖЕТЕ ЛИ ДЕРЕВЬЯ? СЛЕДИТЕ ЛИ ЗА ЧИСТОТОЙ РЕЧКИ ИЛИ ОЗЕРА? «БАРАБАН» ЖДЕТ ВАШИХ ПИСЕМ!

Рассказывает **Росен Сирмахов**, болгарский пионер:

— По боевым дорогам партизанских бригад прошли многие пионерские отряды нашей страны. Эта экспедиция обогатила нас новыми фактами дружбы болгарского и советского народов. В наших музеях боевой и трудовой славы появились новые экспонаты. Мы узнали имена прекрасных пионеров-героев, участников борьбы с фашизмом. Большинство отрядов и пионерских дружин получили имена славных героев.

На Шестом республиканском слете пионеров-дмитровцев были намечены новые пионерские акции. «В едином строю с коммунистами и комсомольцами!» — так называется одна, она посвящена 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Здравствуйте, братушки!» — название другой, посвященной 100-летию освобождения нашей Родины от турецкого гнета.

Мы были гостями Всесоюзного слета пионеров в Артеке. Так же, как наши советские юные друзья, мы хотим вырасти достойными гражданами коммунистического общества, идти дорогой Ленина, дорогой Октября!

— Мы — друзья, мы — друзья, — написал в «БАРАБАН» Коля Лахвич из деревни Грабово Гомельской области.

— Почти два года прошло с тех пор, как я получил первое письмо от болгарских школьников, а кажется, что мы знаем друг друга давно.

Каждое письмо Гинки Георгиевой, Йорданки Неделчевой, Данки Теговой я получаю с большой радостью. Их письма наполнены теплотой, как солнцем. Это рассказ о красивом городе, столице Болгарии Софии, о прекрасных долинах роз и о снежных вершинах. С особым интересом читаю письма о школьных новостях. Кружки народного фольклора, хорошая учеба, помощь своим родителям, походы по родному краю — вот чем живут наши болгарские сверстники. Конечно, без помощи Данки, Гинки, Славыана я не мог бы оформить красочный альбом «БОЛГАРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ».

В своих письмах я тоже стараюсь побольше рассказать о родном Полесье, о том, как мы идем маршрутами Всесоюзного марша, о том, чем живет наша страна.

Наша дружба растет и крепнет с каждым новым письмом!

Наш отряд проводил конкурс самодеятельности. Задача была: пусть каждый рассмеется.

Элла Иванова, Херсон

Мы построили деревянную горку для малышей.

Наташа Ордынская, Павлодар

Я стала комсомолкой. Вместе с другими комсомольцами провожу беседы в пионерских отрядах о героях Великой Отечественной войны.

Света Паникова, город Балхаш

У нас каждый третий пионер занимается спортом.

Ира Щербакова, Читинская область

Птиц любит весь наш отряд. Мы охраняем их, строим кормушки, наблюдаем за их повадками.

Света Васью, Кемеровская область

У нас интересно прошел сбор «Береги минутку!»

Андрей Строгонов, Ярославль

Фото- конкурс ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВОДИТЕЛИ БЕСЕДУЮТ

*Саша Дьяков,
Дом пионеров,
город Орел*

В июльском выпуске «Барабана» юнкоры получили задание: «Допишите рассказ. Ответьте на вопрос, что же произошло с Федей». Сегодня печатаем лучшее продолжение.

Итак, это был...

Это был волк. Так показалось Феде. Федя бросился бежать, но на бегу услышал, что за ним стучат копыта. Федея обернулся. За ним бежал маленький теленок.

С тех пор Федя и теленок подружились.

*Рая Тригубенко, село Зеленое
Кировградской области*

Это был самый обыкновенный тигр. Он сбегал из зоопарка. «Фу!» — облебенно вздохнул Федя.

*Юра Староверов,
город Пермь*

Это был кто-то с необыкновенно большой и круглой головой. У Феде

Вы, конечно, догадываетесь, где собрались ребята? Правильно, в пионерской комнате или в красном уголке.

Они выпускают праздничную стенгазету. Каждому нашлось дело: пишут, рисуют, приклеивают фотографии...

А как называется ваша классная стенгазета? Может быть, есть сатирический листок? Участвуешь ли ты в выпуске школьной стенгазеты?

Спроси у родителей, у старшего брата или сестры, приходилось ли им в школьные годы быть автором стенгазеты?

Может быть, в семейном альбоме есть фотоснимки, которые тоже рассказывают о славном пионерском времени?

*Мстислав
Староверов*

Я СТАЛА ПИОНЕРКОЙ

И как-то незаметно
Три года пролетело,
И как-то незаметно
Мне стало десять лет,
Я стала пионеркой,
Держу за все ответ!
Где беда случится,
Скорей спешу туда,
И надо мне учиться
На совесть, как всегда!

Гаяля Костюченко,
4-й класс,
с. Некрасовка
Семипалатинской
области

ПИОНЕРСКАЯ ПЕСНЯ,

Таня Тырина, 12 лет, Коми АССР

Творчество

Мой брат Дениска хорошо знает
электропилу «Дружба».
Однажды смотрели телевизор.
— Выступает ансамбль «Дружба!» —
объявляет диктор.
Дениска спрашивает:
— Кого они будут пилить?

Прислала Вика Соколова
из Ленинградской области

Сестра брату:
— Мой шею до пояса.
Прислала Сима Коврова
из Рязани.

Дедушка прилег на диван.
Внучка Рита спрашивает, трогая морщины на его лбу:
— Дедусь, у тебя лоб треснул?
Лена Киричек и
Ира Брагина
из города Бийска

Бопытство оказалось сильнее. И
вдруг ему в голову пришла замеча-
тельная мысль. Он крикнул: «Это ты,
Боб!» — «Молодец, Федька!» — ото-
звался его друг Борис, и сейчас же
громкая голова с зелеными глаза-
ми куда-то исчезла.

Да, это был Борис. Он вырезал
в пустой тычке дырки в виде глаз и
залепил эти дырки гнилушками.
Они-то и светились зеленым светом.

Гаяля Пахомова, село Петропав-
ловское Алтайского края

Это была ночная птица. Увидев
Федю, она выронила чемодан. Там
было множество разных часов, а
посредине лежал будильник. Вдруг
будильник зазвенел — и Федя про-
снулся.

Лилия Лучковская,
город Вильнюс

Это были зеленые глаза кота
Фрукта. Так звали его, потому что он
любил есть фрукты и ел их все без
разбора. Это не кусты хрустели.
Это Фрукт хрустел большим крас-
ным яблоком. Федя вздохнул с об-
легчением и зашагал в свой пионер-
лагерь.

Таня Иванова, город Джетысар
Кустанайской области

Учительница ученику:
— Ваня, сколько будет — от шести
отнять два?
— Не знаю...
— Ну, например, у вас дома было
шесть кур, мама две зарезала. Сколь-
ко осталось?
Ученик ответил правильно, а после
уроков заспешил домой и с порога
кричит:

— Мама, дай курятинки!
— Какой курятинки? — удивилась
мама.
— А учительница сказала, что ты
две курицы зарезала!

Прислала Кормилычкова Лена
из Омска

ЛЕНЬКИНА премьера

Арк. МИНЧКОВСКИЙ

РАССКАЗ

В тот год я ходил в четвертый класс.

Со мной учился мой лучший приятель и сосед по Ковенскому переулку Ленька Щечкин. Порядочный, между прочим, шалопай, хотя и на редкость сообразительный тип. Этот Ленька был настолько смекалистым, что, весь год читая под партой про Шерлока Холмса и всякие другие захватывающие сочинения, умудрялся притом переходить из класса в класс, да еще без всяких переэкзаменовок.

Секрет чуда, которому завидовали все остальные лодыри нашего четвертого «б», таился в Ленькиных артистических способностях. Верным средством, обезоруживающим самых вездливых из учителей, были щечкинские липовые прямота и чистосердечность.

Если Леньку, и не подумавшего перед тем выучить урок, вызывали к доске, он стоял возле нее с таким неподдельным огорченным выражением на своей круглой физиономии, что не выдерживало ни одно преподавательское сердце. Щечкина с богом отпускали, взяв с него слово, что к следующему разу он будет все знать.

С трогательной благодарностью в глазах Ленька клялся именно так и поступить и, положив мел, бесшумно усаживался на место. С этой благополучной минуты и до конца урока Щечкин, подперев кулаком подбородок, с таким примерным усердием внимал словам учителя, что и в самом деле можно было подумать — не мыслил своего будущего без изучения предмета, о котором шла речь.

Но я-то знал, чем была занята гениальная голова моего друга. Ленька разрабатывал план, как нам улизнуть с последнего урока и успеть на двенадцатичасовой сеанс в кино «Сатурн», где уже третий день шла американская кинокомедия с участием обожаемого нами очкарика — Гарри Ллойда. Я и сам с утра только о том и думал, поминутно нащупывая в кармане пятнадцать копеек, выданные мне на горячий завтрак.

Вообще-то Щечкина и у доски, и устно спрашивали редко. В том ему счастливо помогал русский алфавит. Ленькина фамилия в классном журнале таилась где-то у самого нижнего обреза страницы. Но если у кого-нибудь из учителей и являлась мысль начать опрос снизу вверх, у Щечкина и тут была надежная защита из двух братьев-близнецов Яковлевых и

бестолковой девчонки Юрченковой, с которой дело всегда затягивалось.

Хуже всех в нашем четвертом «б» приходилось Яшке Абу. Надо же, чтобы человеку досталась такая неладная фамилия. «А» и «Б» — и все. В какую историю ни попадешь, всегда станешь гореть самым первым. Никто этого Аба нигде не мог опередить. Даже в толстой, как кирпич, телефонной книге его отец был напечатан на самом первом месте. Ну еще приходилось отдуваться Бабченко, Васину и Глинскому. Словом, Леньке беспокоиться не приходилось. Сидя на своем месте в пятом ряду, он чувствовал себя в полной безопасности.

Однако нашелся в школе человек, который все щечкинские штуки быстро раскусил. Это был учитель естествознания, недавно ставший нашим классным руководителем, Анатолий Николаевич. Он был еще очень молод. Мы любили своего наставника, и больше всего за то, что классным наставником он нам совсем не казался.

Даже внешне Анатолий Николаевич ничем не походил на остальных педагогов, большинство из которых к нам перешло от института благородных девиц, вместе с сетками на лестницах, чтобы воспитанницы не бросались вниз, разочаровавшись в юной жизни.

Был он высок и не по-учительски кудряв. Носил бывалую двубортную тужурку и косоворотку под ней. Так выглядела верхняя половина одежды — память о студенческих годах. Нижняя — брюки-галифе и порыжелые сапоги свидетельствовали о недавнем военном прошлом естествоведа.

Анатолий Николаевич, хотя и встречался с нами далеко не каждый день (ведь уроки естествознания не часты), хорошо знал всех сорви голов и бузотеров, то есть, по-тогдашнему, шумных озорников, и к каждому имел свой подход. Случись что-либо врать или отпираться перед нашим Толей было напрасным делом.

Знал он, разумеется, и Щечкина и прекрасно понимал, что Ленька за птица. Анатолию Николаевичу будто даже доставляло удовольствие наблюдать, как ловко тот выходил из любого положения. Если Щечкин вдохновенно «заливал», почему он опоздал в школу или удрал с урока, наш Толя с вниманием выслушивал его, а потом говорил:

Рисунок Л. Каминского

— Все это, что ты здесь городил, атлет, сочинение. Но придумано лихо. Придется все-таки поговорить о твоих доблестях с твоей мамой.

— Ей-бо, Анатолий Николаевич!..

Ленька чуть ли не бил себя в грудь.

— Хватит, садись, — уже начинал хмуриться Анатолий Николаевич.

Щечкин возвращался на свою парту с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах, но он преоотлично знал, что никакой его мамы Анатолий Николаевич вызывать не станет. Наверное, просто жалея ее. Отца у Щечкина не было. Молодая Ленкина мать служила машинисткой, с трудом зарабатывая на себя и сына. К чести ее, он был всегда аккуратно одет и являлся в класс с чистой шеей и руками. Другое дело, каким Ленька возвращался домой после

нашего ежедневного футбола в школьном саду.

Так вот, однажды шел урок естествознания. Анатолий Николаевич рассказывал нам о лесе: хвойном, лиственном и смешанном. Во втором часу, а урок был сдвоенный и до звонка еще оставалось время, классный руководитель решил посвятить свободные минуты повторению ранее пройденного. Все, кто был за партами, устремили взгляды туда, где сидела Ляля Амматуни — единственная обладательница часов в четвертом «б». Трижды разжав и сжав пальцы, Ляля дала понять, что до конца урока оставалось пятнадцать минут.

И конечно же, началось с разнесчастного Аба. Поднявшись со своего места, Яшка пробормотал что-то более или менее связанное про пестики и тычинки, поскольку вопрос касался строения цветов.

Анатолий Николаевич кивнул Абу и, поставив отметку в журнале, велел ему садиться.

Теперь настала очередь Бабченко или Вассина. Убеденный в полной своей безопасности, Ленка смотрел на учителя с такой бесстрашной решимостью, что, казалось, готов был продемонстрировать знания и перед ученым собранием ботаников.

Вид его был вызывающим, и я даже подумал: перегибает Щечкин, позабыл о том, как трудно провести догадливого Толю.

Так оно и случилось.

Пока отвечал Аб, Ленка, глядя в сторону доски, утвердительно кивал головой. Дескать, все правильно. Так оно и есть, я-то, мол, знаю. Хотя мне было понятно: он и не думал учить ничего пройденного. Весь вечер перед тем мы допоздна гоняли на коньках в Тавриге, так у нас звался Таврический сад.

Но тут Анатолий Николаевич оторвался от журнала, поднял голову и, неторопливо окинув взглядом сидящих перед ним, остановился на моем великолепном друге, а затем сказал:

— Ну, так. А не продолжить ли нам с конца?.. Ответит, ответит... — Он чуточку помолчал. В глазах мелькнула лукавая усмешка. — Ответит нам... Ну, например, Щечкин.

Разумеется, Ленка подобного не ожидал. Скорее всего он и не подумал о том, что сегодня заключал список. Ведь Яковлевы со своим военным отцом-артиллеристом уехали в другой город, а толстый переросток Юрченкова запоздало болела коклюшем.

У меня заныло в животе. Ну и будет полыхать ярким пламенем мой дружок! Интересно, как ему удастся выплыть?

Но происшедшее в дальнейшем превзошло все ожидания.

Ленка, не меняя позы примерного ученика, все так же открыто смотрел вперед, словно произнесенное учителем касалось кого угодно, только не его.

— В чем дело?—удивленно продолжал Анатолий Николаевич. — Щечкин, я, кажется, обращаюсь к тебе. Ты что, перестал слышать?

Меж тем Ленка продолжал свою дурацкую игру. Улыбка на лице Анатолия Николаевича сменилась недоумением. Класс замер, не в силах догадаться, что это все значило. А Щечкин, наверное, решив, что достаточно помотал нас и учителя, спокойно сказал:

— Если вы меня, Анатолий Николаевич, то я не Щечкин.

Сделалась такая тишина, что стало слышнее чириканье воробьев за двойными оконными рамами.

— То есть как это ты не Щечкин? — чувство юмора внезапно покинуло нашего славного Толю. — Кто же ты в таком случае такой?

— Я — Малышев, — не моргнув глазом, заявил Ленка. — Начинаюсь на букву «М».

Всегда спокойный Анатолий Николаевич, кажется, уже начал терять терпение. Еще бы несколько секунд, и он, пожалуй, мог взорваться, выведенный из себя новой выходкой Лен-

ки. Накричал бы на него и выставил из класса, как это бывало с другими учителями. Мы обалдело смотрели на Щечкина, не в силах взять в толк, что с ним стряслось. А сам Ленка, уже поднявшись за партой, невозмутимо продолжал:

— Я Малышев, Анатолий Николаевич. Моя мама вышла замуж, а отчим усыновил меня. Я теперь Малышев.

— Малышев?! Мама вышла замуж?! — повторил классный руководитель, недоверчиво глядя в журнал.

— Да. Она уже приходила к завучу. Только тут мою правильную фамилию еще не успели записать. Я теперь между Локтевой и Миллером. Так они захотели — взрослые. Я тут ни при чем.

Сказав все это, Ленка Малышев, бывший Щечкин, опустил за парту и умолк, довольный произведенным впечатлением. Попробуй сейчас доберись до него, с какой стороны ни начинай.

— Малышев!.. Вот это да! Ну, ловко!..

Анатолий Николаевич вернулся к своему обычному состоянию. Кажется, он был в восхищении от нового трюка находчивого ученика. Взглянув на Ленку, он вдруг громко расхохотался. Глядя на учителя, стали смеяться и мы, довольные любой возможностью проволочки времени. Не прошло и минуты, как уже громко хохотал весь четвертый «б». Стыдливо хихикали девчонки на первых партах. Громко гоготала галерка. Со всем классом смеялся и Ленка. Еще бы! Смотрите, сколько он доставил всем удовольствия.

Пытаясь подавить свой смех, Анатолий Николаевич напрасно стучал ладонью по столу. Где там было унять развеселившийся класс! Лишь только наступало затишье, кто-то прыскал снова, и смех возникал с новой бушующей силой. Удержаться от него не мог и наш воспитатель.

— Ну, хорошо, хорошо, — с трудом выговаривал он, давась от хохота. — Малышев так Малышев... Может быть, ты все-таки скажешь нам, Малышев...

Однако Ленкин расчет был точным. В эту минуту в коридоре зазвенел спасительный звонок. Анатолий Николаевич махнул рукой и все так же, преодолевая душивший его смех, с журналом в руках заспешил из класса в учительскую, чтобы поделиться тем забавным, что произошло на его уроке. Впрочем, не знаю, кто из его почтенных коллег мог там разделить веселость молодого классного руководителя.

Прошли годы. Ленкины таланты не пропали даром. Он и в самом деле стал артистом и очень неплохим. Снимался в кино и играл в Театре комедии. Но, думаю, ни в одной своей смешной роли на его долю не выпадало такого оглушительного успеха, как в тот далекий зимний день в четвертом «б» классе в школе вблизи Невского проспекта, когда он впервые объявил себя Малышевым.

РЕЛЬСЫ ТАШКЕНТСКОГО МЕТРО

Десять лет назад сильное землетрясение разрушило центральную часть столицы Узбекистана. За эти годы вырос Ташкент — город современных архитектурных ансамблей, красивых парков и скверов.

Строители из всех братских советских республик помогали возводить новый Ташкент. И такой он теперь большой, такой многолюдный, наш город, что трамваев, автобусов, троллейбусов уже не хватает для перевозки горожан. В этом году стройкой номер один стало ташкентское метро. Комсомол объявил эту стройку ударной и направил туда лучших своих воспитанников.

Первую линию метростроевцы обязались ввести в строй к празднику 60-летия Октября.

Это досрочно. Но для досрочного строительства нужен «неплановый металл». Где его взять? Так родился призыв «Ташкентскому метро — рельсы из пионерского и комсомольского металла!» Весной этого года мы провели месячник по сбору металлолома. Во

всех комсомольских организациях, в пионерских дружинах прошли митинги: хотелось, чтобы каждый почувствовал, как нуждаются строители в его помощи. И ребята откликнулись. За март и половину апреля они собрали лома в пять раз больше, чем во время такого же месячника в прошлом году. Из Ташкента на металлургический комбинат специальный поезд увез 600 тонн драгоценного сырья.

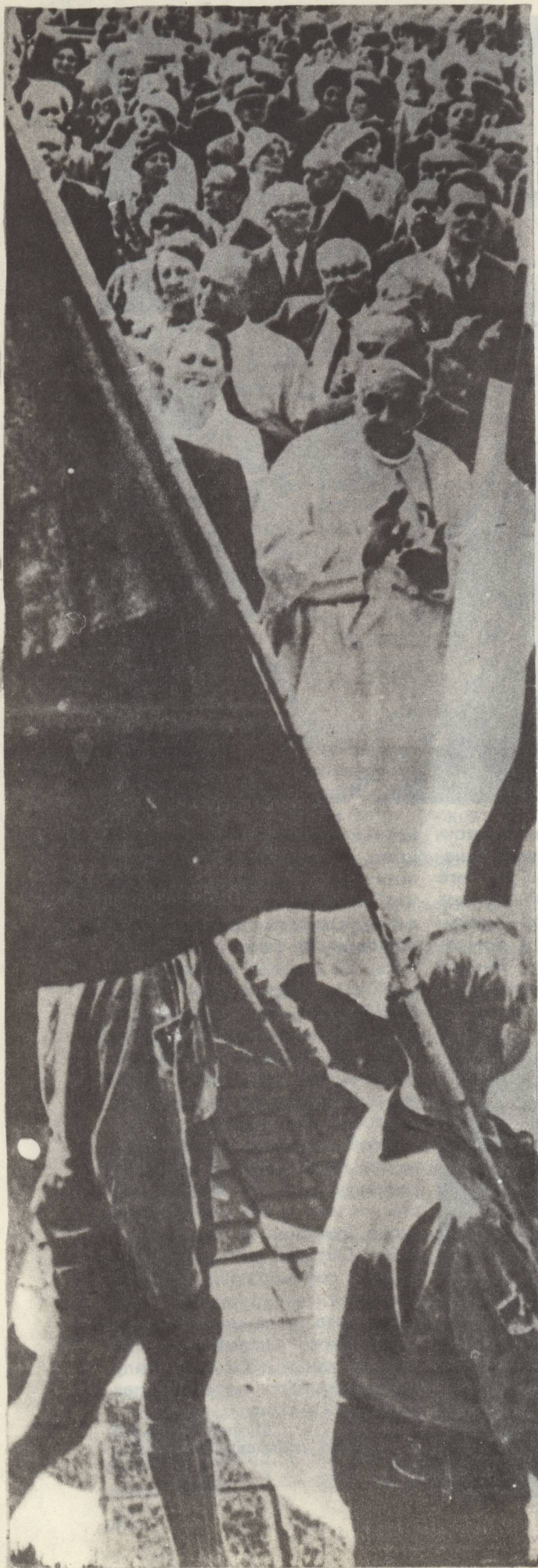
Особенно отличились ребята из школы № 32 Сергийского района. На втором месте — школа № 216 Хамзинского района, на третьем — 106-я Октябрьского. Победителям соревнования вручен комплект инструментов для школьного вокально-инструментального ансамбля. А самые активные сборщики получают право быть первыми пассажирами метро.

Шухрат НУСРАТОВ,
первый секретарь Ташкентского
ГК ВЛКСМ

Фото В. Гусева

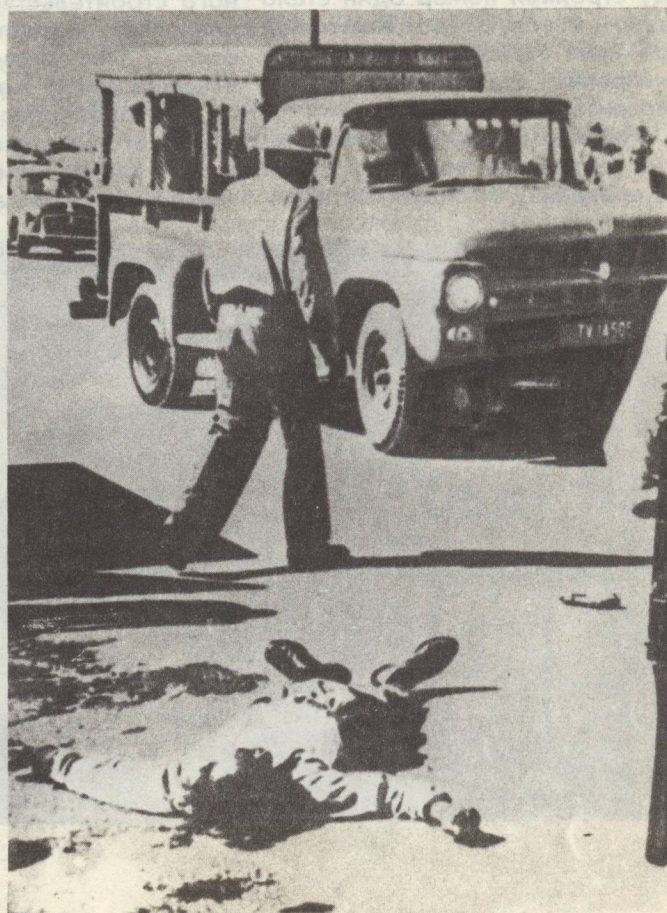
**„Вызовом совести человечества
является господство расистов
над народами ЮАР,
Намибии и Зимбабве...“**

*Из Заявления XXV съезда
Коммунистической партии
Советского Союза*

*„Свободу узникам
империализма и
реакции“*

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЗОНА

Александр ИВАНЧЕНКО

В Юго-Западную Африку, или, как ее теперь называют, Намибию, меня привела случайность. Говорю об этом потому, что обычным путем советскому человеку попасть сюда невозможно.

Расположенная в знойной полупустыне, богатая алмазами, золотом и редкими цветными металлами, эта страна долгое время была колонией Германии, а в настоящее время — подмандатная территория ЮАР. На подмандатной территории южноафриканские расисты установили такие драконовские порядки, которых, наверное, не знала еще история. Чтобы скрыть свои преступления, правители ЮАР запретили въезд в Намибию всем прогрессивным политическим деятелям, писателям, журналистам и даже «нелояльным» морякам. О советских моряках и говорить нечего — мы для них самые опасные. Но за нас настойчиво хлопотали англичане, решившие заработать на ремонте нашего корабля, потерпевшего аварию неподалеку от Уолфиш-Бей. В этом порту у англичан есть своя спасательная станция и завод, оказывающий небольшие ремонтные услуги.

Самому не верится, но все же это правда! Я — в Южной Африке, и мне разрешено сойти на берег.

БЫВШИЕ И БУДУЩЕЕ

По сравнению с огромным портом сам город Уолфиш-Бей невелик, в его «белой» части, то есть там, где живут европейцы, всего три с половиной тысячи населения. Всюду похожие на казармы шлакобетонные и дощатые дома, камень, выедающая глаза пылица. Ни деревца, ни кустика, ни травинки.

Мужское население — в основном из «бывших». Пятьсот человек одних недобитых эсэсовцев — это две трети всех взрослых мужчин города. В день нашего прихода в Уолфиш-Бей об этом сообщила местная газета. Видимо, не без

цели: вот, мол, мы, эсэсовцы, живы и процветаем.

Моим гидом был молодой англичанин Гарри. Идем по улице, за нами бегут мальчишки.

— Спички! Спички! — кричат по-русски.

Мальчишки — везде мальчишки. Коллекционируют спичечные этикетки и ради этого уже успели выучить русское слово. Я остановился, достаю коробок. Вдруг откуда ни возьмись — юнец лет четырнадцати. Ковбойская шляпа со шнурком, цвета хаки безрукавка и шорты. На ремне настоящий пистолет и нож. Смотрит воинственно, грозно.

— А ну, голодранцы!

Мальчишек как ветром сдуло. Вооруженная особа смирила меня презрительным взглядом и, насистывая, вразвалочку удалилась.

Гарри сказал:

— Будущая гвардия фашистов! Этих щенков они дрессируют, как волчат. Не идиоты?

Я догнал паренька и говорю очень вежливо:

— Молодой человек, разрешите вас сфотографировать.

— Я не модель для рекламы.

И, как будто не замечая меня, шагает дальше.

— Ну, зачем же так строго, а, молодой человек?

Удивившись, пожал плечами.

— Что, моя физиономия производит впечатление?

— Форма у вас интересная.

Нехотя привалился спиной к глиняному уличному забору и уставился в объектив.

— Ну, вот мы и помирились, — сказал я, надеясь еще поговорить.

Но сеанс взаимопонимания кончился. Парень вспомнил, вероятно, с кем имеет дело, и сразу нахмурился.

Это был бойскаут — мальчик-скаут.

У южноафриканских скаутов интересы совсем не ребячьи. Это военизированные объединения подростков. Они созданы по образу и подобию штурмовых отрядов «Гитлерюгенда», которые существовали в гитлеровской Германии.

Подчиняются скауты в ЮАР полиции. Она занимается их воспитанием и за свой счет содержит отряды. Это воспитание заключается в том, чтобы юное поколение белых росло фанатически преданным режиму расистов и, самое важное, чтобы эти юнцы были способны без раздумий стрелять в любого кафра, как презрительно называют расисты коренных жителей страны. В четырнадцать лет скаутам уже дают огнестрельное оружие и усиленно обучают тактике карательных экспедиций. Я встречал вооруженных пистолетами даже девочек. С недавних пор их тоже принимают в скауты. И вот что примечательно: это нововведение пришло в ЮАР из Израиля, хотя на словах ничего иудейского расисты не приемлют. По отношению к евреям они проповедуют те же взгляды, каких в свое время придерживались гитлеровцы.

Гарри рассказывал, что из всех, кто носит в Южной Африке оружие, скауты самые жестокие. Если они участвуют в подавлении какого-нибудь бунта, а это случается не так уж редко, непременно льется кровь. За две недели до нашего прихода в Уолфиш-Бей именно скауты разгоняли заба-

ставку чернокожих докеров, стреляя по ним, как по дичи.

Слушая рассказ о малолетних убийцах, я все думал: «Ведь у всех этих ребят, кроме прошедших нацистскую школу отцов и дедов, есть еще матери. Неужели женщинам не страшно видеть, как дети становятся преступниками?»

Ответ на свой вопрос нашел в «Трансваалер» — одной из газет расистов:

«Если мы, четыре миллиона европейцев, хотим и впредь сохранять в этой стране свое господствующее положение, нам нельзя ни на минуту забывать о растущей массе чернокожих, мулатов и цветных. Их уже 15 миллионов, и каждый из них, если не сегодня, то завтра, потребует равноправия.

Лига белых матерей призывает всех женщин нашей расы воспитывать своих детей стойкими борцами. Не бойтесь, если в характере вашего сына или дочери развивается беспощадность. Мягкая сострадательность для них будет губительной.

Истинный патриот нашей расы должен держать в руках меч!»

Автор этой статьи — Гертруда Цейцлер. Немка по национальности, она родилась и выросла в Уолфиш-Бее. Здесь ее все знают, но больше говорят о ее детях, семнадцатилетней Эльзе и пятнадцатилетнем Вилли. Эта юная парочка прославилась своими «забавами».

Зная, что тротуары в городе поделены на «черные» и «белые», и на ту сторону, где ходят европейцы, африканец никогда не зайдет и должен загодя остановиться, если белый переходит перекресток, Эльза и Вилли устраивают засады. Они выскакивают на перекресток так внезапно, что африканцу деваться некуда. Он обя-

зан остановиться и ждать, пока ему позволят пройти. Юные садисты этим и пользуются. Вытащив из сумки дохлую кошку, они кидают ее в лицо несчастному и с диким гиканьем носятся вокруг. Как-то защищаться он не может. Это значило бы нарушить «закон о повиновении». А за нарушение — суд. И неизвестно, каким окажется приговор.

Конечно, не все белые благосклонно взирают на подобное надругательство над человеком. Но самое тяжкое преступление, которое европеец может совершить в Южной Африке, это ударить, оскорбить или унижить человека своей расы в присутствии чернокожих. Чернокожие должны знать: белая раса монолитна, ее представители спаяны взаимной симпатией и всегда готовы поддержать друг друга.

ЧТО ТАКОЕ БАНТУСТАН?

Вся территория Южной Африки сейчас поделена на зоны. Самая большая из них, занимающая 87 процентов всей площади, объявлена суверенным государством белых, то есть Южно-Африканской Республикой.

Остальная площадь страны — это бантустаны, будто бы тоже суверенные государства, куда согнано все многомиллионное африканское население. Теперь все они считаются не гражданами ЮАР, а подданными бантустанов, «освободившихся» от колониальной зависимости. Что вы, какие колонии! ЮАР всем дала свободу.

А жить в бантустанах нечем. Здесь нет возможности развивать продуктивное земледелие, нет никаких полезных ископаемых и вообще нет ничего, что позволяло бы строить независимую экономику. Все основные богатства страны сосредоточены на территории белых. Но у них нет рабочей силы, они привыкли жить господами и никакой работой сами не занимаются. Поэтому всю массу рабочих ввозят «из-за границы», то есть из бантустанов.

В собственной стране африканцы превращены в «иностранных». А коль так, им нечего на что-то претендовать. Не нравятся порядки ЮАР, пусть убираются в свои бантустаны.

Расчет расистов понятен: голод заставит смириться.

Бантустаны создаются и в Намибии. Территория одного из них начинается сразу за Уолфиш-Беем. До ближайшего поселка, кажется, не больше полутора километров. Но пока пройдешь петляющую меж зыбучих барханов дорожку, весь взмокнешь. В одиннадцать часов дня солнце здесь почти в зените. На небе скопище облаков, но дождя нет и не будет. Пустыня! Ноги до щиколоток тонут в песке. Он набивается в туфли и жжет, как раскаленные железные опилки.

Метров за двести до поселка путь преграждают колючая проволока и закрытые ворота. За воротами будка из фанеры и шифера и сонный констебль — бантустановский полицейский, выполняющий роль стража «границы». Замызганный, лоснящийся мундир, не по росту длинные синие брюки, обтрепанные, в заплатах.

Констеблю лет сорок — сорок пять. Увидев нас, подхватился, вприпрыжку ковыляет навстречу.

— Добрый день, баасы.*

Извиняясь, напоминает, что без особого разрешения белым вход на территорию бантустана запрещен. Тогда Гарри небрежно сует ему какую-то бумажку. Нет, вовсе не разрешение, просто бумажку, но на ней что-то написано, и неграмотному констеблю этого достаточно.

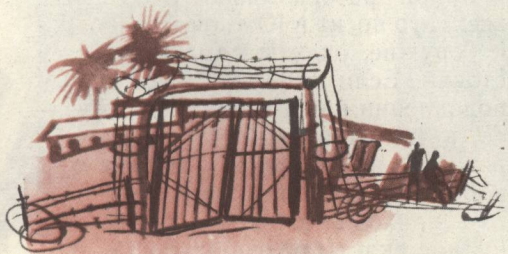
— Да, баасы, хорошо, баасы.

На маленькой замусоренной площади поселка — стайка нагой детворы. Один малыш колотит в тамтам, другие скачут вокруг. Когда мы стали подходить к ним, кинулись кто куда.

Дома — глинобитные, крытые камышом и дражкой. Окна — пустые проемы. Стекол нигде нет: они дорого стоят.

У одного из домов на пере-

* Господа

вернутом ящике сидит старик. Курит трубку, думает свою думу. Мы его потревожили. С трудом встал, поклонился.

— Здравствуйте, баасы!

Говорю, что я иностранец и хотел бы с ним поговорить.

— Хорошо, баас, я вижу, что вы иностранец. У вас белая кожа.

— Да, отец, но я не из Южной Республики, я приехал из совсем другой страны. Она называется Советский Союз.

Виновато улыбается, не слышал о такой.

Садимся рядом на ящик, я прошу рассказать, как их сюда переселили.

Задумчиво затянулся, выпустил струю сизого дыма.

— Тогда убили бааса... Да, сэр, я помню, как это было. Он приехал в деревню на джипе и сказал, что вышел новый закон, и чернокожие должны переселиться на новое место, а мы всегда жили в деревне. Но баас ходил с плеткой по хижинам и стегал женщин, чтобы они скорее укладывали вещи. Он стегал женщин до крови, и тогда наши мужчины убили его, а труп бросили в озеро. В деревне остался джип, мы не знали, что с ним делать. На второй день приехали полицейские. Они оцепили деревню и велели нам собраться у джипа. Начальник спрашивал, кто убил бааса. Мы этого не могли сказать, сэр. Возможно, его убил Нтомо или кто-то другой. Бааса били все мужчины. Одного убийцу мы бы не назвали. Начальник хотел одного. Хэнни был самым заметным, его голова поднималась над нами на целый фут. Начальник сказал: «Я вижу, это ты убил бааса!» Хэнни ответил: «Нет, начальник, я не убивал, я продавал в городе дыни и вернулся в деревню вечером, а бааса убили днем». Но полицейские крикнули: «Не верь ему, лейтенант!» Они схватили Хэнни и привязали ногами к джипу. Начальник сказал: «Я сделаю из тебя бифштекс, ты у меня заговоришь!» Хэнни молчал. Он не знал, что говорить. Потом они убили еще Джари и Ндлоно. Мы думали, Джари будет наш вождь, он умел писать, но

не все, сэр, выходит так, как думаешь. Только бог знает, что будет завтра. Еще десять мужчин они арестовали и увезли. А в полдень пришли машины за нами. Когда нас увозили, наша деревня горела...

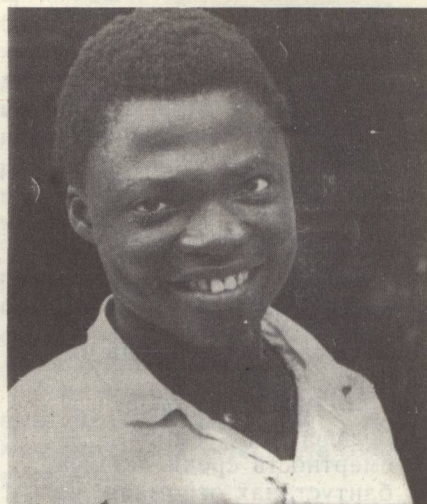
Я зашел к старику в дом. На земляном полу разбросаны циновки и лохмотья — постели. Никакой мебели. У входа топится продолговатая каменная печька. Хозяйка, ее зовут Изабелла, варит обед — чугунок бобов.

— Эта вся ваша еда?

— Да, сэр... Муж давно не присылал денег.

— Он уехал на заработки?

— Да, сэр, в Южную Республику. Он в городе Йоганнесбурге, третий год уже там.

Он верит: Намибия будет свободной.

Народ Намибии поднимается на вооруженную борьбу с расистами.

Все молодые мужчины туда уехали, в нашем бантустане негде работать.

— Скучаете по мужу?

— Да, сэр. Кто же не скучает! В прошлом году он просил меня приехать, но как же я поеду, если не разрешают ездить к мужьям?

У нас было семеро детей, но муж не знает, что за последние два года пятеро умерли.

— Все правильно, — подтвердил Гарри, — смертность среди детей в бантустанах огромная: из каждой тысячи ребят семьсот умирают до пятилетнего возраста. Причина, как говорят врачи, одна: недоедание. И не потому, что в ЮАР не хватает продуктов питания. Продуктов достаточно. Но правительство хочет, чтобы число европейцев в Намибии превышало количество африканцев. А голод — самый лучший убийца.

...Страшное горе смотрело на меня глазами старика и этой рано поседшей женщины. Но ведь никакое насилие не может продолжаться вечно. Некогда могущественной колониальной системы империалистических государств, огнем и мечом утверждавших свое господство над поработенными народами, больше не существует. Ее сокрушили все честные люди земли, их борьба за справедливость и гуманизм. От бывшей колониальной системы остались одни осколки. И один из них — Намибия. Но ее народ уже поднялся на борьбу. Во всех уголках страны создаются партизанские отряды, формируется народно-освободительная армия. Патриотов воодушевляют пример соседней Анголы, поддержка стран социализма. Народ Намибии докажет, кто является хозяином Намибии.

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Если вас спросят, как ищут месторождения нефти, угольные пласты или золотоносные жилы, — многие ответят без затруднения. Одни скажут, что в этой работе помогают буровые установки. Другие вспомнят о специальных приборах — сейсмографах. А эрудиты свой ответ начнут с упоминания о космических снимках.

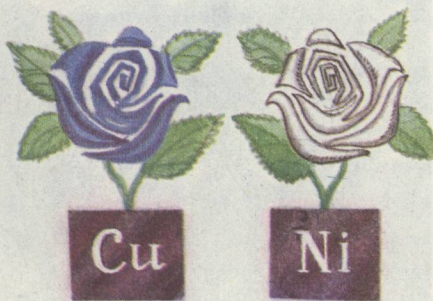
Действительно, способов геологоразведки много. Мы расскажем о самых необычных из них.

ДИКОВИННЫЙ ГЕРБАРИЙ

Доктор геологических наук
Нинель Николаевна
ВАСИЛЬЕВА

Я понимаю: трудно представить геолога, который вместо образцов камней собирает в рюкзак одуванчики и ромашки, маки и незабудки, розы и колокольчики. И все-таки мы их собираем и считаем, чем больше соберем, тем лучше. Зачем мы это делаем?

Дело в том, что обычная расцветка лепестков может у цветов резко меняться. Причина — повышенное содержание в земле некоторых элементов.

И вот что получается. Если под ногами, к примеру, прячется медь, бутоны роз становятся синими или голубыми. А никель лепестки цветов обесцве-

чивает. Марганец делает алыми даже голубые колокольчики.

Вы спросите: «Но ведь месторождения укрыты от нас могучими толщами земли, а цветы растут на поверхности?..»

Отвечу: все очень просто, корни растений служат настоящим буром. Иногда, как например у среднеазиатского саксаула, они уходят вниз на десятки метров. Это раз. А во-вторых, вода сама просачивается наверх, размывая ценную залежь. Попьет цветок такой влаги — и вдруг на его красных лепестках появляются черные пятнышки. Именно по такой примете на чашечках альпийского мака поисковые партии могут обнаружить признаки месторождения медно-молибденовых руд.

Сорок три химических элемента (почти половину перио-

дической таблицы Менделеева!) способен разведать на глубине до ста метров «зеленый бур» — растение. А составление гербариев обходится дешево и дает прекрасные результаты. Вот почему в Ленинградском университете впервые началась подготовка людей новой профессии — биогеохимиков.

Ну, а если растения не меняют своего облика? Тогда мы сжигаем их сухие ветки, листья, корни. Мельчайшие доли ценного вещества в золе уже говорят о том, что где-то неподалеку имеются драгоценные клады. Из золы растений можно даже добывать некоторые ценные металлы. Например, никель.

В родниках тоже есть микродозы различных химических веществ. В Средней Азии один горячий источник давал воду с примесью свинца. Копнули глубже — наткнулись на месторождение. В Предуралье вода навела разведчиков на богатую калийную жилу. Сейчас там уже работает крупнейшее в Европе предприятие по выпуску удобрений — Соликамский комбинат.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ РУДОЗНАТЦЫ

Доктор биологических наук
Георгий Аркадьевич
ВАСИЛЬЕВ

Чем может похвастать любящая собака? Обонянием! Всем известно, что собаки чувствуют запахи в миллион раз более слабые, чем человек. Но кто мог подумать, что их носам доступна едва ли не вся гамма химических элементов! А между тем опыты показали — чувствуют!

Когда мы поняли это, то усадили собак «за парты».

Вначале нашим четвероногим ученикам поручали отыскивать валуны, содержащие определенные минералы. Постепенно задания усложнялись.

С каждым днем собаки все больше поражали проводников. Животные подавали голос даже там, где, на первый взгляд, не было и намека на искомые породы. И каждый раз проверка подтверждала: в этих местах есть полезные ископаемые!

Даже зимой, при снежном покрове в полметра, собаки отыскивали кусочки руды, спрятанные в куче камней или даже брошенные в болото.

С их помощью поиск идет в пять раз быстрее, чем с помощью самых чувствительных приборов.

Собаки открыли новые залежи полезных ископаемых у

Ладожского озера, на Кольском полуострове, в Казахстане и в Туве.

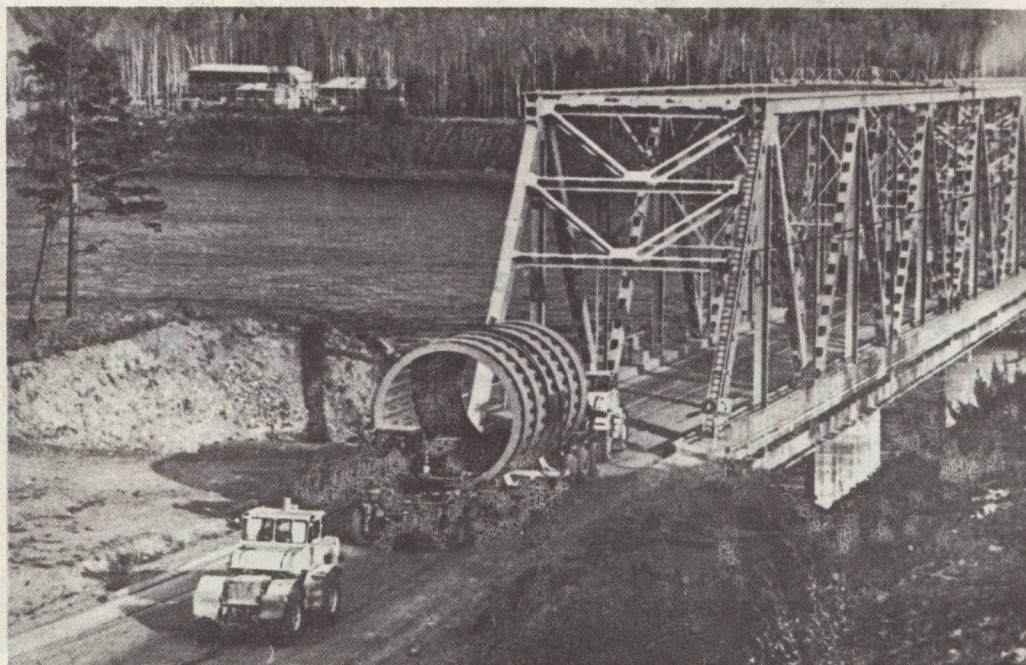
Рисунки А. Януса

*****:*****

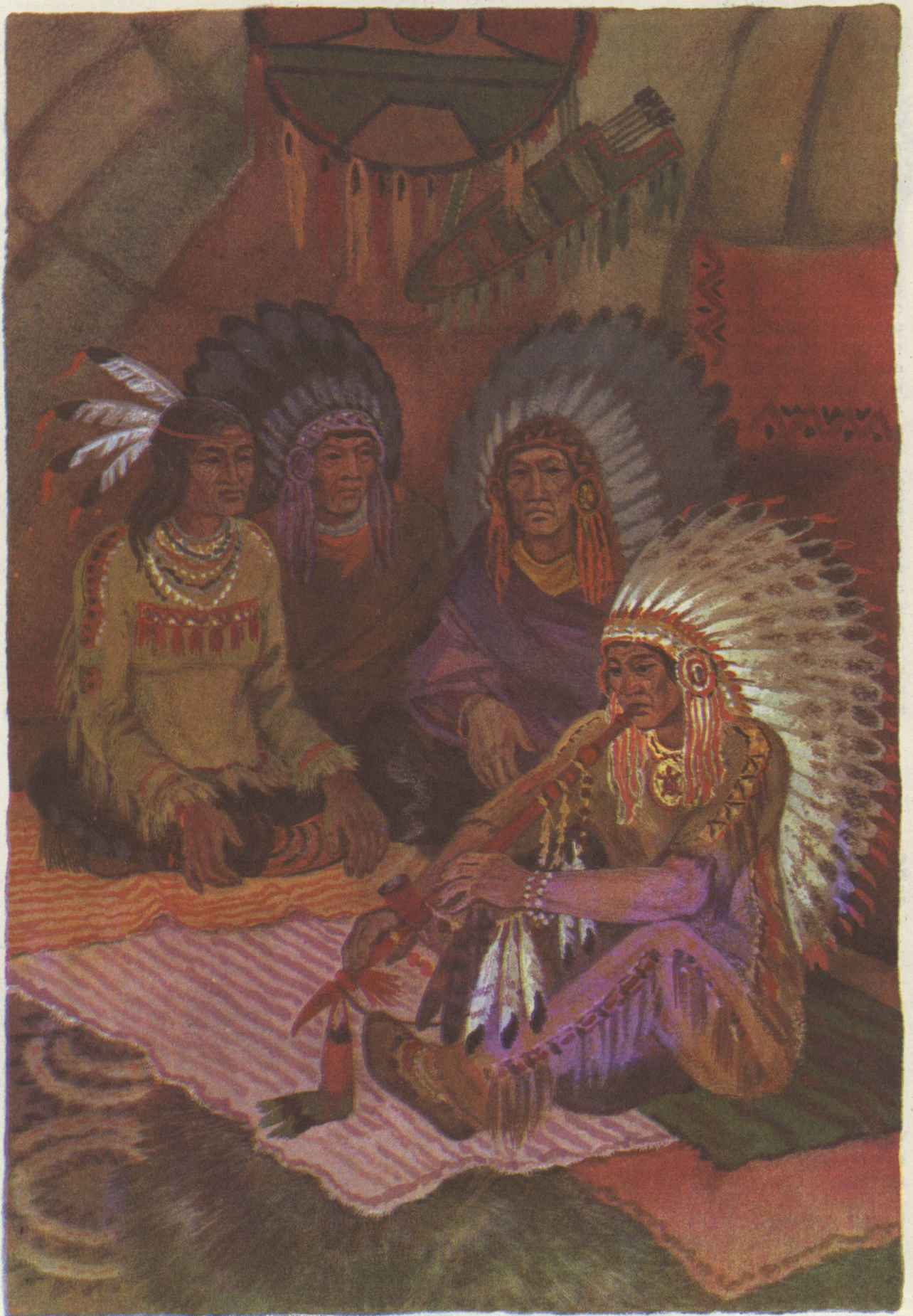
ОКНО ПЯТИЛЕТКИ

Усть-Илим.
Всесоюзная
ударная
комсомольско-
молодежная
стройка.

Со всех концов
страны
прибывают
на новую ГЭС
оборудование
и материалы.

ПУТЬ ЧЕРЕЗ МИССУРИ

Лизелотта
ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки К. Овчинникова

Токей Ито не двигался. Он смотрел вслед всадникам. Потом повернул коня и пристально взглянул на друзей.

— Вы все слышали?

— Да, — ответил Четанзапа, — и мы хотим посоветоваться с тобой, что нам делать.

Вождь насупил брови.

— Советоваться не о чем. Вы переправитесь с нашими палатками через реку. Я останусь здесь, чтобы отомстить за моего отца Матотату и буду держать врагов до тех пор, пока вы не достигнете лесных гор по ту сторону границы.

— Ты останешься, — не выдержал Четанзапа, — и отдашь себя на растерзание этому полчищу уайтчицунов, которые жаждут награды за твой скальп. Ты думаешь, Черный Сокол рассядется в лесных горах на бизоньей шкуре, в то время как эта свора станет терзать тебя, словно волки, напавшие на бизона? Ты хочешь, чтобы твое имя было в чести, а наши — покрыты позором! Знай же, я не покину тебя!

— И я не покину тебя! — сказал Бобер. — Умрем, но умрем, как мужчины! На это мы готовы! Лучше не жить, чем еще раз предать Токей Ито!

— Я не покину тебя! — крикнул Шунктокеча, но уже в следующий миг пожалел о прозвучавшем в его словах упрямстве: он увидел, как изменилось лицо Токей Ито.

— Я сдержу свое слово, и вы не помешаете мне! Я повел вас через Илистую воду, в свободную страну, и вы будете там со своими женами и детьми. — Взгляды Токей Ито и Четанзапы встретились. — Ты, Черный Сокол, сын Солнечного Дождя, поклянись мне на священной трубке, что переправишь наших и не вернешься назад. Но если ты не желаешь мне подчиняться и мои слова для тебя пустой звук, скажи об этом прямо, и я убью себя сам.

— Ты хочешь умертвить себя, если мы тебя не послушаемся, — огорченно и сконфуженно произнес Четанзапа. — Но ведь если мы послушаемся, это и будет твоя смерть. Ты и сам не веришь, что ускользнешь от этой стаи поджидающих тебя койотов, да еще попытаешься задержать их, пока мы не достигнем лесных гор.

— Четанзапа, я верю в то, что говорю. И раз вы этого хотите, я ускользну от шайки поджидающих меня койотов и вернусь в наши палат-

ки, как только вы перейдете границу. Да, я сделаю это, раз я вам еще нужен. Я сделаю все, что смогу, чтобы вернуться к вам.

— Но кто же сообщит нам о тебе?

— Гром Гор — сиксик, он может остаться на этом берегу реки, чтобы сообщить вам обо мне. Он не дакота. За него я не давал уайтчицунам никаких обещаний.

— Ты принуждаешь меня, вождь... Но жизнь моя принадлежит тебе, и клянусь — я переправлю наши палатки.

Вернувшись в лагерь, мужчины пустили мустангов в табун и вместе с Токей Ито направились к жрецу Хавандшите. Священная трубка пошла из рук в руки. В свое время ее дымом было закреплено решение воинов переселиться на чужбину, теперь она перед небом и землей подтверждала решение вождя.

Трубка еще дымилась, когда Шунктокеча, куривший последним, вернул ее на хранение Уиноне. Он последовал за Токей Ито, уже вышедшим из палатки старика. С опущенной головой шагал Шунктокеча за вождем. Склон никогда не был для него так крут, послеполу-денное солнце никогда не казалось таким невыносимым. Ведь это он в пылу схватки расстрелял последние патроны вождя. Это из-за него вождю придется выйти под пули Рэда Фокса со стрелами.

День ото дня, с часу на час спадала вода. Показались луга. Влажная и размокшая лежала на земле бурая перезимовавшая трава, она резко отличалась от молодой зелени, что была выше области затопления. Виднелись потерянные потоком деревья. Женщины оттаскивали в сторону вздувшиеся трупы утонувших животных. Шум бурлящего в главной долине потока становился слабее. Когда Грозовая Тучка сбегала вниз к краю лога, она увидела, что в долине показались из воды верхушки бугров, тянувшихся вдоль берега реки. На долину, полную грязи и мутных луж, с виднеющимися там и сям обломками деревьев и трупами животных смотреть было страшно.

До переправы оставалось еще два дня.

И вот Грозовая Тучка снова в лагере, снова ждет. Она охотно поговорила бы с Ситопанакки, и та, конечно бы, рассказала ей кое-что о землях, лежащих по другую сторону Мини Со-се. Но дочь вождя чужого племени была молчалива и грустна, да и языка дакотов она все равно не знала. Грозовая Тучка все-таки нет-нет да и посматривала на эту черноногую, ко-

Продолжение. Начало см. в «Костре» № 10, 1976 г.

торую всего несколько дней назад ненавидела, ревнуя к Уиноне. Теперь она полюбила чужую и все чаще и чаще так вот украдкой поглядывала на нее. Ситопанаки держалась гордо, хотя и была страшно печальна. Да, видимо, она очень любила Токей Ито.

Однажды ночью — это была последняя ночь перед переправой через реку — услышала Грозовая Тучка во сне будто бы ветер тихонько поет в траве. Словно бы песня звучит незнакомая. И девочке не хотелось просыпаться. Она видела во сне дакотскую девушку, которая выехала в каноэ на озеро, чтобы найти своего возлюбленного. Но только его колчан со стрелами нашла она на зеркальной глади озера.

Тут Грозовая Тучка проснулась. Над землей уже брезжил рассвет и звезды померкли. В долине шумела вода. Все еще спали, и даже собаки продолжали лежать, свернувшись клубками и спрятав носы. Лишь одна худенькая девушка уже была на ногах. Она стояла на коленях в траве и заплетала свои длинные тяжелые волосы. Тут из сумерек со стороны лога показалась фигура вождя. Девушка испугалась. Она еще больше наклонилась, спрятала совсем свое лицо. Медленно, без звука прошепствовал мимо нее мужчина, повернул голову к ней, посмотрел на нее. И вот он уже зашагал вверх по склону холма, словно горный лев, готовый в любой момент к прыжку.

Грозовая Тучка опять смежила веки и терпеливо ждала, пока ее разбудят. Никому не следовало знать, что она уже проснулась.

И наступивший день тоже прошел спокойно. Грозовая Тучка и Ящерка опять сидели около Унчида, а она говорила о том, как они с наступлением ночи двинутся в путь.

День угасал. Солнце закатилось, дрозды запели свою вечернюю песню, но в лагере не чувствовалось еще никакого оживления. Паслись, как обычно, лошади, рыскали вокруг собаки. Большая серая собака облизывала своих щенят. Грозовая Тучка уже присмотрела себе черненького, и Уинона обещала дать его, если позволит Токей Ито. Девочка вздыхала и гладила собаку. Засверкали первые звездочки. Подул ветерок, и журчание воды в долине стало отчетливей.

Унчида поднялась со своего места. Это послужило сигналом. Не было сказано ни слова. Женщины и девочки подняли легкие лодки и длинной чередой двинулись к долине чуть вверх по течению. Другие вместе с детьми повели лошадей.

Девочки взяли двух коней и без помощи взрослых вскарабкались на них. Лошади послушно пошли в длинной цепочке по логу. Копыта шлепали по лужам, оставшимся от поймы воды.

В главной долине вода была еще высоко, но текла уже не так быстро. Женщины спустили лодки, погрузили в них поклажу и поплыли, огибая выступающие островки. Грозовая Тучка и Ящерка различили в темноте группу вои-

нов и среди них Четанзапу на добытом в бою сивом коне. Они толпились на мелкой воде. Часть воинов оставалась пока наверху, на краю прерии. Они были готовы встретить врага, но тот пока никак не проявлял себя.

Грозовая Тучка и Ящерка были в конце цепочки. Но за ними вернулась назад через реку Уинона. Чапа Курчавый и Сын Антилопы помогли ей, плывя рядом с лодкой.

Грозовая Тучка еще раз посмотрела на покинутый ими высокий южный берег. Там можно было различить последних воинов, которые вслед за другими спускались вниз, в долину, к реке. Но один-единственный оставался. Он виднелся черным силуэтом на фоне неба.

Без особых усилий, под легкими движениями весел Уиноны лодка скользила дальше и дальше. И все дальше и дальше отодвигался оставленный берег. Фигурка одинокого воина слилась с темнотой.

Токей Ито остался один.

ДУХ БИЗОНА

Медвежьи мальчики и разведчик Ихазапа не сидели сложа руки после высадки на берегу. Прежде всего они сняли кожаную обтяжку с ивового остова лодки, чтобы использовать ее вместо одеяла. Укрывшись ею, они переждали ливень. Трудные переходы последних дней измучили мальчиков, и Ихазапа велел им спать до конца ночи: он сам охранял их сон.

Когда наступил рассвет, они немного поели и двинулись на север, к границе, к лесным горам. Тяжелого медвежонка понес Ихазапа. Ивовый каркас лодки был больше не нужен, и они оставили его. Но кожаное полотнище, которое они использовали как одеяло и из которого можно было соорудить небольшую охотничью палатку, мальчики взяли с собой.

Ихазапа недаром многие годы был разведчиком рода Медведицы. Он скорым шагом повел мальчиков напрямик через луга к высоте, которая господствовала над окружающей местностью. Это был самый лучший наблюдательный пункт. Вне поля их зрения были только свои, оставшиеся на том берегу.

Пригревало утреннее солнце, над цветами кружились насекомые. Ихазапа приложил ухо к земле и тотчас же подал мальчикам знак сделать то же самое.

— Конный отряд! — прошептал Часке. — Скачут рысью. Это «длинные ножи».

Все трое стали всматриваться в даль. Слух у них был очень чуткий, и вокруг было тихо, поэтому слышали они приближающихся всадников значительно раньше, чем увидели появившийся между зеленых холмов отряд. Это был небольшой дозор драгун.

Драгуны тоже въехали на холм, чтобы лучше осмотреть местность, и дакоты увидели, как они в полевой бинокль стали разглядывать противоположный берег реки. Двое, очевид-

но, офицеры, оживленно жестикулировали. К ним подошел человек в кожаной одежде и стал в чем-то горячо убеждать их. Ясное солнечное утро позволило индейцам уточнить многие подробности. Они поняли кое-что по движению рук человека в кожаном платье, потому что тот сопровождал свои слова языком жестов, который служил средством общения индейцев и жителей пограничья, а также индейцев разных племен. Дакоты заключили, что речь шла о роде Медведицы. Человек в кожаном костюме пытался объяснить «длинным ножам», что род Медведицы еще должен быть на том берегу и что нужно подождать, пока не спадет вода, захватить их при переправе через реку и направить обратно в резервацию.

Драгуны, кажется, никак не могли решить, что же им делать.

Потом они спешились, расселись на траве и приступили ко второму завтраку. Человек, одетый в кожу, остался на вершине вести наблюдение.

— Вы поняли? — спросил Ихазапа.

— Да.

— Как же нам быть?

— Убить этих «длинных ножей» мы не сможем, — со вздохом ответил Часке, — их слишком много.

— Нельзя, чтобы они остались здесь и ждали, — решительно заявил Хапеда.

— Это верно, — усмехнулся Ихазапа, — но как это сделать?

— Надо применить хитрость, — поразмыслив, пояснил Хапеда.

— И ты знаешь такую хитрость?

— Да! — осунувшееся ребячье лицо Хапеды просияло.

— Так давай обсудим твою хитрость.

Хапеда потрогал свою кое-как перевязанную голову, пощупал свои исхудалые руки, дотронулся до висков, потом до ввалившихся от недоедания и переутомления щек.

— Похож я на умирающего от голода и усталости? — спросил он.

— В глазах уайтчичунов — да, — заверил Ихазапа.

— Тогда подойдет. Я побегу к «длинным ножам» и попрошу у них есть. Они станут спрашивать, откуда я пришел, а я скажу им, что все люди рода Медведицы утонули во время переправы. Если только... — Хапеда запнулся.

— Что «если только»? — с тревогой спросил Часке. — В чем ты еще засомневался?

У «длинных ножей» есть и «длинный глаз», — Хапеда имел в виду бинокль, — не видят ли они им сквозь холм?

— Нет, — успокоил Ихазапа, — не видят.

Хапеда отправился в путь. Он пополз вниз по склону холма. На луговине он поднялся и, соблюдая всяческие предосторожности, побежал вверх по течению реки. Когда он отмерил порядочное, на его взгляд, расстояние, то опустился на землю. Ему надо было оставить следы ночлега, как будто бы здесь он спал прошлой ночью. Затем он снова поднялся, некото-

рое время побродил по холмам и лишь тогда забрался на возвышенность по соседству с отрядом и разлегся на самом ее гребне. А увидев, что человек в кожаном платье обнаружил его, Хапеда поднялся во весь рост и замахал ему рукой.

Мужчина в коже подал знак, что он может подойти.

Солдаты расположились на бивуак, ели, курили, болтали. Когда появился мальчик-индеец, разговоры смолкли и все с любопытством уставились на него. Человек в коже, вероятно скаут, сразу же обратился к мальчику.

— Откуда ты пришел?

Хапеда понял его знаки: он еще в резервации с помощью Чапы усвоил своеобразную речь пограничья.

— С той стороны, — ответил он.

— Но как же ты переправился, неужели через такую реку?!

— Через такую реку, — заверил мальчик. — Все остальные утонули, — на лице его появилось выражение глубочайшей печали.

— Кто же эти остальные?

— Воины, женщины и дети рода Медведицы из большого племени дакота.

— О, черт... Медведица... пошли, присядь тут. Нам надо знать это совершенно точно!

Скаут пересказал все молодому офицеру, который командовал отрядом. Тот немедленно дал скауту распоряжения, которых мальчик не понял. Разведчик кивнул офицеру и сказал Хапед:

— Ты останешься у нас. Тебе нечего бояться. Мы тебя будем кормить, со временем ты даже пойдешь в школу. Мы возьмем тебя с собой в большой форт. Там ты подтвердишь коменданту, что с родом Медведицы и с Токей Ито покончено. Понял?

— Да, — ответил напуганный Хапеда. — Но я не хочу оставаться у вас. Я иду к своим родственникам в Канаду.

— К каким родственникам? — недоверчиво спросил скаут.

— К дакотам, на реку Сури, — ответил Хапеда.

— Я не слышал о них. Я думаю, ты хочешь бежать к Ситтингу Буллу* и его людям, к бунтовщикам, убийцам Кустера,** которые все еще рыскают тут. Не смей и думать об этом. Они жестоко голодают, потому что бизонов уже не стало.

— Значит, я должен остаться с вами?

— Ты маленький мальчик и должен делать то, что тебе велят. И никаких отговорок! Ты будешь есть вместе с нами, а то вон смотри,

* Ситтинг Булл (англ.) — Сидящий Бык — известный вождь и жрец племени дакота, возглавивший в семидесятых—восьмидесятых годах XIX века борьбу своего народа против колонизаторов.

** Кустер — генерал армии США, командовавший соединением, которое загоняло индейцев в резервации. Убит в битве при Литл Биг Хорн в 1876 году.

какой ты худой. У нас тебе будет хорошо, и ты скоро станешь толстым и круглым, научишься читать и писать.

Хапеда ничего не ответил. Он поел то, что ему дали, и нашел еду невкусной, потом улегся на солнышке, делая вид, что спит. На самом же деле мысли его лихорадочно работали, и он время от времени приоткрывал веки, незаметно наблюдая за всем.

Когда молодой офицер отдал приказ к выступлению, уже перевалило за полдень. Скаут посадил Хапеду к себе на коня. Он вел отряд и поэтому ехал впереди. Хапеда, как сокол, всматривался в даль. Он сразу же обратил внимание, что двинулись они не на восток, а на запад. Значит, его хотят доставить на далекий форт, где расквартирован отряд. И ему надо было всем своим видом показывать, что он рад этому, ведь если он сумеет развеять недоверие врагов, ему будет легче сбежать.

Местность изменялась мало. По-прежнему вокруг зеленели холмы, на юге бурлила грязно-желтая полая вода, только на западе обозначились голубые очертания Скалистых гор. Ихзапу и Часке Хапеда больше не видел, и сигналов они ему никаких не подавали, но он был уверен, что они тайно следуют за ним. С наступлением темноты, может быть, и удастся связаться с ними. Спокойно и внешне рав-

нодушно, как настоящий воин, переносил пленение сын Четанзапы. Главное было достигнуто — «длинные ножи», видимо, поверили: род Медведицы больше не существует.

Наступал вечер. Луга блестели в лучах заходящего солнца. Драгуны разбили бивуак. Они жгли костер, подогревали консервы и отпускали шуточки, которых Хапеда не понимал.

Скаут опять подозвал мальчика к себе и стал обстоятельно расспрашивать. Хапеда рассказал, как их преследовал Рэд Фокс, рассказал о переправе, ужасы которой ему не надо было выдумывать. И рассказ его был вполне убедителен.

— Оставайся же у нас, — повторил скаут, — служи не за страх, а за совесть и ты станешь таким же опытным разведчиком, как Шеф де Люп или Токей Ито. Такие смысленные юноши нам нужны.

— Да, я хочу стать таким, как Токей Ито, — подтвердил мальчик, и скаут не обратил внимания, какое звучание приобрели эти слова в устах дакоты.

Скаут расспрашивал Хапеду, а вокруг не смолкали разговоры:

— ...три ранчиро с остатком скота спаслись от полой воды... ...и охотник на бобров, который промышлял в этой местности... с ними несколько ковбоев, женщин... — уловил Хапеду,

и этого было достаточно для него. «Охотник на бобров... уж не Адамс ли это? Адамс как раз должен ждать нас в этих местах».

Стемнело. Солдаты поставили для лейтенанта палатку, а сами завернулись в одеяла и неплохо устроились на лугу. Лошадей не расседывали, их собрали вместе и охраняли. Хапеда, не вызывая никаких подозрений, улегся среди солдат. Он точно запомнил, как распределили вахту. С полуночи до двух часов было время скаута. В эти часы Хапеде нельзя было ничего предпринимать. А если улизнуть раньше, то скаут заметит его отсутствие, как только пойдет на вахту. Таким образом, Хапеде для осуществления его замыслов оставался небольшой промежуток времени между двумя часами ночи и восходом солнца.

Юный дакота закрыл глаза и заставил себя заснуть: надо было беречь силы. Он не сомневался, что сможет в нужное время проснуться, к этому он был приучен. Белые люди обычно считали, что маленькие индейцы ничему не учатся, потому что не ходят в школу. Они глубоко заблуждались. Индейские дети тоже проходили основательную и суровую школу. И не с шести, а с четырех лет учился Хапеда. Он научился скакать на лошади, стрелять из лука, отслеживать дичь и врагов, научился владеть собой, переносить голод и жажду. Он узнал историю своего племени. Он мог объясняться на языке жестов и с помощью картинного письма. Он мог изготовить стрелы, поставить палатку, уметь ориентироваться в незнакомой местности. Еще несколько лет — и он станет воином...

Эта в полусне возникшая у Хапеды мысль заставила его вздрогнуть. Нет, он никогда не станет воином. Не станет потому, что род Медведицы будет теперь разводить пятнистых бизонов и жить в мире со всеми хорошими краснокожими и белыми людьми. Со всеми хорошими... Но ведь среди людей еще немало алчных хищников, и Хапеде пригодится его мужество, даже если бороться придется без оружия!

Скаут с двумя драгунами нес вахту у коней. Хапеда не подавал вида, что проснулся. Он продолжал лежать не шевелясь и внимательно за всем наблюдал.

Настало время, и бородатый скаут отправился спать. Он присмотрел себе закрытое от ветра местечко у палатки лейтенанта, укутался в одеяло и сразу, насколько можно было судить по его равномерному дыханию, заснул. Хапеда подождал еще некоторое время, чтобы все они крепче заснули. На вахту заступили два молодых драгуна, очевидно неопытные и легкомысленные. Они уселись около лошадей и принялись болтать. Мальчик притворился, что ему плохо. Он поднялся и, не прячась, пошел за палатку, в сторону, противоположную той, где улегся скаут и сидели вахтенные. Когда палатка скрыла его, он лег на землю, и началась труднейшая часть его предприятия.

Ему надо было проползти в траве так, чтобы его не заметили оба вахтенных.

Хапеде часто приходилось ползать таким образом, но сейчас нужно было проявлять величайшую осторожность. К счастью, высокая весенняя трава хорошо укрывала его маленькую тощую фигурку. Было еще совсем темно. Позади него все было спокойно. Вахтенные даже и внимания не обратили на то, что он больше не появился из-за палатки. Они сидели рядышком и, уставившись в темноту, продолжали болтать. В ночной тишине Хапеда еще долго слышал их голоса.

Удалившись от бивуака на безопасное расстояние, он перевел дух. О, если бы Ихзапа или Часке были поблизости, если бы они хотя бы догадывались о его побеге! Хапеда вполз на холм и затаивал койотом. У рода Медведицы это был условный сигнал разведчиков.

Послышался ответный лай койота.

Хапеда подождал на холме, пока не подошел Ихзапа. Слов было сказано немного. Мальчик сообщил то, что он слышал о скоте и об охотнике на бобров.

Подошел Часке. Мальчики и Ихзапа пустились бегом в неблизкий путь. Ихзапа опять потащил медвежонка. Часке — кожаное полотноще.

Взошло солнце, но утро было все еще прозрачное, холодное. Все трое скоро услышали вдали мычание коров. О, оно совсем не было похоже на мычание диких бизонов. Хапеда и Часке сразу почувствовали, как бьются у них сердца. Ведь им предстояло разводить пятнистых бизонов. А может быть, это такие же жалкие животные, как изможденные, вечно голодные коровы, которые им достались в резервации?

Дакоты уже не проявляли особой осторожности. Не скрываясь, они побежали к стаду. Томагавк войны был зарыт, и никто тут даже и не догадается, что они принадлежат к все еще преследуемому роду Медведицы. А если здесь Адамс, то он, конечно, узнает их и наверняка с радостью примет.

Дакотов заметили. Навстречу им выехал всадник. Это был белый. Он ехал на пегой лошади. По обычаю ковбоев он был в кожаной куртке и высокой широкополой шляпе, на шее у него был пестрый с острыми концами галстук. Лицо — худое, загорелое. Возраст его определить было трудно, ведь никто не мог сказать, годы или лишения избороздили морщинами его лицо. Он подскочил поближе, как индеец, осадил своего коня и остановился прямо перед мальчиками.

Остановились и дакоты.

— Я приветствую моих младших братьев!

Белый говорил по-дакотски. Его произношение было индейцам непривычно, но они отлично поняли его и очень обрадовались, что белый в этих далеких краях приветствует их на родном языке.

— Мы приветствуем нашего старшего брата! — с достоинством ответил Ихазапа. — Мы ищем человека по имени Адамс.

— Здесь вы его как раз и найдете! Пошли.

Всадник повернул коня и рысью понесся к стаду, которое паслось на лугу. Индейцы последовали за ним. С любопытством разглядывали Хапеда и Часке коров и быков. После пережитой зимы они тоже исхудали, как и дикие бизоны, но двигались легко и с удовольствием щипали траву. Фыркал огромный бык, щелкали длинные бичи пастухов.

Дакоты увидели группу белых всадников. Один из них был точь-в-точь как и тот, что их встретил. Они были так похожи, что их просто можно было перепутать. Мальчики сразу же догадались, что это те самые Томас и Тэо, о которых они столько слышали от взрослых. Трое седых мужчин и две пожилые женщины, разумеется, меньше интересовали мальчиков. Это, наверное, и были спасшиеся от наводнения ранчеры, о которых говорили драгуны.

Был тут и еще один всадник — голубоглазый молодой блондин; лицо его было строгим, и в уголках рта залегла глубокая печаль. Рядом с ним — молодая женщина. Ее светлые волосы сверкали, как солнечные лучи, а глаза были, как утреннее небо. Она привычно сидела на коне. Но юные дакоты сразу же поняли, что эта женщина не сидит на лошади, как они, с четырех лет. Она несомненно была недавно в прерии, хотя и старалась изо всех сил выглядеть настоящей ковгелс.*

Белые попросили индейцев подойти поближе. Для Хапеды и Часке было необычным спокойное и вежливое обращение к ним белых. До сих пор им были известны лишь Рэд Фокс, да солдаты, да вольные всадники, и от них мальчики многого натерпелись в резервации. Пули и ругань были для них обычным языком уайтчичунов. Вот почему они теперь так удивились.

— Как же вы добрались сюда? — поинтересовался мужчина, которого дакоты не без основания считали Адамсом.

Ихазапа рассказал все как было.

— Что же вы теперь думаете предпринять?

— Токей Ито просит Адамса купить для нас пятнистых бизонов и землю, где бы мы могли жить с этими бизонами.

Адамс удивленно взглянул на индейцев.

— Сколько же вас?

— Когда мы посадили мальчиков в лодку, в наших палатках было еще шестьдесят четверо человека, — сказал Ихазапа в ответ. — Во время грозы Рэд Фокс на той стороне снова напал на Сыновей Большой Медведицы, и, наверное, кто-то еще погиб... и мы не знаем, все ли переправились через реку...

Некоторое время Адамс молчал.

— Многих же вам приходится оплакивать... — сказал он потом. — Ну так для тех, кто еще жив, найдется и земля и скот. Но чем

вы собираетесь платить? Если бы ваши привели с собой лошадей, их можно было бы обменять на скот. Но надо, чтобы это были молодые, крепкие животные.

— У нас есть лошади, и неплохие, но мы хотим оставить их себе. Нельзя ли нам расплатиться золотом? Токей Ито дал нам его с собой.

— Золотом?! Молодцы ребята!.. Тогда нет нужды расставаться с лошадьми! Золотом!

Адамс объяснил все владельцам скота.

Надо было видеть, как изменились лица трех пожилых фермеров.

— Умеете ли вы ухаживать за скотом? — спросил Адамс дакотов.

— Нет. И даже Чапа Курчавый, когда был ребенком, не пас коров, он выращивал хлопок. Но Токей Ито сказал нам, что ты хочешь быть нашим братом. Ты научишь нас обращаться с пятнистыми бизонами.

Адамс засмеялся.

— Что ж, это мне подойдет. Я с удовольствием помогу вам. Может быть, мы прямо сейчас и совершим сделку?

— Адамс, — заторопил один из ранчеры, — покупайте же у нас скот. Золото у индейцев с собой?

— Только не спешите, — в Адамсе проснулась крестьянская расчетливость. — Надо сначала посчитать и осмотреть коров.

— Нечего тебе торговаться, Адамс. Мы и так отдадим тебе все чуть не даром. Позаботься, чтобы индейцы дали золотые зерна, и можешь перегонять скот через канадскую границу.

— Что ж, пожалуй, — Адамс старался не волноваться; трое дакотов смотрели, как он с другими белыми мужчинами и женщинами ходил среди скота, ощупывал животных, считал, пожимал плечами, иногда что-то говорил, наконец он подошел к индейцам:

— Сколько же у вас золота? — тихо спросил он. — Трудность в том, что здесь, конечно, нет весов. Все нужно решать на совесть. Но это честные люди. Монет у вас нет?

— Нет. Только песок и зерна. — Ихазапа развязал мешочек и показал его содержимое.

— Да знаете ли вы, что тут у вас за богатство?! — Адамс был прямо ошеломлен.

Индейцы смотрели на него широко раскрытыми глазами. Они совершенно не представляли себе, что за горсточку блестящих песчинок можно получить скот для всего рода.

— Не показывай свой мешочек, не то они тут же сойдут с ума, — предостерег Адамс. — Дайка мне вот столько, хватит! И предоставь все остальное мне. Мы перегоним скот через границу. Сейчас очень опасно переходить границу, но мы постараемся.

Дакоты положились на своего белого брата, и очень скоро сделка была совершена. Лицо Адамса сияло радостью.

— Все! — крикнул он. — Томас и Тэо, вперед! Покажите-ка нам, что такое ковбой! А вы,

* Пастушка, подруга ковбоя.

мои юные отважные братья из племени дакота, выбирайте себе лошадей там, у стада, и смотрите же, как следует зануздайте их! Мы приобрели скот, и теперь нам надо сберечь свое добро!

— Всех этих пятнистых бизонов? — с удивлением воскликнул Хапеда.

— Да, всех, что ты видишь, мой мальчик! Ты еще не представляешь себе, что значит твое золото!

Не тратя попусту слов, мальчики с Ихазайпой побежали к лошадям, которые паслись тут же неоседланные. Они заарканили их лассо. Пока пастухи, щелкая длинными бичами, поднимали стадо в галоп и заворачивали его на север, дакоты справились со своими новыми скакунами. Радостно крича, они присоединились к пастухам. И им было приятно, что молодая подруга Адамса была изумлена их искусством объезжать лошадей.

Для мчащегося галопом стада граница не была такой уж далекой. Адамс крикнул дакотам, что к вечеру они будут в безопасности. Хапеда и Часке были полны гордости от одной лишь мысли о том, как они, вместе с Адамсом, встретят Токей Ито и братьев по племени, встретят не с пустыми руками, а с приобретенным стадом. Только бы они пришли, поскорее пришли...

К закату солнца все взмокли от пота, устали и охрипли. Адамс, Томас, Тэо и Кэт остановились. Индейцы тоже натянули поводья и остановились вместе со всеми.

— Мы перешли границу, — сказал Адамс.

Ихазайпа и оба мальчика долго озирались вокруг. Никакой границы не было видно. Только зеленая необозримая равнина. Лишь лесные горы придвинулись чуть поближе.

Был сделан привал. Медвежонок, которого Ихазайпа вез в мешке на лошади, недовольно фыркал и требовал рыбы. Скот напился и принялся пастись. Мальчики набрали топлива, развели небольшой костер. Все поели. Мужчины закурили. Кэт была совершенно обессилена, она сразу же завернулась в одеяло и улеглась спать.

Говорить никому не хотелось, все сидели молча и думали каждый о своем.

Прошло с полчаса. Адамс распределил ночную вахту, в которой вызвались принять участие и оба мальчика.

— Да, — задумчиво произнес Томас, — теперь вы, молодые индсмены, — богатые люди. Теперь вы можете утереть другим нос.

Поначалу ему никто не ответил.

— Вы тоже, Томас и Тэо, — возразил немного погодя Хапеда.

— Ну вот, ты еще и насмехаешься надо мной, маленький сын Медведицы?!

— Нет, я и не думаю смеяться над моим старшим братом Томасом. Почему это он так решил?

— Потому что мой брат Тэо и я, мы беднее последнего чертяки. Когда мы познакомились

с вашим вождем Токей Ито, он был еще мальчиком и его звали Харка. Помню, он сыграл с нами шутку, ружье утащил. Уж посмеялись мы тогда. И с тех пор мы так и не разбогатели, так и остались коровьими пастухами.

— Я не знаю, — медленно произнес Хапеда. — Ты говоришь, если иметь пятнистых бизонов, значит, быть богатым, но ведь у Томаса и Тэо тоже есть пятнистые бизоны.

— Где же они?

Хапеда беспомощно пожал плечами.

— Я не понимаю тебя. Вот же пасутся наши бизоны.

— Наши? Раньше они принадлежали ранчьеро, теперь — Токей Ито, если только он живым переберется через реку. А если нет? Кто его наследник? Вы, видно, пользуетесь у него большим доверием, если он так просто сунул вам в мешок свое золото. Впрочем, меня это не касается. Только вот кто же мне, в конце концов, заплатит за работу, хотел бы я знать? Святым духом нам, бедолагам, не прокормиться.

— Вы же едите вместе с нами. Вы же наши братья!

— И так вот ни за что ни про что есть...

— А почему нет? — удивленно спросил Хапеда. Скот принадлежит всем нам — Сыновьям Большой Медведицы, нашим братьям Томасу, Тэо, Адамсу и нашей сестре Кэт.

— Ты еще ребенок и рассуждаешь, как ребенок, — сказал Тэо и даже обиженно отвернулся.

— Нет, — вмешался Ихазайпа, — Хапеда тоже сын Медведицы и рассуждает, как настоящий дакота.

— Если все это еще хорошо кончится, — пробормотал Томас.

— А почему бы этому плохо кончиться? — задорно воскликнул Хапеда.

— Значит... всерьез? — запинаясь, спросил Тэо. — И мы на старости лет станем вместе с вами ранчьеро?

— Непременно станете! — заверили в один голос Ихазайпа, Часке и Хапеда. — Также самое сказал бы вам и Токей Ито. Мы просим вас помочь нам. Самим нам не справиться с этими пятнистыми бизонами. Мы способны только убить их и снова остаться ни с чем.

Томас и Тэо словно потеряли дар речи и долго не отвечали.

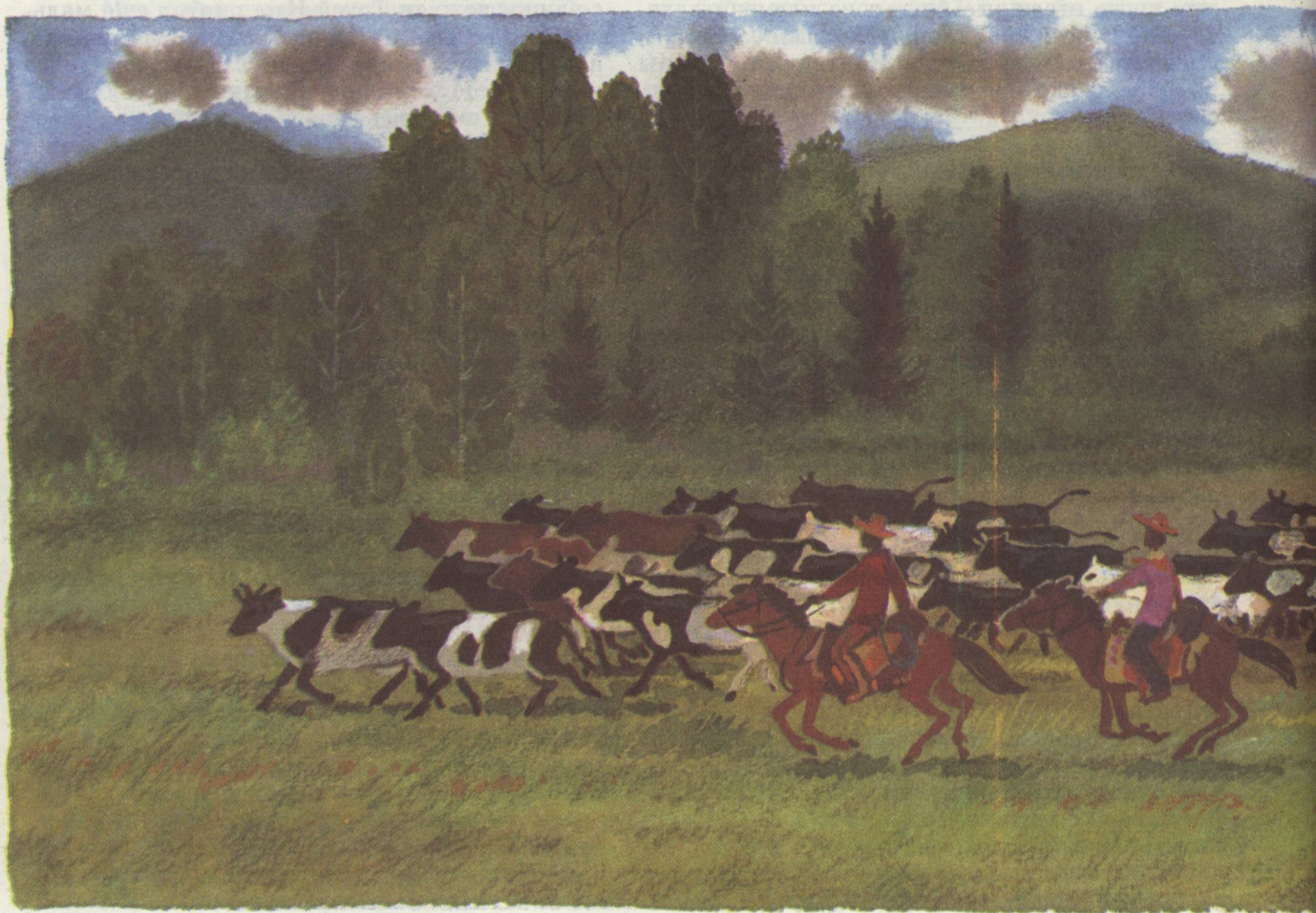
— Ну, пусть будет так, — наконец сказал Томас. — Тогда пошли, я научу вас доить коров. А это вам, краснокожие чертенята, не такое простое дело, как гонять скот.

У пастухов был один-единственный подвойник. Скот разводили не ради молока, а на мясо. И доили его пастухи только для себя.

С любопытством смотрели Хапеда и Часке, как Томас выдаивал из вымени молоко. Однако носы они воротили в сторону, а когда Томас со смехом дал им попить молока, они тут же выплюнули непривычное теплое питье.

— Не переносите? Вот те и на! Где же ваша индейская выдержка?

Хапеда и Часке пересилили себя и сделали по несколько судорожных глотков. Они нашли, что молоко отвратительно пахнет и не менее отвратительно на вкус. Они прямо чуть не подавились им. Незаметно они отошли в сторонку, и их стошнило. Нет, не просто начиналась для них эта новая жизнь!

Но они не падали духом.

Когда мальчики завернулись в одеяла, чтобы поспать до начала своей ночной вахты, Тэо снова заговорил с ними:

— Я все еще никак не могу взять в толк, — сказал он, — значит, это правда, что и Адамс станет вместе с вами ранчьеро?

— Правда.

Тэо потерял глаза.

— Адамс! Лучшего человека вам, пожалуй, и не найти! И с вами ему теперь не придется бедствовать! С вами он наконец-то обретет пристанище!

Мальчики погружались в сон. Только бы Токей Ито остался жив, уж тогда-то они ему обо всем порасскажут!

Ночь прошла тихо. Солнечным утром скот не спеша погнался дальше к лесным горам.

Хапеда и Часке старались держаться поближе к Томасу и Тэо. Те не уставали рассказывать мальчикам, каким был их вождь Токей Ито, когда ему было столько же лет, как и им. Хапеда и Часке узнали, что Томас и Тэо в те

времена промышляли пушного зверя, они ставили свои капканы в местах охоты сиксиков. Да, Томас и Тэо жили в прериях черноногих, им были известны и детские годы Грома Гор; в палатке Матотаупы — отца Токей Ито, они едали бизонью грудинку, такую восхитительно нежную, какую теперь, пожалуй, они смогут попробовать только в местах вечной охоты. Потом близнецы были пастухами у отца Адамса, старого Адама Адамсона, и Токей Ито, которого тогда звали Харка, Твердый Как Камень, Охотник На Бизонов, Убивший Медведя, помог им однажды в охоте на волков.

— Уже тогда ваш вождь был великолепнейшим парнем!.. Отличным стрелком из лука!.. — и Томас выразил свое восхищение протяжным свистом. — И Матотаупа был благороднейшим человеком, таких и из тысячи одного не сыщешь. И не сразу Рэду Фоксу удалось его сломить, не сразу. Много разных хитростей и коварства пришлось ему употребить. В конце концов он убил Матотаупу. И это верно, что Тэо и я, мы в ту пору боролись против дакотов на Найобрере. Но когда Рэд Фокс обманул вашего вождю, мы больше не захотели иметь с ним дело... и... пошли же, пошли, мальчики! — крикнул вдруг Томас, пытаясь отделаться от этих неприятных воспоминаний, — с вами и мы помолодеем. С тех пор прошло всего двенадцать лет, и Токей Ито

сейчас лишь двадцать четыре... А все это уже кажется сном... сном добрым и недобрым... Ну, если мы с вами, индсмены-ковбои, станем ранчерами, у нас найдется время вечерами поболтать об этом.

Новоиспеченные скотоводы решили обосноваться со своим стадом на широких лугах у подножия лесных гор.

Это были еще никем не занятые земли. Тут можно было разбить лагерь и кочевать со своим скотом где и как вздумается. Место для первой стоянки они выбрали у небольшого ручья, который сбегал с поросших лесом гор и вился среди лугов. Здесь было очень хорошо. Скот был обеспечен водой и сочной травой, люди в теплые дни могли располагаться на лугах, в холодные — в лесу; дров тут было достаточно. Ручей кишел рыбой, лес был полон дичи.

Со дня на день, с часу на час ждали мальчики и Ихзапа своих. Один из них постоянно дежурил на верхушке самого высокого дерева, не спуская взора с далекой Миссури. Наконец показались!

Радостный крик Часке, словно победный клич, нарушил мирную тишину. Когда мальчик слез с дерева, внизу с лошадьми его уже ждали Хапеда и Ихзапа. Все трое помчались навстречу своим соплеменникам.

— Хи-ей-хе! Хи-ей-хе!

Колонна была еще еле видна в прерии. Еще

нельзя было никого различить. Но мальчики галопом понеслись к холмам, выехали на вершину одного из них, подняли коней на дыбы и радостно закричали. Потом они придержали коней и какое-то время всматривались в даль.

Отсюда они смогли уже узнать воинов, едущих цепью впереди колонны на мустангах. Их возглавлял Четанзапа на добытом в бою силовом коне. Позади небольшого охранения во главе колонны шел пешком жрец Хавандшита. По стародавнему обычаю, он нес в руках копье. Его спина и затылок представляли собой как бы одно неподвижное целое, его тонкие ноги шли будто сами собой тем размеренным шагом, каким они вот уже почти сто лет вышагивали по лесам и прериям. За ним следовали лошадь за лошадью с женщинами, детьми и поклажей. В конце колонны бежали друзья Хапеды и Часке — «Молодые собаки»,* а за ними — кони драгунов, для которых не достало поклажи.

Что могло быть прекраснее известия о том, что Сыновья Большой Медведицы достигли вольных прерий, вырвались на свободу?

Мальчики все же установили, что Токей Ито, Унчиды и Грома Гор в колонне нету. Можно было предположить, что оба вождя ос-

* Название сообщества мальчиков, так же, как например, «Красные олени» — общество молодых воинов.

тались прикрыть отход. А Унчида, жива ли она?

Мальчики поскакали вперед, к Четанзапе. Четанзапа остановился. Стала и вся колонна. Ихазапа обо всем рассказал.

Четанзапа тяжело вздохнул:

— Вы поторопились с покупкой. Наши мужчины будут говорить, что от пятнистых бизонов воняет.

— Это верно, и от их молока тошнит, — подтвердил Часке. — Но разве это может испугать нас?

— Наши воины не боятся этих вонючих тварей, но они будут брезговать ими. Они не хотят доить и резать коров, а хотят охотиться на бизонов.

Четанзапа подскочил к Хавандшите и что-то тихо сказал ему. И то, как жрец поднял голову и посмотрел на мальчиков, не предвещало ничего хорошего. Мальчики и Ихазапа встревожились. Может быть, Токей Ито не обсудил с Хавандшитой своих намерений? И где же сам Токей Ито? Четанзапа ни словом не обмолвился о нем.

Колонна снова пришла в движение.

— Где наш вождь? — спросил Хапеда Бобра, и сердце его заколотилось.

— Там! — воин показал в сторону Миссури. — Он остался бороться с Рэдом Фоксом. Потому-то мы с нашими палатками и смогли беспрепятственно переправиться.

— А?.. — но Хапеда не мог больше произнести ни слова, горло его сдавило.

— А Гром Гор — черноногий, он остался на той стороне, чтобы наблюдать за борьбой и сообщить нам... тут и Бобер запнулся. — Нужно ждать, — заключил он. — Доберемся до лесных гор и будем ждать.

— Ага.

Мальчикам стало уже не до радостных криков. Токей Ито не пришел. Тем решительнее надо было им теперь отстаивать его волю. Они стиснули зубы.

Колонна достигла ручья неподалеку от пастбища на берегу стада. Изголодавшиеся собаки вырвались было вперед, готовые растерзать коров, но им навстречу выступили быки и выставили рога. Находившиеся при стаде Томас и Тэо отогнали длинными кнутами собак, и рассерженные животные снова успокоились.

Между тем Хавандшита подал знак остановиться. Опершись на копье, он долго смотрел на пятнистых бизонов. Потом он повернулся и направил колонну через ручей на противоположный, правый берег. Четанзапа шагом поехал рядом с ним. Мальчики и Ихазапа остались пока при стаде со своими белыми друзьями. Они чувствовали, что назревает решительный момент.

Колонна остановилась. Она была отделена от стада ручьем. Жрец Хавандшита ходил и определял места для палаток. Четанзапа со своего сивого коня молча наблюдал. Как и всегда, он не вмешивался в распоряжения Хавандшита. Рядом с Четанзапой ждали, тоже

верхом, Шунктокеча и Чапа. Большинство женщин сгружало поклажу. Но Уинона еще не дотронулась до своей волокуши. Монгшонша, Грозная Тучка, Ситопанаки и Насмешливая Синица посматривали на нее и тоже не торопились.

Четанзапа поманил разведчика Ихазапу и подвел его к старому жрецу. Мальчики наблюдали издали их беседу. По обрывкам дошедшего до них разговора они поняли, что Четанзапа велел Ихазапе еще раз обо всем рассказать. Ихазапа сказал Хавандшите, что ни на каких других бизонов тут им надеяться нечего и палатки надо разбить рядом со стадом. Но жрец не соглашался, и спор их ожесточался. Люди подчинились Хавандшите и поставили палатки на правом берегу. Четанзапа приказал и своей жене уйти от стада, разгружаться и строиться. Только Чапа и Шунктокеча не подчинились воле жреца. Их типи и доставленная сюда палатка Токей Ито были разбиты неподалеку от стада. Здесь же разгрузили свое имущество Уинона, Ситопанаки, Насмешливая Синица и Грозная Тучка. И лошади тоже были поделены на два табуна.

Хапеда и Часке, не сговариваясь, присели на корточки около ручья неподалеку от стада. Они пока не заходили ни в какую палатку. Зайти в какую-либо палатку значило не послушаться отца, послушаться отца — значило предать волю Токей Ито. Ихазапа принес им медвежонка, который уже сильно вырос и мог показать когти, если был голоден или желал проявить самостоятельность.

Мимо проходил Адамс:

— Ваш медведь достиг отроческого возраста, — усмехнулся он, но улыбка лишь на секунду озарила его озабоченное лицо: Адамс хорошо представлял себе, что на новом пути их подстерегают новые опасности.

Скот между тем совершенно успокоился. Животные лежали на траве, пережевывали жвачку. Собаки получили остатки от двух антилоп и насытились.

Тихо журчал ручей, который стал линией раздора. У палатки жреца стояли Четанзапа, Чапа и Шунктокеча. К ним подошли еще двое уважаемых мужчин. Жрец пригласил воинов зайти в типи. Мальчики видели все это. Они сидели и молча ждали, чем закончится совет в палатке жреца.

В палатке, куда вошли мужчины, царил полумрак. Женщину, которая только что чуть раздула тлеющие угли, старый Хавандшита отослал прочь: разговор с мужчинами должен был остаться в тайне. Токей Ито и Унчида, его старых и серьезных противников, ему сейчас бояться не приходилось: они остались на той стороне реки.

— Ну, так говорите, что вы думаете, — начал жрец, когда все уселись вокруг очага.

Один из участников совета откашлялся:

— Никаких бизонов!

Другой кивнул:

— Токей Ито нас обманул!

Первый продолжал:

— Надо опять пойти к уайтчичунам и попросить у них земли и еды. Эти пятнистые бизоны, что пасутся на том берегу ручья, воняют, и если мы все-таки станем убивать их и есть, нам ненадолго их хватит. Что тогда? Одними антилопами и оленями мы не прокормимся. — Он повысил голос: — Таков конец нашего долгого пути, наших великих дел!

— Почему же ты не зовешь своих духов, Хавандшита! — не выдержал Четанзапа. — Призывай диких бизонов, если ты еще хоть на что-нибудь способен! Бей же в барабан и спрашивай у своих духов, где нам охотиться и жить, как жили наши отцы и отцы наших отцов!

Выражение лица Хавандшиты изменилось, когда он услышал резкие слова Четанзапы. Он с ужасом почувствовал, что у него уже нет сил для разговора с духами. Но он не желал показывать свою слабость, он хотел оставаться Хавандшитой — человеком духов и тайны, а не старым кожаным мешком с костями.

— Я буду бить в барабан, вы — танцевать бизоний танец, — сказал он воинам. — Дикие бизоны придут, если не почуют издали вонь этих пятнистых бизонов. Идите и танцуйте! Я сказал.

Хапеда и Часке все еще сидели у ручья и видели, как воины вышли из палатки жреца. Они видели, как всем мужчинам сообщили о танце и как они собрались перед типи Хавандшиты. Только делавара не было здесь. Он пошел к Адамсу.

Жрец принялся бить в барабан. Мужчины приступили к ритуальному танцу, сопровождая его ритмичным монотонным пением, точно таким же, как когда-то на реке Платт во времена отца Токей Ито — Матотаупы:

Добрый дух!
Дай нам бизонов, бизонов, бизонов!
Бизонов, бизонов, бизонов дай нам,
Добрый дух!

Воины топтались по кругу, они подражали мычанию бизонов. Те, у кого были бизоньи рога и бизоньи шкуры, надели их и изображали бизонов. Они отбегали в сторону, когда воины издавали дикий охотничий клич.

Этот клич заставлял мальчиков вздрагивать. Ведь с самого раннего детства они мечтали стать охотниками на бизонов!..

Проходили часы, а танец все продолжался и продолжался, мужчины сменяли друг друга.

Добрый дух!
Дай нам бизонов...

Вдруг один из мужчин крикнул:

— Вернитесь, мертвые и бизоны...

— Вернитесь, мертвые и бизоны! — подхватили другие, и резче затопали мужчины, и громче стало их пение.

Мысли и чувства мальчиков пришли в смятение от этого глухого пения и ритмичного топота.

Около мальчиков остановился делавар.

— Погибшие воины и бизоны никогда не возвращаются, — сказал он Хапед и Часке. — Так говорит Токей Ито.

И мальчики словно очнулись от завораживающего действия непрекращающегося танца.

— Токей Ито должен вернуться, — сказал Часке, щеки его пылали, голос дрожал, он еще не до конца освободился от впечатлений бизоньего танца. — Мы должны подать нашему вождю сигнал, такой, чтобы он увидел его с Мини Сосе. Токей Ито должен знать, что мы уже здесь.

— Хау! — Хапеда вскочил, Часке тоже, и оба побежали через ручей к отцу.

Бизоний танец довел Четанзапу до изнеможения. Он покинул круг и стоял с Чапой у своей палатки. Он подал мальчикам знак, что готов выслушать их.

— Надо дать Токей Ито сигнал, — сказали сыновья.

Четанзапа не сказал сразу «да» или «нет». Со времени событий в пещере Блэк Хиллса мальчиков считали причастными к тайне рода. Их слова не следовало оставлять без внимания. Воин посмотрел на противоположный берег ручья. Там резвился медвежонок, которого Ситопанаки и Уинона только что покормили.

— Хорошо, — решил Четанзапа. — Пусть соберутся все, кто не участвует в бизоньем танце, и разожгут большой огонь. Такой, чтобы его было видно с того берега Мини Сосе. Наш вождь в кольце врагов. Он должен знать, что мы перешли границу и что ему надо бежать от врагов и спешить к нам, если он... — и Четанзапа умолк: нет, он просто не мог, не имел права даже заикаться о том, что Токей Ито может быть убит врагами.

Хапеда и Часке бросились созывать мальчиков из союза «Молодых собак». Они позвали и Грозную Тучку с ее подругой Ящеркой, и других девочек. Все они принялись стаскивать хвост. Не сочли зазорным для себя помочь им и юноши из союза «Красный олень», который возглавлял Ихзапа. «Сигнал для Токей Ито!» — это объединяло всех.

Собирая топливо, все как-то незаметно переходили с одного берега ручья на другой и никто даже не думал о том, что нужно держаться подальше от стада. Застучали в лесу по сухим стволам топоры, это, услышав, что затевает молодежь, пришли помогать Адамс, Томас и Тэо. Адамс нарубил больше всех своим плотничьим топором. Когда высоко взгромоздившаяся куча дров показалась всем достаточной, Четанзапа поджог ее, и, раздуваемая тихим ночным ветром, она ярко запылала. Это было великолепное зрелище — огонь радости спасения, огонь, призывающий вождя!

Все больше и больше людей подходило к огню — редел круг бизоньего танца. И скоро осталось всего двое — те, кто выступали против Токей Ито на совете. Пришлось Хавандшите прекратить танец и отпустить последних танцоров. Сам он направился к себе в палатку.

— Я применю более сильное заклинание, — угрожающе прошипел он при этом. — Вонючие пятнистые бизоны должны исчезнуть, они не будут смущать умы наших мужчин! Нам надо прогнать их, и тогда снова вернутся бизоны.

Хавандшита проскользнул в свою типи.

В одиночестве он стоял в темной палатке. Мужчины покинули его. С бизоньего танца они разбежались. Такого еще не случилось. Мир переворачивался вверх дном. И Хавандшита в этот момент одиночества подумал, что есть и его вина в горькой судьбе семьи вождя и всего рода Медведицы. Когда-то Токей Ито бросил ему в лицо: «Ты первый, кто дал знать уайтчиунам о нашем золоте!» И это действительно было так, ведь тайна золота была его платой уайтчиунам за то, чтобы они пригнали роду Медведицы большое стадо бизонов. Когда бизоны, «повинуясь заклинаниям» жреца, пришли, сила и авторитет Хавандшита снова возросли. Своими интригами Хавандшита навел белых на Матотаупу — хранителя тайны золота. Матотаупа был оговорен Хавандшитой, обманут, предан, был изгнан им и, наконец, стал жертвой ножа Рэда Фокса. Задумавшись об этом, Хавандшита был готов уже потухнуть, как последняя искра в его очаге. Но, вскормленный жестокостью, он снова поднялся против всех и против самого себя. Враги — уайтчиуны — должны были еще раз сослужить ему службу.

Хавандшита снова взял барабан и принялся колотить в него своими иссохшими руками. То нарастая, то затухая, удары складывались в будоражащий душу ритм. Звуки барабана доносились из палатки до мужчин, женщин и детей. Однако никто не обращал на них особенного внимания, пока ярко пылал огонь для Токей Ито. Но когда пламя сникло и тени забегали по остывающей груди пенла, один за другим люди начали прислушиваться. Все с испугом стали поглядывать в сторону пятнистых бизонов. Друг за другом начали они перебираться через ручей назад к своим палаткам, прочь от скота.

Однако Четанзапа остался на той стороне, где было стадо, вместе со своими сыновьями и Адамсом. Тут же были Томас и Тэо, Чапа и женщины — все те, что открыто стояли за новую жизнь. На этом же берегу, но несколько поодаль от остальных, остался и делавар. Мальчики подумали, как нелегко человеку, который четырнадцать лет жил кочевой жизнью разведчика, решиться стать оседлым ранчьеро. Но причина колебаний делавара была иной.

— Хавандшита замышляет недоброе, — подавленно произнес Четанзапа. — Он знает, что мечты о диких бизонах не более чем мечты.

В этот момент распахнулась палатка жреца и из нее выскочил Хавандшита. И взрослые, и мальчики не раз видели своего жреца исполняющим культовые танцы, но сейчас им явился совсем другой человек. Дико, угрожающе металась в темноте его обвешанная магическими атрибутами фигура. Только ноги выдавали

ее человеческое обличье. На голове у жреца был череп медведя, лицо и плечи скрывала накинутая сверху медвежья шкура. Перья, змеинные шкурки, чучела птиц — все это висело на нем, трепыхалось во время танца, шелестело, трещало. И в порывистом, сопровождаемом беспорядочными звуками танце тоже не было ничего человеческого. Он вызывал безотчетный животный страх перед неведомым. Жрец метался по кругу, предрекая несчастье, грозящее Сыновьям Медведицы. Молчание установилось вокруг. В куче золы потухли последние искорки, всех окутала тьма. Животные, напуганные гортанным бормотанием жреца и его резкими выкриками, стали проявлять беспокойство. Жрец между тем приближался к ручью. Шунктокеча стоял как вкопанный. Он так и оставался в сторонке от группы Четанзапы, где были Бобер, медвежьи мальчики и Ихзапа. Жрец уже не раз и не два протягивал свой жезл в сторону делавара, как будто бы именно в нем он видел источник грядущих бед. И вот он наконец остановился прямо против Шунктокечи, у самой воды, отделенный от него только ручьем.

Шунктокеча не шевелился.

Замер и жрец с угрожающе устремленным на него жезлом. Лишь ветер шелестел звериными и змеиными шкурками, связками перьев.

Словно подчиняясь чарам жреца, делавар сделал три шага вперед, и ступни его оказались на кромке берега. Вода лизала его мокасины. На противоположном берегу стоял жрец.

Хапеда и Часке с тревогой следили за событиями.

Жрец издал резкий вопль и сорвал с себя медвежью шкуру. Стали видны его ввалившиеся щеки, засверкали в ночи седые волосы. Он воздел кверху расставленные руки, как бы пытаясь отвратить страшную беду.

— Токей Ито умирает! — возопил он. — Умирает, сейчас!

Тихий многоголосый стон раздался во тьме.

— Умирает из-за тебя, делавар!

Медвежьи мальчики почувствовали, как екнули их сердца и сдавило грудь. Шунктокеча с видом обреченного так и не шевелился.

— Отвечай, делавар! — взвизгнул жрец. — Кто расстрелял патроны Токей Ито? Кто виноват, что он встал под пули Рэда Фокса слухом в руках?

Последовал момент ужасающей тишины. Делавар поник и медленно снял с себя все оружие. Он положил на траву нож, томагавк, револьвер, ружье.

Мальчики посмотрели на своего отца Четанзапу, взглядом умоляя сказать хотя бы слово.

— Да, это так, — шепнул Бобер Четанзапе. — Он был всегда хорошим, но в то же время торопливым стрелком. Когда Рэд Фокс во время грозы напал на наших женщин и детей и у нас не хватило пуль, Шеф де Люп взял ружье вождя и стал стрелять. Да, это правда,

что Токей Ито из-за этого с луком и стрелами пришлось выступить против ружья Рэда Фокса. Горе нам, если Токей Ито... — и Бобер замолк.

Шунктокеча пошел. Пошел один. Никто не сказал ему ни слова, и никто ни слова не сказал о нем. Медленно направился делавар к лесу.

Жрец опустил жезл. Он снова натянул на голову и плечи медвежью шкуру и спрятал под ней свое лицо. Он снова принялся танцевать, но танцевал теперь по-другому. Он уже больше не вздымал с угрозой жезл, а, крадучись ступая, шарил им по земле, что-то отыскивая. Змеинные шкурки, связки перьев, маленькие чучелки волочились за ним по траве. Он потоптался по кругу, потом двинулся в сторону. Покинув лагерь на опушке леса, он понесся по лугу, а мужчины, женщины и дети, возбужденные, напуганные следовали на расстоянии за ним. Духи обрекли Токей Ито на смерть!

Жрец завывал и шипел. Он носился туда и сюда и сам казался каким-то ночным духом. Но вот он опять замахал жезлом, и опять зашуршали, затрещали его амулеты. Мановением жезла он повелел остановиться следующей за ним толпе. И все замерли там, где их застал его жест.

Никто не знал, что собирается делать жрец. Как черная тень, он танцевал в своем диковинном наряде, отодвигаясь по ночному лугу все дальше и дальше от людей. Но вот он остановился и нагнулся, снова выпрямился. Все так и отпрянули в сторону: вдалеке на лугу вспыхнул бизоний череп, он как будто бы запылал огнем — зеленоватым необыкновенным огнем. Маленькие дети с криками бросились назад к палаткам. Черная тень жреца заметалась вокруг пылающего черепа, временами закрывая его.

Хапеда и Часке взялись за руки, как когда-то в пещере Медведицы. Грозовая Тучка встала около Хапеды. Она вся дрожала, зубы у нее стучали.

— Череп пришел, — с трудом произнесла она.

Юноша в переднем ряду закричал от страха и, как преследуемый зверь, побежал назад, в лес.

— Мы должны охотиться на бизонов, на диких бизонов! — возопил жрец и бросил свой жезл, как копье, в Чапу. Жезл воткнулся острием в землю у самых ног воина. Тот не шелохнулся. — Мужчины дакота, убейте вонючих пятнистых тварей! Кто бережет пятнистых тварей уайтчиунов, кто пьет белое заколдованное молоко — тот умрет! Дух дикого бизона придет и убьет их! О, горе, горе!

Многие по примеру юноши побежали прочь. Они тоже хотели таким образом спастись от духа бизона. Но Четанзапа и Чапа не бежали, они остались.

У Хапеды прямо-таки перехватило дыхание.

Одной рукой он сжал правую руку Часке, другой — стиснул ручонку Грозовой Тучки. Он думал только об одном: надо выстоять, нельзя дать убить пятнистых бизонов. Он, мальчик, должен противостоять могущественному жрецу, старейшему в роде. Он должен действовать так, как на его месте действовал бы Токей Ито. Токей Ито далеко, и никто не поможет медвежьим мальчикам. Хапеда и Часке должны были сами проявить мужество. Не испугалась и Уинона. Она держала Грозную Тучку за руку и тоже оставалась на месте.

Из пылающего черепа вырвался сноп зеленого и красного огня, он с шипением полыхнул в ночное небо, и огненный дождь посыпался вниз. Казалось, огонь «дикого бизона» покусался на людей и луга.

Хапеда услышал позади себя громкие крики ужаса и призывы:

— Убить пятнистых бизонов! Убить их!

Он понял: надо, чтобы случилось что-то такое, что разрушило бы чары жреца, иначе все пропало. Наверное, мальчик не решился бы, если бы не Уинона. Но сестра Токей Ито была рядом, и он верил в нее. И медвежонок придал ему сил. Ситопанаки привела его с собой и подняла вверх навстречу огненным искрам. И медвежонок не выказывал страха, только ворчал и скалил зубы.

— Умри же, как того хотят духи! — возопил жрец и, вырвав свой жезл с каменным накопником из земли, где он до сих пор торчал, поднял его вверх, замахиваясь на Уинону: и жезл тоже словно вспыхнул под огненным дождем.

— Неправда! — громко закричал Хапеда. — Ты лжешь! Лгут и твои духи!

И снова посыпался огненный дождь. Хапеда зажмурил глаза, но не отступил. Когда же он медленно поднял веки и огляделся, не было перед ним ни сияющего зеленым пламенем черепа, ни огненного дождя, ни танцующего жреца. Ночь, звездное небо, даль лугов...

Еще не в силах освободиться от какого-то оцепенения, Хапеда тихонько повернул голову к Часке, который так и стоял возле него. Посмотрел и в другую сторону — Грозовая Тучка, Уинона и Ситопанаки тоже были на месте, и все живы. Подошел какой-то воин: Хапеда узнал своего отца. Четанзапа положил руку на голову Хапеды. Всего лишь на миг, как тогда, когда мальчикам предстояло переправиться в лодке через реку, и пошел дальше. На траве лежало распростертое тело, это был рухнувший жрец. Четанзапа не дотронулся до него, по-видимому, его интересовало что-то другое.

Мальчики и девочки немного пришли в себя и озирались вокруг. Они заметили, что разбежавшиеся начинают возвращаться к месту страшного танца. Мужчины и женщины тихо переговаривались между собой.

— Они еще живы! Они еще живы! — слышались их удивленные слова.

Хапеда, обвинивший жреца во лжи, Уинона, на которую был направлен пылающий жезл, Ситопанаки, поднявшая навстречу извергающему огненный дождь «духу бизона» дитя Большой Медведицы, — были живы!

Это произвело на всех такое впечатление, что никто и не прикоснулся к пятнистым бизонам.

— Бизоний череп лежит там в траве, — сказал Четанзапа, вернувшись к Уиноне и мальчикам. — Он и сейчас еще немного светится зеленоватым.

Четанзапа подобрал на лугу обгорелые остатки каких-то загадочных для всех предметов, пошел с ними к Адамсу и показал их. Мальчики тоже побежали с ним.

— Великолепный фейерверк устроил вам старик, — сказал Адамс. — Где же он только раздобыл эти ракеты? Часто он демонстрировал вам огненный дождь?

— Нет.

Чапа Курчавый проходил мимо, услышал разговор и попросил, чтобы Адамс объяснил ему, в чем дело.

— Так, значит, Шунктокеча... — начал было Чапа и не отважился продолжать.

— Говори! — решительно потребовал Четанзапа.

— Значит, Шунктокеча был прав, — сказал Чапа Курчавый. — Однажды он говорил мне, но я не поверил. Шунктокеча подозревал, что Хавандшита ведет двойную игру. Как наш старейшина и вождь мирного времени он был врагом уайтчичунов. Но одновременно он был и жрецом, который нас запугивал и хотел сохранить свою власть над нами. Шунктокеча слышал от Рэда Фокса в палатке Токей Ито на Лошадином ручье, что тот собирался дать Хавандшите огненный дождь, чтобы склонить его на свою сторону, против Токей Ито. Хавандшита пошел с нами через Мини Сосе, потому что господство уайтчичунов стало угрожать его власти, и все же он хотел помешать нам здесь жить по-новому. Потому что новая жизнь наша тоже означает конец его власти. Я думаю, что он боится делавара. И Шунктокеча и Токей Ито жили среди белых, они не верят ни в одно его чудо. Вот потому-то Хавандшита и прогнал делавара. Он воспользовался его промахом... Огненный дождь он, наверное, получил в резервации от Рэда Фокса.

Выслушав его, Четанзапа некоторое время молчал.

— Он обманул нас в последний раз, — заключил он.

На лугу что-то зашевелилось. Поверженный жрец поднялся и медленно побрел прочь. Самым удивительным для мальчиков было то, что шел он по тому берегу ручья, на котором находилось стадо. Они припомнили теперь, что в своем неистовом танце он перешел через ручей, вероятно даже и не заметив этого. Он и

сейчас, кажется, не придавал этому значения. Ссутулившись и покачиваясь, как пьяный, он шел через стадо пятнистых бизонов, и никто не знал куда. Только не к своей палатке, куда он обычно скрывался после танца.

Стоявшие рядом с Адамсом с тревогой следили за ним. На берегу ручья лежала куча золы — все, что осталось от огромного костра, пламя которого было сигналом для Токей Ито. Тут-то Хавандшита и остановился.

Четанзапа подошел к нему. В глубокой тишине ночи каждое произнесенное им слово было отчетливо слышно:

— Ты обманул нас, — с гневом проговорил воин. — Огненный дождь тебе дал Рэд Фокс.

Мальчики видели, как старик сбросил свой наряд и худой, как скелет, стоял у кучи золы. Он все больше и больше чувствовал себя наедине с самим собой.

Четанзапа приложил к губам сигнальный свисток и созвал всех. И все поспешили к нему, образовав большой круг у остатков костра. Подошли и медвежьи мальчики и Уинона.

— Вы все видели огненный дождь, — громко сказал Четанзапа. — Такой дождь — тайна уайтчичунов. Адамсу эта тайна известна. Но Хавандшита получил этот огонь в резервации от Рэда Фокса, и он нас обманул с помощью этого огня.

Хавандшита молчал. Он страшился самого себя, страшился постыдного конца своей долгой жизни. Молчали мужчины, женщины и дети. Молчали в ужасе от вероломства человека, которому они так верили.

— Сложите для меня костер, — сказал старик.

Мужчины и женщины повиновались и натащили новую кучу дров. Не говоря ни слова Хавандшита вскарабкался на нее, закрыл лицо бизоньей шкурой и стоял так, пока его не окутал дым и не скрыли языки пламени. Он сам себя осудил, и никто не плакал о нем. Да он и сам был всегда глух к жалобным воплям.

А когда снова наступило утро и солнце озарило небо и землю, каждый занялся своим делом. Только Четанзапы не было видно.

— Он ищет Шунктокечу, — сказал Томас медвежьим мальчикам. — Бродит по лесу.

Хапеда и Часке опустили головы.

В полдень Четанзапа вернулся. Он крикнул сыновьям:

— Идите навстречу в лес, все прямо, и вы найдете Шунктокечу, делавара, нашего брата. Во искупление своей вины он нанес себе тяжелую рану. Я сказал ему, что жрец нас обманул и что обманщик умер на костре. Я уговорил делавара, чтобы он согласился принять пищу и питье. Идите туда и снесите ему воды и наш последний пеммикан. Если Токей Ито вернется живым и простит его, Шунктокеча будет жить. В противном случае он решил умереть.

КАК МЫ ЕЗДИЛИ С ЛЕНОЙ НА БАМ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

В. ТОРОПЫГИН

Город Усть-Кут, что на несколько десятков километров узкой полоской протянулся вдоль берега Лены, — транспортный узел: отсюда на теплоходе можно доплыть до Северного Ледовитого океана, на вертолете залететь далеко в тайгу, а по недавно проложенным первым километрам Байкало-Амурской магистрали и автомобильной дороге доехать до поселков — Звездный, Ния. Поэтому кого ни спросишь в Усть-Куте: «Ваша профессия?» — отвечают: «Речник...», «Летчик...», «Железнодорожник...», «Шофер...».

У Лены Тарасовой папа шофер. Но работает он в городе, из Усть-Кута выезжает редко. Лена переживала: и папа не помощник, чтобы ей БАМ посмотреть!..

Так случилось, что когда я поехал на БАМ, в Усть-Куте — для удобства журналистской работы — мне предложили газик, а шофером на газике оказался Николай Николаевич Тарасов — папа Лены. Николай Николаевич сказал:

— Не знаю, что с дочкой делать...

— А что такое?

— На БАМ просится. Говорит: «Живу рядом, а стройки не видела: стыдно!..»

Мы посудили-порядили немного и решили взять Лену с собой...

Первые километры дороги мы — я и Лена — с Николаем Николаевичем не ехали. Подкатил газик к мосту через Ле-

ну (это, наверное, в честь реки Николай Николаевич свою дочку назвал), а на железнодорожных путях стоит самоходный вагончик «мотриса». Машинист говорит: «Я вас могу взять с собой, чтобы вы уже построенный участок БАМа под колесами почувствовали, а потом — где-нибудь у Звездного — снова в машину пересажу!..» Мы с Леной и забрались в «мотрису».

Скорость у «мотрисы» небольшая, окна — во всю длину, обзор прекрасный! Вдоль железнодорожного полотна — сопки, высокие, заросшие соснами. Два или три раза видели мы в распадах палаточные городки. «Студенческие строительные отряды!» — догадалась Лена. Но вообще-то мы больше молчали. Надо же! Всего год—два назад здесь была непроходимая тайга; в эту тайгу и высаживались первые десанты строителей!..

У Звездного железнодорожные пути кончились. Мы поблагодарили машиниста и пошли по насыпи вперед, потому что только так можно было попасть на автомобильную дорогу, где нас ждал Николай Николаевич.

Слева — почти до самой вершины сопки — поднимались деревянные домики Звездного, справа — в низине, в карьере — урчали самосвалы, перед нами — на повороте насыпи — работал путеукладчик.

Лена сказала:

— Это мы должны посмотреть!

Я, конечно, был с ней совершенно согласен: что может быть интереснее, чем своими глазами увидеть, как удлиняется БАМ?!.

Путеукладчик поднял прогон железнодорожного пути, показал его немного в воздухе и положил на землю. Один из рабочих — это был явно бригадир — встал на шпалы и протянул руку вперед. По его команде бригада стала ломиками передвигать рельсы, уточняя направление прогона. Подошел трактор и тоже чуть подтолкнул рельсы. «Хорошо!» — крикнул бригадир.

Рабочие стали закреплять болты, соединяющие прогоны... Бригадир подошел к нам.

Мы познакомились.

— Виктор Иванович Лакомов, — назвал себя бригадир.

— Лакомов? — переспросила Лена. — А я вас знаю!.. — И почему-то покраснела.

— Откуда же ты меня знаешь! — спросил Лакомов.

— Вы же знаменитый!.. Герой Социалистического Труда!.. Я ваш портрет в газете видела...

— Ну уж: «знаменитый»!.. Работаем... — сказал Лакомов и тоже почему-то покраснел.

А я записал всю эту сцену в блокнот, чтобы потом в какой-нибудь книге рассказать, какие они, строители БАМа: знаменитые и очень скромные...

Николай Николаевич ждал нас на обочине. Газик было не узнать: из темно-зеленого он стал серебристо-серым — так пропылился.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Николай Николаевич, — стройка!..

Километров через пять нас остановил парень с красным флажком в руке:

— Придется загорать, — сказал он. — Впереди сейчас будет взрыв: строим новый карьер.

Загорать можно было в буквальном смысле слова: солнце пекло невыносимо. Лена стала собирать цветы — на сопке, чуть выше дороги. Цветы были оранжевыми, с длинными тычинками. Саранки, — объяснила Лена.

Взрыв грянул неожиданно. Вздогнула земля, вздрогнули деревья, над сопками поднялся столб дыма и пыли.

— Поехали! — скомандовал парень.

Сумерки подкрались незаметно, по-северному. Еще светила полоска зари за таежной рекой, а часы показывали уже десять.

— Ночевать будем у механизаторов, — сказал Николай Николаевич. — Мне говорили, где-то здесь, рядом, — мехколлонна...

(Я уже знал, что мехколлон-

Фото Б. Мариковского

ны — механизированные колонны — это отряды шоферов и экскаваторщиков, которые выдвигаются на передний край стройки для прокладывания насыпи).

Возле вагончиков мехколонны мы разговорились с пареньком в накомарнике.

— Кусают?.. — Николай Николаевич кивнул на рыжую сетку, закрывающую лицо паренька.

— Еще как!..

Паренек оказался секретарем комсомольской организации и — по причастности к руководству — стал заботиться о нашем ночлеге.

— Лучше всего вам будет в пионерском лагере! — сказал он. — Лагерь тут рядом... в тайге...

Признаться, не только я, приехавший издалека, но и усть-кутские Николай Николаевич и Лена ничего не знали о существовании пионерского лагеря тут, за Звездным, куда еще и путеукладчик не дошел...

Лагерь раскинулся на берегу реки. Палатки, дощатая столовая, мачта на линейке. Небогато, — как говорят в таких слу-

чаях. Но, мне показалось, что Лена с завистью посмотрела на уже спящих ребят — обитателей этого, может быть, самого замечательного пионерского лагеря: «Бамовского».

Возле поселка Ния, на просеке, корчевали пни. Вместе с корнями — хочешь не хочешь! — снимался верхний слой земли, под ним обнажалась вечная мерзлота. Открытая солнцу и воздуху, мерзлота таяла, превращалась в хлябь. Тракторы вязли. Один — это мы видели — неожиданно наклонился вперед и почти по крышу ушел в чавкающую жижу... Лена призадумалась. Я понимал, думает она сейчас о том, что вот БАМ, оказывается, еще и такой: трудный, требующий мужества, всех человеческих сил...

А сам поселок Ния приветливый, красивый: домики, обшитые золотистым тесом; «лежневки» — бревенчатые улицы; серебристый купол сборного стадиона.

Возле длинного деревянного здания восьмилетней школы Лена разговорилась с ребятами. —

— Холодно зимой в школу ходить?

Мальчишка, — как Лена, тоже, наверное, класса из четвертого, — ответил:

— Зимой у нас — минус пятьдесят, но без ветра. Терпимо... А знаешь, — в свою очередь спросил он, — откуда у нас учительница?..

— Откуда?

— Из Грузии. Там — субтропики, но она тоже морозов не боится.

— Молодец! — похвалила Лена учительницу.

— А знаешь, она кто? — снова спросил мальчишка и сразу ответил: — Она призёр Олимпийских игр Надежда Двалишвили.

Я снова достал свой блокнот, чтобы записать этот любопытный факт: знаменитая спортсменка стала учительницей, строителем БАМа...

А вечером, у костра, я заметил, что Лена тоже что-то записывает в свой блокнот.

— Впечатления о БАМе? — спросил я.

— Да, — ответила Лена. — Чтобы не забыть... Хочу обо всем этом рассказать в школе...

Усть-Кут — Звездный — Ния — Ленинград
Июль, 1976 г.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания—20-й

НОЧЬ В ОКТЯБРЕ

„Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову“.

В. И. ЛЕНИН

Одним из тысяч, кто в Октябре семнадцатого выполнял волю вожда, волю партии, был моряк Балтийского флота, старый коммунист, ныне капитан I ранга в отставке Иван Панкратьевич Платонов.

О событиях исторической ночи он рассказал в кают-компании «Морской газеты»...

...Заканчивался октябрь 1917 года. Наш учебно-артиллерийский отряд в Кронштадте проводил учебные стрельбы. Наши ребята говорили:

— Скоро будем стрелять боевыми...

Ночью нас подняли по тревоге. Пароход, на который мы быстро погрузились, подошел к Петрограду. От причала у Франко-Русского завода бегом к Балтийскому вокзалу. Командиры объяснили задачу: «Охранять занятый войсками Военно-революционного комитета Балтийский вокзал. Приказ Ленина». Я с несколькими матросами вошел в помещение телеграфа. Мы по двое дежурили

возле телеграфистов, которые передавали тексты. Морзянку я знал хорошо, смотрел, чтобы чиновники не исказили телеграмму...

Матросы других взводов вместе с красногвардейцами проверяли поезда, пассажиров, прибывающих в город.

Когда наша смена кончилась, мы отпросились в город навестить знакомых. Командир предупредил: «Быть вовремя!» Добрались мы до Выборгской стороны. Смотрим: у Литейного моста — вооруженные люди. Мы еще не знаем — кто? Винтовки держим наготове. Подходит старый рабочий, оглядел нас, говорит: «Морячки? Значит — свои... Давайте к нам. Юнкера хотят мост развести. Помогите...»

Мы, конечно, остались. Началась перестрелка. Откуда-то забил пулемет, другой, третий... Вдруг со стороны Николаевского моста ударил тяжелый выстрел. Потом я узнал, что стреляла шестидюймовка «Авроры». Друг мой, Арсений Стаселько, крик-

нул мне: «Началось, Иван! Теперь Временному — конец!»

Тут что-то царапнуло меня по ноге. Смотрю: клеш разорван, кровь течет... Пулею меня задело. Юнкеров мы отогнали...

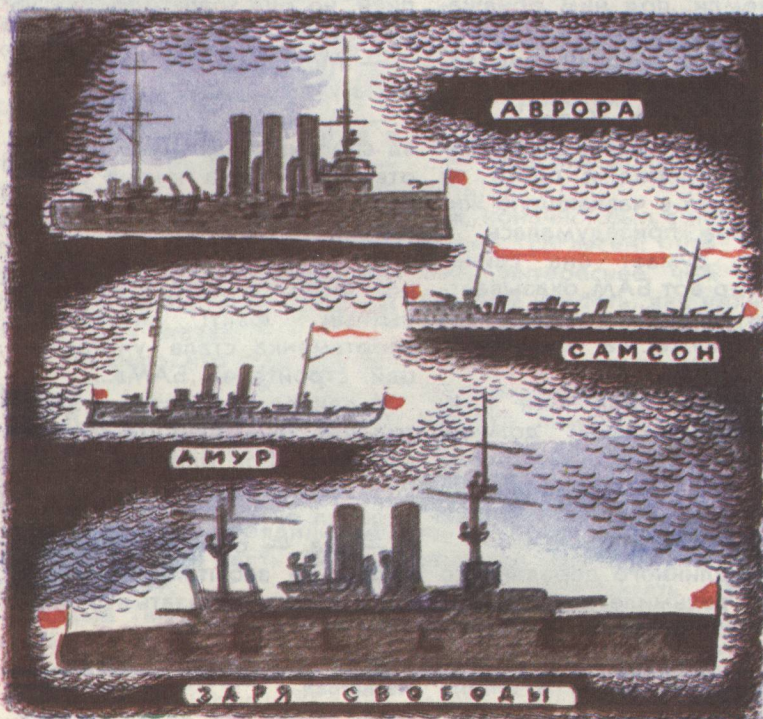
Нам уже пора на телеграф. Прибыли мы без опоздания и заступили свою смену. Глянул на меня телеграфист и побледнел, испугался моего вида: штанина-то у меня разорвана, руки в крови, лицо в пороховой копоти. Вижу, рука его дрожит и он ключом одни точки выстукивает.

— Ты чего передаешь? — спрашиваю. А он еще больше перепугался.

— Это не шифр, — говорит, — просто запутался я...

— Дай-ка мне ключ, — говорю я и сел за телеграф. Сам отстучал текст. Постепенно пришел в себя и мой подопечный...

Наутро мы узнали, что когда участвовали у моста в перестрелке, наши взяли Зимний...

КОРАБЛИ РЕВОЛЮЦИИ

Легендарный крейсер «Аврора». Накануне исторического дня «Аврора» входит в Неву и занимает боевую позицию у Николаевского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта). Крейсер охраняет мост, по которому идут отряды красногвардейцев, солдат и матросов на штурм Зимнего. Выстрел бакового орудия раздается в 21 час 40 минут...

Из Гельсингфорса в Петроград на подмогу приходит эсминец «Самсон». Отряд матросов с «Самсона» принимает участие в штурме Зимнего...

Утром 25 октября, приняв на борт около двух тысяч моряков Кронштадтского сводного отряда, прибывает минный заградитель «Амур». Десант «Амура» помогает в окружении Зимнего и аресте министров Временного правительства...

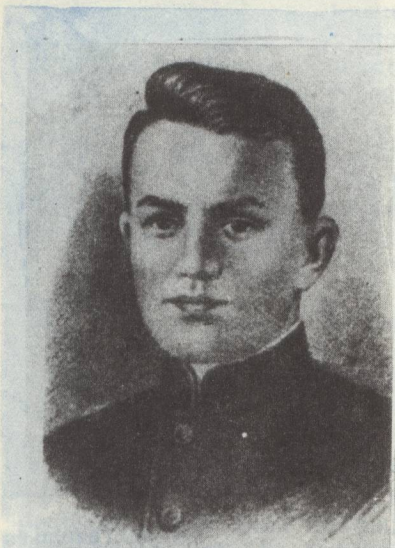
По приказу Военно-революционного комитета Балтийского флота в Морской канал вошел и стал на якорь линкор «Заря свободы». Моряки линкора охраняли от юнкеров подступы к революционному Петрограду.

Так корабли Балтики помогали завоевывать и отстаивать власть Советов.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Каких только новых судов не ходит нынче по морям! Газовозы — газ возят. Щеповозы — щепу для химических заводов. Рудовозы — руду. Автомобилевозы (сразу и не выговоришь!) — эти автомобили везут. Банановозы — бананы... А недавно появилось еще более необычное название — ЛИХТЕРОВОЗ! Лихтер — это мелкосидящая грузовая баржа. Современные суда — с большой осадкой, не во всякий порт войдут. Разгружают их в баржи-лихтеры. Долгое это дело. Все равно что из мешка в горсть, а из горсти в ведро... И придумали новое судно — лихтеровоз. В корпус лихтеровоза баржи с грузом укладывают рядком, одну к другой. Плотнo. До порта назначения добрались, сгружают лихтеры. Тут их буксиры цепляют и — к разным причалам... Вот и вся разгрузка!

Тридцать пять лет назад в ноябрьскую непогоду ушел в поход на подводной лодке молодой штурман Алексей Лебедев. Ушел и не вернулся: подводная лодка погибла.

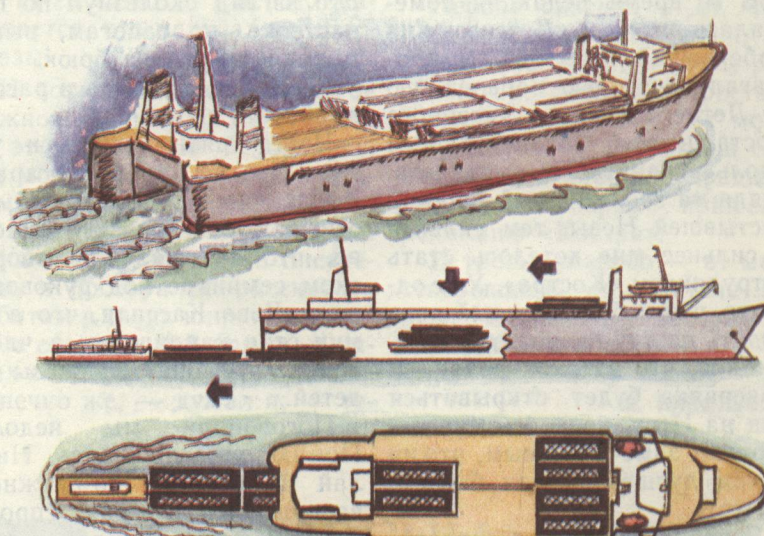
Алексей Лебедев любил море и Советский флот. Еще он преданно любил Родину и сражался за нее как настоящий коммунист. А еще он был поэтом. Писал стихи о том, что любил. Вот одно из его стихотворений.

МЫ ИЗ КРОНШТАДА

... Ну да, мы мальчишками были,
Когда подходил Юденич,
Британских эсминцев пушки
Грозили тебе, Кронштадт;
Но наши отцы служили,
Вели корабли на сближение,
И запах штормов ревущих
Отцовский впитал бушлат.

Товарищ, ты видишь эту
Сухую полынь и скалы,
Гремящую воду ниже
И связанных моряков,
Ты слышишь взнесенную ветром
Последнюю речь комиссара
И раздающийся ближе
Отчетливый лягз штыков.

Республика! Мы окрепли,
Пришли на твои границы
Счастливые, гордые честью
Быть посланными во флот.
Пускай нас штормами треплет,
Но в море идут эсминцы,
И вахты стоят на месте
Когда засеют поход.

В ПОРТУ НАЗНАЧЕНИЯ БАРЖИ ПОДАЮТ ВНИЗ И ВЫТАГИВАЮТ НАРУЖУ

ПРО КАСАТОК

Когда я был юнкором «Морской газеты» и было мне 13 лет, я написал про касаток. Писал, что они — убийцы и пираты. Прошло несколько лет, мое увлечение морем осталось, и я поступил в Ленинградский университет, на биофак. Буду заниматься экологией океана. А пока я хочу внести в свой старый рассказ о касатках некоторые поправки. Дело в том, что кровожадность их преувеличена. Исследования показали, что касатки в океанариумах ведут себя миролюбиво, берут рыбу из рук и даже разрешают дрессировщику класть себе в пасть голову... А с дельфинами касатки даже подружились. Советские биологи после долгой исследовательской работы на Командорских островах пришли к выводу, что касатки — не пираты, а санитары морей. Касатки привлекают все большее внимание зоологов, экологов и даже биоников.

Ученых, например, интересует вопрос — почему касатки могут развивать такую скорость...

Вот поэтому я и вспомнил о своем старом рассказе о касатках, где незаслуженно обидел их.

Бывший юнкор, ныне студент биофака ЛГУ Миша ШИЛИН

БУДЕНОВКА И ГИМНАСТЕРКА

В январе 1957 года я вернулся в Ленинград после службы в армии и стал устраиваться на работу. До армии я работал корреспондентом газеты, и теперь мне хотелось снова отыскать подобную же работу. Помню, кто-то из моих знакомых сказал, что только что освободилось место в редакции журнала «Костер», и я направился туда.

В то время редакция помещалась вместе с «Детгизом» на набережной Кутузова. Я прошагал почти всю набережную от Летнего сада до Литейного моста, и чем дальше я шел вдоль гранитного парапета, глядя на заснеженный простор застывшей Невы, тем сильнее и сильнее мне хотелось стать сотрудником «Костра». Уже одно то, что я буду каждый день ходить на работу по этой набережной, что из окон редакции наверняка будет открываться вид на Неву, казалось мне настолько замечательным, что ни о чем лучшем нельзя было и мечтать.

Я разделся внизу в гардеробе и медленно поднялся на третий этаж, где находился «Костер». Под пиджаком, вместо рубашки, на мне была надета армейская гимнастерка, а из-под брюк выглядывали носки начищенных до блеска солдатских сапог. Я еще не сумел полностью обзавестись гражданской одеждой, да к тому же — если честно признаться — я гордился тем, что служил в армии, служил в далеком суровом краю, я привык к своей гимнастерке, и мне просто жаль было с ней расставаться.

В таком виде я и появился тогда в кабинете главного редактора. За редакторским столом я увидел высокого, крепко сложенного человека с отличной выправкой. Это был Николай Федорович Григорьев.

— Здравствуйте, я слышал, у вас есть свободное место... — начал я едва ли не с порога.

— Откуда это у вас такие сведения? — ответил редактор, и в его голосе отчетливо прозвучало недовольство.

— Слухами земля полнится... — пробормотал я.

— Никогда не стоит полагаться на слухи, — сказал он. И эта фраза прозвучала, как отказ.

— Ну что ж, простите... — сказал я.

Мысленно я уже ругал себя, что явился сюда — с тем же успехом можно было ограничиться телефонным звонком.

— Погодите, — вдруг сказал Николай Федорович, внимательно вглядываясь в меня. Его взгляд скользнул по гимнастерке, по сапогам, выглядывающим из-под брюк.

— Ну-ка, садитесь и рассказывайте о себе.

Через пять минут он уже знал, что до призыва в армию я окончил Литературный институт имени Горького в Москве, что занимался в творческом семинаре под руководством Льва Кассиля, что в армии стал кандидатом в члены КПСС, что пишу рассказы для детей...

Поговорили мы недолго. Помню, уже прощаясь, Николай Федорович, по-прежнему вглядываясь в меня, спросил неожиданно, с веселой усмешкой:

— Скажите, а вы смогли бы на улице в толпе отличить профессора от непрофессора?

— Не знаю... — ответил я растерявшись.

— Ну что ж. Если вы нам понадобится, мы вас пригласим. Оставьте свой адрес, — сказал Николай Федорович, пожимая мне руку.

А на другой день, рано утром, в моей квартире раздался звонок. Курьер из «Костра» принес мне записку от Николая Федоровича: «Прошу вас сегодня зайти в редакцию...»

В этот же день я был оформлен на работу — заведующим отделом публицистики и науки. (Вот, оказывается, чем объяснялся шуточный вопрос насчет профессора!)

Потом я не раз задумывался: что заставило Николая Федоровича Григорьева остановить

Н. Ф. Григорьев

свой выбор именно на мне? Конечно, и диплом Литературного института, и семинар Льва Кассиля — все это было достаточным основанием, чтобы принять меня на работу в «Костер». И все-таки... Все-таки иногда мне кажется, что моя солдатская гимнастерка сыграла в тот день далеко не последнюю роль.

Потому что сам Николай Федорович — я уверен в этом — в глубине души всегда, всю жизнь остается настоящим солдатом.

Ведь это он, Николай Григорьев, командовал в годы гражданской войны знаменитым бронепоездом «Гандзя». Бронепоезд и его командир не раз отличались в отчаянных боях с белыми. Об этих сражениях, о своих боевых друзьях Николай Федорович ярко рассказал в своих книгах «Бронепоезд Гандзя» и «Наш бронепоезд».

А когда началась Великая Отечественная война, Николай Григорьев, в то время уже известный писатель, снова надел шинель: он стал командиром инженерного батальона. Защищал Ленинград, был тяжело ранен. Награжден орденом Отечественной войны.

В одной своей книжке Николай Федорович пишет так:

«Есть у меня буденовка.

Вот она. Старенькая уже, мы вместе с ней состарились.

...Но если я сяду на диван, надену буденовку, зажму-

рюсь, — сразу будто полсотни годов с плеч. Я уже крепок, здоров — и мнится мне, что я на Украине, молодым бойцом, в дыму и пламени гражданской войны...»

Правда, слова эти принадлежат не самому писателю, а герою книжки, но я думаю — наверняка и у самого Николая Федоровича хранится дома старая буденовка, как память о сражениях, о днях, проведенных в армии.

Вот почему мне кажется, его не могла не тронуть моя гимнастерка...

Я проработал в «Костре» уже немало времени, когда неожиданно для себя однажды обнаружил, что, оказывается, мое знакомство с Николаем Федоровичем началось вовсе не в тот день, когда я впервые перешагнул порог редакции, а значительно, значительно раньше.

Девятилетним мальчишкой, если не ошибаюсь, как раз перед самым началом Великой Отечественной войны, я прочел тоненькую книжку, которая называлась «Боевая хитрость». Фамилию ее автора я, к стыду

своему, скоро забыл, больше эта книжка не попадалась мне в руки, но зато коротенькие рассказы о находчивости и смекалке наших красноармейцев навсегда запали мне в память. Особенно почему-то запомнился мне рассказ о красноармейце, который сумел замаскироваться с помощью зеркала. Даже став совсем уже взрослым человеком, я по-прежнему отлично помнил этот рассказ, как будто прочел его только вчера.

И лишь теперь, много лет спустя, как-то случайно наткнувшись на эту книжку в библиотеке, я увидел на ее обложке фамилию автора: Н. ГРИГОРЬЕВ. Так вот, оказывается, кто написал эти рассказы!

И вот что, пожалуй, самое важное. Я никогда не говорил об этом Николаю Федоровичу, но, может быть, память о давнем моем детском впечатлении от его книжки и подтолкнула меня к тому, что, став писателем, я постарался рассказать ребятам в своих книжках именно о современной армии, о наших советских солдатах. «Ведь, конечно же, — думал я, — те-

перешним мальчишкам и девчонкам прочесть и о военной технике, и о находчивости и смелости тех, кто несет службу сегодня, так же важно и так же интересно, как было когда-то мне читать «Боевую хитрость» Н. Григорьева...» Словно невидимая ниточка протянулась из того далекого уже времени — от солдата гражданской войны Николая Григорьева ко мне...

...Скоро Николаю Федоровичу Григорьеву исполнится восемьдесят лет. И в день его юбилея мне бы хотелось сказать ему три спасибо. Почему именно три? А вот почему.

Первое спасибо — от того девятилетнего мальчишки, который с увлечением читал рассказы про боевую хитрость.

Второе спасибо — от молодого человека, который в солдатской гимнастерке двадцать лет назад впервые пришел в редакцию «Костра».

И третье спасибо — от меня теперешнего, от писателя Бориса Никольского, который пишет сейчас эти строки.

Б. НИКОЛЬСКИЙ

Обложка книги, 1927 г.

ВСТРЕЧИ В КНИЖКАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Николай ГРИГОРЬЕВ

Солнечное лето, и все вокруг солнечное, потому что мы среди ребятшек в пионерском лагере. Начало тридцатых годов, до массового строительства летних пионерских городков дело еще не дошло — они появятся позже, — а пока лагерь размещен в деревенских избах.

Мы, то есть детские писатели и художники, веселой гурьбой являемся в лагерь. Представляем: «Авторы детских ленинградских журналов «Чиж» и «Еж».

Дети шумно нас приветствуют, ведут к месту предстоящей беседы — и сразу становится трудно шагать: руки каждого из нас облеплены десятками рук «сопровождающих», а впереди ребята пятятся стенкой, жадно разглядывая посланцев любимых журналов. Только и думаешь, как бы не наступить на маленькую босую ножку.

Г. Кругов „КОСА“, 1929 г.

В тот солнечный день я выступал перед ребятами в присутствии молодого художника (все мы тогда были молоды) Алексея Федоровича Пахомова. Сразу же возник между нами тайный уговор. Пахомов нацелился сделать зарисовки ребят, но его смущало то, что «натура» будет совать носы в альбом и сбивать его с руки.

— А вы притаитесь в сторонке, — сказал я художнику, — оттуда и рисуйте. Я постараюсь занять ребят новыми рассказами, — как говорится, вызову огонь на себя!

Оба мы были в свое время военными и теперь, рассмеявшись, поняли друг друга сразу.

После встречи Алексей Федорович показал мне альбом со сделанными набросками. Какое это было разнообразие лиц! И какое мастерство: кончиком карандаша художник извлек наружу и запечатлел в рисунке душевное состояние каждого моего юного слушателя.

Взволновали меня эти рисунки. На лицах ребят я читал чувства и мысли, порожденные моим выступлением. Вот эти двое или трое слушали меня с большей или меньшей заинтересованностью; этот внимал моим словам восторженно, а тот следил взглядом за полетом не то мухи, не то бабочки. Уличил художник в своих набросках озорника, который дернул за косу девочку, сидящую впереди, и тут же мгновенно изобразил стопроцентное внимание к писателю...

— Алексей Федорович, — сказал я под впечатлением увиденного в альбоме, — ваш карандаш беспощаден.

— Чем же? — озадаченно отозвался художник.

— Своей правдой, Алексей Федорович. Говорят: «Правда глаза колет», я это только что испытал на себе, рассматривая альбом. Оказывается, не так успешно я и выступил перед ребятами...

Итак, знакомство мое с творчеством А. Ф. Пахомова началось в необычных условиях: с одной стороны, передо мной был лишь дорож-

А. Пахомов, С. Маршак „НАШ ОТРЯД“, 1936 г.

ный альбом с незавершенными рисунками: с другой — разглядывая рисунки, я не мог отрешиться от мысли, что это зеркало не слишком триумфального моего выступления перед ребятами.

Позже, в издательстве «Детская литература», я видел книжные иллюстрации Пахомова, исполненные в различной технике. Всюду чувствовалось, что художник не просто рисует, а истово, с полным душевным напряжением творит свои произведения.

Раскрыв книжку Г. Кругова «Коса» (1929 г.), я долго не мог отвести взгляда от написанной акварелью фигуры крестьянина. Лица человека не видно — он шагает с косой по лугу, удаляясь от зрителя. И казалось бы, художник теряет в изобразительных возможностях, повернув центральную фигуру рисунка к нам спиной. Но ничего подобного не случилось, никаких художественных утрат. Наоборот, облик крестьянина в этом ракурсе заговорил о себе с особенной силой!

Рисунки Пахомова выразительны, в каком бы жанре он ни искал себя. Но высокой поэзии в своем творчестве художник достиг, конечно, в рисунке карандашом.

Любопытно, что он сам сначала этого не понимал, считая, что карандаш пригоден лишь для черновых заготовок для будущих «настоящих» работ. Но счастливая встреча — более зрелые и опытные художники В. В. Лебедев и Н. Н. Тырса как бы за плечи взяли молодого собрата по искусству и повернули его лицом к самому себе: «Карандаш — вот твой инструмент художника, в штрихе карандаша твоя сила и творческая самобытность!»

Однажды, перелистывая в издательстве только что сданную мною рукопись новой книжки, Алексей Федорович сказал:

— Мне твой «Мальчик с противогазом» нравится. Хочешь, я сделаю рисунок?

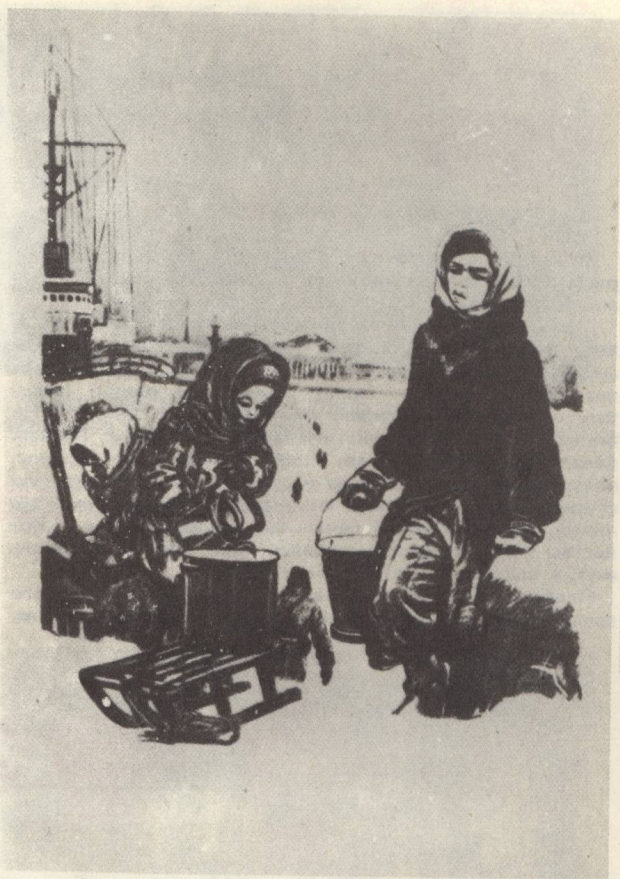
Предложение Алексея Федоровича меня и обрадовало и несколько смутило. В своих книжках для детей я обычно изображал, опираясь на опыт своей жизни, советского человека в бою или в труде, — герои моих книг были люди взрослые, — а малыша я изобразил едва ли не впервые, и мне было лестно, что художник Пахомов обнаружил в ней материал для собственного творчества.

И на вопрос «Хочешь ли?» я тут же ответил:

— Конечно, хочу. Ты, Алексей Федорович, никогда еще меня не иллюстрировал.

И Пахомов щедро украсил книжку великолепными карандашными рисунками. Для двадцати пяти страничек текста он сделал одиннадцать полосных иллюстраций: здесь и дети, и мама, и могучая лошадь-битюг из конюшни во дворе, и инструктор Осоавиахима.

Встретились мы после этого спустя пять лет. Был морозный день конца 1944 года. Шагаю с костылем после перенесенного на фронте ранения по набережной Невы — и вдруг у Прачечного моста через Фонтанку вижу нахохлившегося, в тулупе, человека с мольбертом. Перед

„ЗА ВОДОЙ“, 1941 г.

ним — угол заиндевевшей решетки Летнего сада, а правее — уходящая вдаль гранитная набережная, ослепительно-белый простор Невы и вдаль — легкие, как бы полупрозрачные силуэты стрелки Васильевского острова, Ростральных колонн...

Рисует. Заглянул в лицо — да это же Алексей Федорович!

Дружеские восклицания с обеих сторон... «Ты как?» — «А ты как?» На морозе не разговоришься. Коротко осведомились друг о друге, и я пошел своей дорогой. Запомнилось, что Алексей Федорович, рисуя, воевал со своими перчатками, то стягивая их зубами с рук, то опять сердито надевал: досадовал, что голые пальцы коченеют и плохо держат карандаш.

В 1956 году в Ленинграде возобновился один из старейших наших журналов для ребят «Костер». Я был назначен главным редактором. Попросил Алексея Федоровича помочь журналу в его становлении, он согласился и вошел в состав редколлегии «Костра».

Находил Алексей Федорович время и для того, чтобы задумать и выполнить для журнала интересную обложку или проиллюстрировать текст понравившейся ему повести, рассказа.

Большой был художник Алексей Федорович Пахомов, но, кажется, только сейчас, после его смерти, мы начинаем видеть его в полный рост...

ГВОЗДИКИ НА МРАМОРЕ

Во время пребывания в Югославии мы, советские туристы, посетили мемориальное кладбище освободителей Белграда.

...Здесь отступает шумная городская жизнь, только шелест деревьев и тихий шорох опавшей листвы под ногами. В зеленой траве, в пестрых осенних листьях и ярких бликах солнца — белые мраморные плиты. Золотом — надписи: «Василь», «Мишка-танкист, 18 лет». Но больше всего надписей: «Неизвестный боец». Темный печальный плющ обвивает плиты. Густые липы и клены, низко, до земли, склоняют над ними ветви. По другую сторону аллеи — могилы югославских бойцов. Такие же плиты, тот же темный печальный плющ, тот же шепот листвы и так же кратки надписи: имя, фамилия, просто имя, а чаще всего: «Непознати борац».

Особняком в тени деревьев стоит памятник серого камня. Солдат в тяжелой шинели, в кирзовых сапогах.

В руке опущенный автомат. Словно только что прозвучал последний салют павшим товарищам. Сколько друзей потерял солдат за годы войны, сколько советских парней погибло на полях Европы!

Тихо. Только шелест листвы и шорох шагов. Людской поток непрерывен, как непрерывен и поток цветов, которые несут к могилам.

Мы тоже положили на белый мрамор красные гвоздики...

Пионеры Югославии свято чтут боевые традиции своего народа.

Вот рассказы, стихи и письма детей. Они о том, чем жили и живут югославские пионеры, что для них дорого и свято.

Л. КОКОРИНА

Странички из журнала „Пионер“ 1942—1943 годов

Рисунок пионера
Иво Брусича. 1942 год.

ТОВАРИЩУ МИЛУТИНУ ВЗВОДНОМУ ПИОНЕРОВ

ТОВАРИЩ МИЛУТИН!

Мы, пионеры села Шекичи, вчера были в госпитале и отнесли раненым товарищам воды, салата, цветов и лука. А тебя навестить не смогли, потому что в ту комнату, где ты лежишь, детям входить запрещено, потому что мы можем подцепить тиф и умереть.

Сегодня мы опять пришли в госпиталь и принесли клубни-

ку, салат и воду. Но и сегодня мы не сможем проникнуть в твою палату, только сумели передать больничной сестре воду и землянику, — пусть даст тебе.

Шлем тебе немного бумаги, ты все-таки напиши нам, когда думаешь выйти из госпиталя.

Теперь больше нечего писать, разве лишь то, что мы, пионеры села Шекичи, очень тебя любим и кланяемся. Смерть фашизму, свобода народу!

Шекичи,

Октябрь, 1943 г.

МЫ, ДЕТИ...

Мы, дети, знаем горе,
И борьбу начинаем.
Неправда власть захватила
Над нашим краем.

Мы, дети, всегда готовы
В борьбе принять участие.
Мы знаем, что без свободы
Нет ни жизни, ни счастья.

Пионер Милан Цветичанин,
12 лет

Июнь, 1942 г.

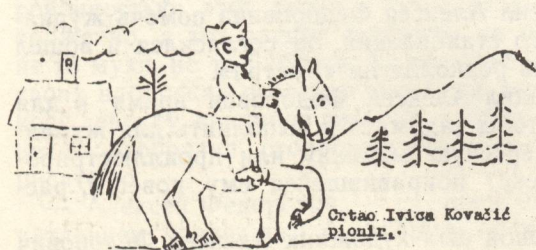

Рисунок пионера Ивица Ковачича. 1942 год.

MI DJECA

Mi djeca napačena
U borbu idemo sada
Jer nad nama već dugo
Nepravda vlada.
Mi djeca spremni smo za borbu
Spremni smo svakog časa
Jer znamo da bez slobode
Nema života ni spasa.

Crtao: Ivića Kovačić
piónir.

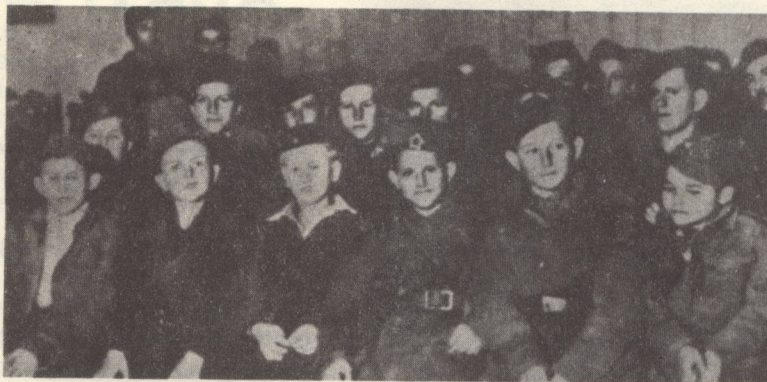
ДЕЛА ПИОНЕРОВ

В селе Мазин пионеры за один день прошли от дома к дому, собрали картошку, яйца, масло и отнесли их партизанам.

В селе Неблуси пионеры набрали шерсти и вяжут для партизан фуфайки и носки.

Пионеры села Оравац набрали много земляники и отнесли ее раненым бойцам в госпиталь.

Июнь, 1942 г.

Самые юные партизаны, участники съезда Союза антифашистской молодежи Югославии в Дрваре. 1944 год.

Пионерская почта 1975—1976 годов

„Похороны партизана“

Рисунок школьницы Милены Урошевич.
1975 год.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ

Герои они,
те, кто оставили плуги,
чтобы в мире могли пахать.

Герои они,
те, кто ринулись с вилами
против орудий.

Кто они?
Нет их имен на могилах.
Им гранаты бросали в глаза,
снарядами рвали сердца, —
не ослепили,
не убили.

Кто они?
Их могилы в горах
развеяны ветром.

С песней жили они,
воевали с песней
и с песней погибли.

Кто они?
Нет их имен на могилах,
Но мы поем о них.

*Зиад Сарайлич,
Ученик 8-го класса
школы г. Тузла*

КАК Я СТАЛА ПИОНЕРКОЙ

В прохладный осенний день, День Республики, все первоклассники моей школы двинулись к Пионерскому городку на торжественный прием в пионеры.

Городок блистал пестрыми красками осени, деревья приветствовали нас своим шелестом, в парке пахло свежестью, как в лесу.

Большой зал звенел от веселых детских голосов. На столе, украшенном цветами, я увиде-

ла пионерские галстуки и шапочки. Казалось, там горит огонь, а шапочки были как всамделишные партизанские.

Учительница повязала нам галстуки. Я еле дождалась своей очереди. Мне хотелось, чтобы все смотрели на меня.

Папа сказал, что я выгляжу прекрасно. И поздравил меня. Я стала пионеркой.

*Драгана Марич,
ученица 3-го класса школы
«21 мая», Новый Белград*

„ОХРАНЯТЬ ПРИРОДУ — ЗНАЧИТ ОХРАНЯТЬ РОДИНУ“

В архивах штаба «Зеленых патрулей» школы № 274 хранится объявление:

«Разыскивается личность, которая объедает и ломает растения на школьном участке.

Приметы:

1. Возраст неопределенный.
2. Постоянно появляется на газонах. Иногда лазает по деревьям.
3. В ответ на вопросы обычно отвечает: «А что я делал?», «А вы видели?», «А чего?».
4. Всеяден. Ест даже зеленые помидоры. Любит кукурузу.

Особые приметы: труслив, ни в чем не сознается.

Все сведения просим сообщать в штаб «Зеленого патруля»...

Там, где нынче стоит школа № 274, неподалеку от Кировского завода, когда-то шли жестокие бои с фашистами. С тех пор прошло больше тридцати лет. В память о защитниках Ленинграда, народных ополченцах, поставлен здесь памятник.

В торжественные дни выстраивается у памятника пионерская дружина. Здесь встречают праздники. Здесь принимают в пионеры.

Кругом — травы, цветы и кусты. А лет десять назад на этом месте было болото. Чтобы засыпать низину, разровнять, провести дорожки, разбить цветники и заложить пришкольный участок, потребовалось много сил и энергии ребят. Сделано все было на открытом пространстве, без оград и заборов. И всему этому сразу же понадобилась защита... Несознательные люди ломали саженцы, выдирали кусты, обрывали цветы, и на защиту встал «Зеленый патруль» пионеров и комсомольцев 274-й школы.

Галя АВАДНЕВА (6-й класс):

— Работы у наших «Зеленых патрулей» было сначала очень много. Нарушения бывали разные: кто ходил по газонам, чтобы быстрее попасть из школы домой, кто ломал ветки саженцев. Дежурные патрули приводили нарушителей в штаб, делали внушение. Наутро в школе вывешивали «Молнию», если нарушитель был из нашей школы, писали о нем. И снова сажали, ухаживали, ждали, собирали урожай. А охраняли все наши «Зеленые патрули»...

Также в школе классы

Юля ПАВЛОВА (6-й класс):

— А вообще-то начинали мы с маленького — с украшения нашей школы. Ребята приносили из дома цветы, семена — кто что мог... Раньше и подоконники в классах были голые, а теперь — в зелени и цветах. А в кабинете ботаники у нас триста видов растений! Гвоздика цветет всю зиму. Зимой мы выращиваем и землянику. Когда у кого-нибудь из наших учителей зимой день рождения — мы дарим целое блюдо свежей земляники...

Галя АВАДНЕВА:

— Многие удивляются: почему у нас в школе растения цветут, а у них — нет... Приходят к нам, спрашивают: «В каких условиях наши юннаты выращивают?» Мы рассказываем. А каждую осень раздаем населению семена для посадки и объясняем, как сажать... За семена у нас отвечает Юля. Если вам понадобятся семена, обращайтесь к ней...

Юля ПАВЛОВА:

— Семена цветов наши юннаты передают желающим во всем нашем микрорайоне, а кто хочет, то и из других микрорайонов тоже. Посылаем мы семена цветов и на Дорогу жизни.

Вадим ДИДЫК (8-й класс):

— Я тоже в «Зеленом патруле». Дежури мы классами, каждый класс в свой день. А патрули — парами, патрулируют по часу.

А еще я занимаюсь научной работой. Моя тема — «Мирное поведение хищников», а мои хищники — плавунцы. Считалось, что плавунцы вредят рыбоводству, поедают молодь. Мы провели опыт: в аквариум поместили гуппи и плавунцов. И те и другие плавали вместе, и плавунцы рыбок не трогали. Когда плавунцов забыли покормить, то один съел другого, а на гуппи так и не напал... Вот вам и хищник! Сейчас я готовлюсь к городской биологической олимпиаде...

Дима МИТРОФАНОВ (10-й класс, комитет ВЛКСМ):

— Раньше ребята как рассуждали: газон не газон — бегут по цветам, по клумбам... «Зеленый патруль» взял все газоны под охрану. Потом в комитете комсомола организовали сектор охраны природы и к охране привлекли все классы, начиная с четвертого... Дежури с 9 утра и до 8 вечера...

А когда мы провели общешкольную конференцию под названием «Охранять природу — значит охранять Родину», — всем стало ясно и понятно: наши ребята делают важное и нужное дело!

Фото Л. Павлова и Ю. Щенникова

ГАЛЯ АВАДНЕВА:
— Огурцы мы выращиваем вот такие!

ЮЛЯ ПАВЛОВА:
— ... А начинали мы с маленького...

ВАДИМ ДИДЫК:
— Моя тема — мирное поведение хищников...

Отбор семян

ДИМА МИТРОФАНОВ:
— Наши ребята делают нужное дело!

Рисунки А. Ивашенцевой

ЖЕСТОКОСТЬ

Однажды весной на зеленом лугу
Лосиха с лосенком щипали траву.
Как вдруг из-за сосен, стоявших рядом,
По ним полыхнуло свинцом.

Лосиха упала. — Спасайся, беги!
Беги, мой детеныш, подкрались враги!
Нам больше с тобой не ходить по лугам,
Беду или радость узнаешь ты сам! —

Лосенок умчался, — попробуй лови.
Лосиха лежала в багряной крови.
Прикрытыми были большие глаза,
Прикрытыми были уже навсегда.

Когда же не будет жестоких людей?
Хочу, чтобы не было их поскорей!
Пусть лоси гуляют на сочном лугу
И выстрелов взрывы не рвут тишину.

Саша Ошлаков,
7-й класс,
с. Ынырга Алтайского края

МОРЕ

Шторм на море бушует,
Волна догоняет волну.
А что там, под волнами,
Если нырнуть в глубину?

Как там во время шторма,
Мне интересно знать.
Быстро беру я маску
И начинаю нырять.

На глубине спокойно,
Тихо, красиво кругом.
Мирно сияют ракушки,
А надо мною — шторм.

Глубже и глубже ныряю,
Тише и тише вода.
Такой красивой картины
Не видела я никогда.

Громоздятся кораллы,
Словно горный хребет,
А дальше дно все ниже,
Туда не доходит свет.

Но мне пора обратно,
Я тяжело дышу
И потихоньку всплываю,
И снова — волны и шум.

Ира Арамова,
6-й класс, Москва

СЛУЧАЙ С ФОНТАНЧИКОМ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Илья ДВОРКИН

Рисунок А. Ивашенцевой

Ужасная история произошла с Митькой на большой перемене. И нелепо как-то все случилось, чуть ли не нечаянно.

Дело было так.

горб и убежали. А что еще твой брат рассказывал?

— Он говорит: пить, говорит, там охота — жуть!

Вика Дробот говорит:

— Пить, говорит, охота — жуть... Как в пустыне Кара-Кум.

А Митька ей:

— А ты была в этой пустыне?

— Нет, говорит, не была. Мой двоюродный брат Виталий был.

— Ну, и что он рассказывал? — спрашивает Митька с огромным интересом.

— Вот он и говорит: пить, говорит, охота — жуть.

— А верблюды у него были?

— Были. Целых пять. Четыре с двумя горбами, а один с одним.

— Ух ты, калека, значит? Шакалы отгрызли?

— Нет, он — дромадер.

— Кто-кто?

— Дромадер.

— А это кто?

— Не знаю, — говорит Вика, — так про него Виталий сказал: дромадер и все.

— Это его так звали, беднягу, — поясняет Митька, — отгрызли мерзкие шакалы один

— Слушай, он что, твой брат, насос? — подозрительно говорит Митька. — Чего это ему все время пить охота?

— И мне охота, — говорит Вика и чуть не плачет.

— Так пойдя к фонтанчику и попей! Во чудачка!

— Да-а! Попе-ей! А если он облива-ается, — говорит Вика и капает продолговатыми слезами.

Этого Митька, конечно, стерпеть не мог. Человек погибает от жажды, как в пустыне Кара-Кум, рядом с фонтанчиком для питья.

Слышанное ли дело?

Ноздри у Митьки воинственно раздулись.

— А ну, пошли, говорит. Кто обливается?!

— Севка из четвертого «б». Ни на кого не обливается, а как меня увидит, так сразу и начинает!

— Пусть только посмеет, — говорит Митька, — не знаю даже, что с ним сделаю! Идем, не бойся!

Только подошли к фонтанчику, вдруг выска-

кивает из-за угла этот Севка и вопит такие бессмысленные слова:

— Чечевица с ви-
кою, а я сижу чир-
каю!

И к фонтанчику, обливаться. Но тут Митька его опередил. Он такого хулиганства не мог допустить. Он накрыл одной рукой фонтанчик, а другой как-как крутанет кран да как-как хлестанет плоской струей по Севке!

Севка заорал басом и заметался. Руки выставил, ладонями машет и отдувается.

Потеха!

Только тут струя как-то сама вывернулась из-под ладони и пошла, и пошла поливать кого попало.

А Митька растерялся, ему бы кран закрыть, а он только сильнее на фонтанчик нажимает. И чем сильнее нажимает, тем дальше струя летит — даже свист из-под ладони. Визг стоит в коридоре ужасный.

Вдруг кто-то цап Митьку за воротник! Оторвал от фонтанчика и держит на весу. Потом здоровенная рука протягивается из-за плеча, заворачивает кран, а другая рука разворачивает в воздухе малость придуренного воротником Митьку, и он видит перед своим лицом разгневанное лицо учителя физкультуры Германа Петровича.

И повел тот Митьку к директору...

О ТЕХ, КТО РЯДОМ

Сколько раз я слышала: «В конце книги не заглядывай, если даже очень хочешь узнать, чем кончится рассказ...» А почему? «Читать потом неинтересно будет...»

Ну, а как решить, стоит ли брать книгу домой?

Обложки одна наряднее другой. На этой, например, средневековый рыцарь в полный рост, с мечом и щитом, а рядом — перед микрофоном мальчишка.

На обложке с рыцарем название — «Теплый берег». * Тоже занятно! Загляну-ка все-таки если не на последнюю, так на страницу... страницу 135-ю... Удачно! Нарисован тот же мальчишка. Только теперь он не на сцене стоит, а плывет. И где плывет — в комнате! Прочту несколько строчек. «Набрав воздуха, Лесь опустился на корточки с открытыми глазами. Вода послушно разомкнулась и приняла его в свою глухую тишину...»

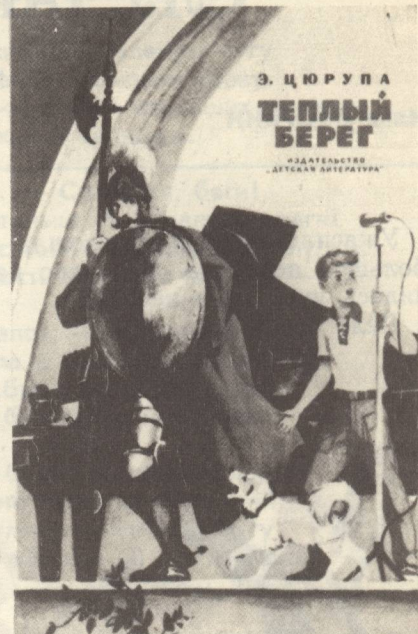
Почему в комнате вода? Кто такой Лесь? Разве плавают прямо в комнате?

И вот я прочла книгу от начала до конца.

Тут и поход на бывшую партизанскую землю, и поиски героев-партизан, и шторм на море — угроза городу. Да, забыла сказать, что Теплый берег — город на юге. Красивый современный город, а когда-то здесь шли бои с фашистами.

У пионеров пятого «б», в котором учатся Лесь и его друг Вяч Колотыркин, много старших друзей — моряки и летчики, строители, шофер с автобазы. И все как на подбор — люди веселые, добрые, от мальчишек не отмахиваются. Антон-моторист водил весь пятый класс на спуск корабля. (Правильнее говорить «спуск судна»: корабль — название военное).

* Э. Цюрупа «ТЕПЛЫЙ БЕРЕГ», Летская литература, М., 1976.

Торжественный момент — спуск судна на воду. И название гордое — «Народный комиссар»!

Среди старших друзей Лесь есть человек по имени Лев и по фамилии Лев. Его так и зовут иногда — Лев-Лев. Это Лев-Лев подарил Лесю книжку про Дон-Кихота, бывает у Лесь дома, знаком с его мамой, играет с младшим братишкой Димкой. Скромнее и молчаливее человека нет. И работа у него скромная: продает газеты и журналы в киоске. Кое-кто его всерьез чудачком считает: квартиру давали в новом доме — отказался. «Другим нужнее...»

Вяч иногда удивляется: как Лесь умеет разобраться в людях. Вот приезжий человек, артист Полудин, Дон-Кихота играет на сцене. Как Лесь понял, что Полудин — человек хитрый, обманщик даже? Когда играет в театре, всех приводит в восторг. А Лесь говорит: «Притворяется». А вот Лев-Лев — настоящий бесстрашный рыцарь, по мнению Лесь.

Прочтете книжку — согласитесь, что история деда Льва — удивительная история. О ней коротко не расскажешь. Дед вел себя самоотверженно, благородно и во время войны. А ведь было ему тогда всего девятнадцать лет.

Прочитайте!

Л. БУКОВКИНА

СМЕЛЫЙ МАЛЬЧИК МЭРГЭНКЭН

(Нанайская песенка)

Нерпочка,
Нерпочка,
Испугалась нерпочка.
Как охотник подошел —
Испугалась нерпочка.

Вербочка,
Вербочка,
Испугалась вербочка.
Ветер северный подул —
Испугалась вербочка.

Мэргэнкэн,
Мэргэнкэн,
Только мальчик Мэргэнкэн
Не боится ничего,
Смелый мальчик Мэргэнкэн.

Е. ЮДИН

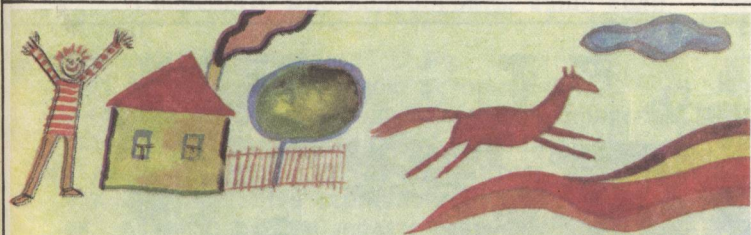
УГОЛЁК № 11

Рисунок Т. Соловьевой

Седьмое ноября — праздник Великого Октября. Вся звездочка вышла на демонстрацию. Глеб — с папиным заводом, Оля — с папиным метростроем, Галя — с маминой больницей, Степа — с бабушкой. А Уголёк — со всеми вместе.

Встретились на Дворцовой площади. Игрет музыка, с лозунгами и флагами идут колонны, и громкий голос говорит на всю площадь:

У ПЕЧКИ

Вот белая — белая-белая — печка.
Возьму нарисую на ней человечка.
А рядом — сугроб и пушистую лайку,
И дом, и колодец, и дым, и хозяйку...

Нет, лучше я здесь океан нарисую
И бурю — огромную бурю такую!
На смелый кораблик — волна за волною!
А я у штурвала, и друг мой со мною...

Нет, лучше я здесь нарисую сражение.
Враги отступают, а мы в наступленье!
А я впереди — на коне, на тачанке!
Нет, лучше на пушке! Нет, лучше на танке!..

Вот так я у печки сижу и мечтаю,
Как будто волшебную книгу листаю.
В ней сколько хотите картинок цветных!
Присядете рядом — увидите их...

А. КРЕСТИНСКИЙ
Рисунок О. Зуева

ТРУДНАЯ ОХОТА

Нил Петров и Федор Нилов
Говорят: „Давай, вдвоем
Настреляем крокодилов
И домой их принесем,
Чтобы щи из крокодила
Нам хозяйка наварила“.

— Слава советским рабочим!
 — Ура! — кричат ребята. — Это про твоего папу, Глеб!
 — Слава советским инженерам! — говорит голос.
 — Ура! Олиному папе ура! — кричат ребята.
 — Слава советским женщинам!
 — Ура! — радуются ребята. — Ура маме! Ура бабушке!
 А Степа слушал, слушал да как закричит:
 — И советским октябрятам ура!
 — Ура! — закричали ребята. И все вокруг закричали, и вся площадь. И голос тоже закричал:
 — Ура-а-а!

2

— Да, тяжельно, — отвечает дед.
 — Спустим избу в колодец. А за едой наверх будем лазать. По веревке.
 — Пр-равильно! — обрадовался дед. — Самые мы с тобой умные во всей округе!

А. ЛИСНЯК
 Рисунок Е. Троицкого 7

Под горой течет река,
 К ней подходят два стрелка.
 Шепчет другу Федор Нил:
 „Вот где много крокодилов!“
 Другу шепчет Нил Петров:
 „Я стрелять уже готов!“
 Он стреляет прямо в ил.
 Не всплывает крокодил.
 Нил Петров и Федор Нил
 Говорят: „На крокодилов
 Слишком трудная охота.
 Ладно, щей мы не поели,
 Но зато на той неделе
 Мы пойдем на бегемота“.

Л. ПОЛЯК
 Рисунок Н. Корниловой

ДЕД И БАБА

Жили-были дед и баба.
 — Дед, далеко нам к колодцу ходить! — говорит баба. — Давай что-нибудь придумаем.
 Стали думать.
 — Сделаем-ка избу на колесах! — говорит баба. — Прямо в избе будем к колодцу ездить.
 — И то верно, — отвечает дед.
 Сделали избу на колесах. Ездят к колодцу, шестами отталкиваются.
 — Дед, тяжело воду доставать! — говорит баба.

6

КОНЫКИ

Купила мама мне коньки,
 Блестящие и быстрые.
 Они сверкали, как клинки,
 Но я на них не выстоял.

Упал я сразу же на лед.
 Я падал столько раз!
 А на меня глядел народ,
 Глядел наш третий класс.

Что синяки и ссадины?
 Я снова прокачусь.
 Увидишь — обязательно
 Кататься научусь.

А. ЛЕОНТЬЕВА
 Рисунок Э. Копыловской

3

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ

СКАЗКА АФРИКАНСКОГО НАРОДА БАГАНДА

Рисунки
Г. Ясинского

Жил-был кабака-правитель, и у него была красавица дочь. Когда пришло время выдавать ее замуж, кабака долго думал, какой выкуп взять за дочь. И решил кабака, что отдаст дочь за того, кто расскажет ему историю, которая не имеет конца. Это и будет единственным выкупом за дочь.

И вот собралась огромная очередь — все юноши и мужчины хотели взять в жены красавицу, поэтому все стали придумывать и рассказывать кабаке сказки, кто умел и кто не умел. Но каждая сказка имела конец, и стал кабака хвастать, что задал он людям неразрешимую задачу. Как вдруг приходит во дворец бедный странник, одетый только в одну козлиную шкуру. Правитель на него посмотрел и говорит:

— Можешь не начинать рассказывать, уж если самые знатные и умные люди страны не смогли рассказать историю без конца, то разве ты сможешь!

Но странник сказал:

— Разрешите мне попробовать, ваше величество.

Правитель разрешил.

И странник начал свою историю так:

— Жил-был кабака и был у него предсказатель, который никогда не ошибался. И вот сказал однажды этот предсказатель правителю, что ожидается страшная засуха. И приказал правитель всем людям сеять пшеницу повсюду, где только можно посеять. Также приказал правитель строить огромные амбары для пшеницы. Когда пшеница созрела, все увидели, что урожай получился невиданный. Весь народ собирал пшеницу до последнего зернышка. Но когда все собрали, вдруг налетели полчища саранчи и набросились на пшеницу. Первый кузнечик взял одно зерно и унес, второй кузнечик взял зерно и унес, и третий кузнечик взял одно зерно, но оно у него выпало и упало в землю. Все остальные кузнечики растащили оставшиеся зерна. И вот то единственное зерно, которое упало в землю, проросло, и вырос огромный колос. Пришли люди и видят: пшеницы нет, растет один огромный колос. Взяли они колос, обмолотили его и опять посеяли пшеницу, и вырос невиданный урожай. Весь народ вышел собирать пшеницу. Но налетела саранча и стала хватать зерна.

И странник рассказал, как упало зерно в землю и вырос огромный колос, как люди собрали зерна и посеяли. Но налетела саранча...

Правитель слушал эту историю пять дней и наконец сказал:

— Даю тебе один день, кончай свою историю.

Но странник ответил:

— Эта история кончится, когда перестанут зерна падать в землю, перестанет расти пшеница, перестанут люди собирать урожай. Но зерна не перестанут падать в землю, значит, и история эта не кончится никогда.

Правитель, побежденный таким ответом, вынужден был отдать свою дочь за бедного странника.

Перевод И. ЯКОВЛЕВОЙ

Раздел ведет писатель
Н. СЛАДКОВ

Дружба

С птицей синицей мы дружим давно.
Я сыплю ей крошки и сыплю зерно,
И семечки сыплю, и сало крошу,
А после синичку к обеду прошу...

*Наташа из города Карабаш
Челябинской области, 9 лет*

Оформление **О. Филипенко**

ПТИЧЬЯ СТОЛОВАЯ,
Валя Никшеева, 11 лет,
деревня Барсуки Калужской области

Косули

Однажды зимой по дороге из школы мы увидели пять косуль. Они стояли возле деревьев, ели кору и опавшие листья. До чего же косули красивые! Они увидели нас и отбежали в сторону. Но они уже меньше боятся человека. С каждым годом косуль в наших местах становится больше, потому что охоту на них запретили...

*Исмагиль Фахрутдинов,
Оренбургская область*

У нас есть живой уголок. В нем живут канарейки, попугаи, белка, хомячки, рыбки. Все лето у нас работала «птичья лечебница». Мы выходили многих птиц, которым грозила гибель от кошек и собак, а потом выпустили их на волю...

Мы ведем фенологические наблюдения. В сентябре нас приняли в «Зеленые патрули».

С юннатским приветом *Наташа Чечкова,
Галя Шульгина, Ира Орлова,
Оля Аблязова,
город Пермь*

Шах и мат

Сначала создадим угрозу на королевском фланге...

... А затем „съедем“ коня черных

Конечно, моя кошка в шахматы не играет. И чтобы сделать такие фотографии, пришлось пойти на хитрость: под некоторые фигурки я подкладывала кусочки мяса...

Майя Вилнис,
13 лет, Рига

Бельчонок Крошка

У меня появился бельчонок. Я назвала его Крошкой. Крошка еще совсем маленький, рыжевато-серый, с пушистым хвостиком. Он ест орехи, шишки, горох, свеклу и даже кашу. Утром, едва проснувшись, бельчонок умывается своей мягкой лапкой. Кот Васяка приглашает Крошку поиграть: тянет его за ухо, хватает за хвост. Бельчонок трогает Васькины усы, царапается...

Каждое утро в клетке надо убирать, наливать воду, положить что-нибудь съестное. Если этого не сделаешь, Крошка сердится, кусается, мяукает и всячески выражает свое неудовольствие.

Лена Райкова,
Новосибирск

Вот он, мой Крошка

Спасали мальков

Мы живем на Енисее. Летом мы рыбачили на острове и натолкнулись на пойменное озеро. Оно кишело мальками. На другой день мы собрали ребят из нашей 29-й школы: Андрея Белокопытова, Сашу Проворного, Женю Добрынина, Сережу Шестакова, зашли к общественному инспектору рыбо-охраны Дмитрию Михайловичу Майкову и все вместе, захватив лопаты, отправились на остров. Пришлось выкопать канаву длиной в тридцать пять метров. Работу закончили к вечеру, и много мальков выпустили. Наутро вода в Енисее спала и канава пересохла, пришлось копать заново. Всего мы сделали одиннадцать выходов на остров... По подсчетам ихтиологов спасено 50 000 мальков хариуса, окуня, ельца...

На торжественной линейке заместитель начальника управления «Енисейрыбвод» Геннадий Яковлевич Силачев и старший ихтиолог Тамара Васильевна Зотова вручили нам подарки.

Юнкоры **Боря и Сережа Шинкаревы,**
Красноярск

ВНИМАНИЕ, ВСЕЗНАЙКИ!!!

Три вопроса для вас приготовил Женя Солдатов:

1. Для чего жирафу длинная шея?
2. Почему черепаха может целый год не есть и не пить?
3. Летучая мышь — зверь или птица?

Кстати, дорогой Женя! Ты забыл написать свой адрес, поэтому я твое письмо оставил без ответа...

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ТУШКАНЧИК

ТУК-ТУК ИЛИ СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ Старого Дятла

ТУК-ТУК, ИЛИ СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ СТАРОГО ДЯТЛА

...Я очень люблю выращивать цветы, но плохо знаю, как это делать. Посоветуйте мне, что читать?

Нэля Хисматова,
село Тумутук Татарской АССР

Тут-тук, дорогая Нэля! О том, как выращивать цветы, ты сможешь прочитать в книгах:

1. Справочник цветовода. М., «Колос», 1974 г.
2. Тавлинова Г. К., Цветоводство. Лениздат, 1970 г.
3. Корнеев Н. Е. Культура оранжерейно-комнатных растений. М., Сельхозгиз, 1957 г.

ДЕРЖИСЬ ЗА ВЕТЕР

Этот вид спорта родился совсем недавно, в конце 60-х годов. Но почитателей виндсерфинга вы можете увидеть на многих реках, водохранилищах и озерах. Все они хотят научиться держаться за ветер.

— Держись! Крепче держись! — летели с берега запоздалые инструкции. — Да не за парус держись, — за ветер!

Но в следующую секунду парус рванулся из моих рук, доска из-под ног ушла куда-то в сторону и я очутился в воде!

— Экий ты непонятливый, — ворчал приятель, когда я вылез на берег. — Разве можно так делать крутые повороты? Надо набрать ход, наклонить мачту назад и осторожно обойти ее спереди, чтобы встать с другого борта. А ты скачешь вокруг нее, как козел, и думаешь, что на тебя приятно смотреть.

И он снова чертил прутиком на песке треугольник паруса, схемы поворотов и лавировки, а потом, встав на виндсерфинг, показывал все это на практике.

— Кому просто, а для кого китайская грамота, — оправдывался я перед своим учителем, намекая, что он как-никак главный конструктор спортивных яхт Ленинградской судовой верфи, а я — начинающий мореход.

Но Григорий Непочатых был неумолим.

— Получится, должно получиться, если будешь внимательным и чуть посмелее.

И правда, к концу недели стало получаться. Все реже и реже приходилось мне выныривать из воды, искать глазами своего сноровистого коня. Я чувствовал, он начинает меня слушаться, не так чтобы очень, но все-таки. И все чаще и чаще снились мне по ночам бегущие к

горизонту волны и белый, наполненный ветром парус.

Однажды приятель сказал:

— Пожалуй, у тебя есть способности. Советую пойти в яхт-клуб и записаться в секцию.

Подобного предложения я не ожидал. Какая секция? Еще немного... еще пять или шесть дней — и я все буду уметь.

— Нет, нет, — добавил Григорий, — это так кажется, что умеешь. Только в секции ты по-настоящему научишься.

Я не знал, что ему ответить. По крайней мере, он меня не переубедил, и я не собирался идти и записываться. Все это я понял в тот самый день, когда впервые увидел междугородные соревнования по виндсерфингу на Минском водохранилище. Это была красивая и захватывающая борьба. Настоящие мастера показали настоящее искусство. Но больше всего меня удивило, что второе место заняла самая юная участница — московская школьница Люба Арбузова. Она выступила лучше, чем ее папа и мама.

С тех пор я хожу в яхт-клуб. И хотя учеба в институте и работа занимают много времени, я стараюсь не пропускать ни одной тренировки. И когда Григорий иногда со смехом вспоминает, как приобщал меня к этому новому виду спорта, я упрямо отвечаю:

— А вдруг это не ты? А что, если тебе только так кажется.

Г. ЧЕМОДАНОВ

БОРОТЬСЯ И ПОБЕДИТЬ!

Таков девиз доблестных арчебековцев, которые в январе нового года опять начнут соревноваться — за звание чемпиона славной Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК); за диплом и приз; за спортивный разряд.

Всем шахматистам и шашкистам, желающим сразиться в этом рыцарском турнире, нужно немедленно достать открытку и написать заявку: («Прошу принять меня...»).

А как быть не умеющим играть? Их зачислят в особый отряд оруженосцев, где они получают необходимую подготовку.

О том, кто принят, шахмат-адмирал Ферзьбери объявит в «Костре» № 12.

КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Если пешка дошла до 8-й линии, можно ли ее превратить в такую фигуру, какая еще стоит на доске?

— Можно!

— Я слышал, что задачи, в которых мало фигур, называются миниатюры. Сколько допускается иметь сил (белых и черных фигур и пешек), чтобы задача считалась миниатюрой?

— Не больше семи!

ЧУДЕСА В ШАХМАТНОМ РЕШЕТЕ

Уважаемые рыцари! Сейчас я, всемирно известный факир-маг На Ду Валкин, продемонстрирую вам обыкновенное шахматное чудо. Предупреждаю: никакого мошенства! Никакой ловкости рук! «А что же?» — спросите вы. Отвечаю: только острота ума!

А теперь приступаю. Прошу следить внимательно и вдуматься в это положение.

Во сколько ходов, имея эти шесть белых фигур, можно дать мат черному королю? Говорю по секрету: в два!

Фокус продолжается: раз, два, три — и слон с поля g7 исчезает в моем левом рукаве! Во сколько ходов, имея пять оставшихся белых фигур, можно дать мат черному королю? Говорю по секрету: опять в два!

Фокус продолжается: четыре, пять, шесть — и конь тоже исчезает в моем правом рукаве! Во сколько ходов,

нировку — арчебековец из Ростова-на-Дону Валерий Пирюткин. Он составил и предлагает решить такую концовку —

белые: b2, c1, d2, e1, f4, g1, g3, h4;
черные: a3, c5, c7, d4, e7, f6, h2, h6.

Валерий утверждает, что белые могут тут провести победную комбинацию. Кто согласен? Кто нет? Пишите в Арчебек!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

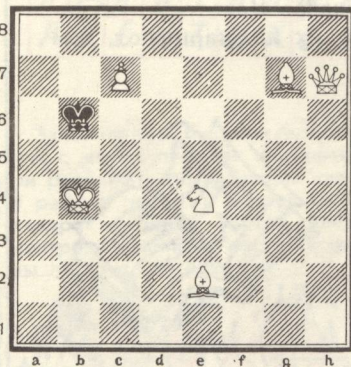
Задачи в «Костре» № 8 решаются так:

Турнирные. Шахматы — № 1.
1. Фg7! № 2. 1. Fd1! (Но не 1. Fe1? из-за Cf2!) C:g1 (если 1... Ce3, то 2. Cf2+) 2. Fe1. № 3. 1. Jc1! Cc7 2. Jg1 Cg3 3. Jg2. № 4. 1. Ke6 h6 2. Kf4 Kpg5 3. Kg2. № 5. При ходе белых они выигрывают: 1. Kpg5 Kpc4 2. Kpf6! Kpd4 3. Kpf5 и т. д. При ходе черных ничья: 1... Kpc3 2. Kpg4 Kpd3 (если Kpd4? то 3. Kpf5 с выигрышем) 3. Kpf3! (но не 3. Kpf5? из-за Kpd4!) Kpd4 4. Kpf2! Kp:e4 5. Кре2 — белые заняли оппозицию и не пропустят черную пешку в ферзи. № 6. При короле на e5 белым не выиграть. При короле на a7 их победа: 1. Kpb6! Kpb2 2. Кра5+ Kpc2 3. Фе4+ Kpb2 4. Фе2+ Kpb1 5. Кра4! a1Ф+ 6. Kpb3!

Турнирные. Шашки — № 1. Выигрыш: 1. h4! d2 (b2 2. e5X) 2. bg3X. № 2. Ничья: 1. b6! a7 2. c7 и 3. d2=. № 3. Выигрыш: 1. bc3! g3 2. e3 f2 3. cd4!X. № 4. Выигрыш: 1. h6 f6 2. g5! h4 3. g7 d4 4. h8 e3 5. c3 f2 6. d4!X. № 5. Выигрыш: 1. g3! b2 2. f4 a1 3. fe5! b2 4. g5!X. № 6. Ничья: 1. c7! a3 2. a5! g3 3. d8! c3 4. f6 ab2 5. h4 h2 6. e1=.

Оруженосцам. 1. Сb1! и при любом ходе черных им дается мат.

Медведь и Заяц. После 3... C:f4 будет ход 4. e4X.

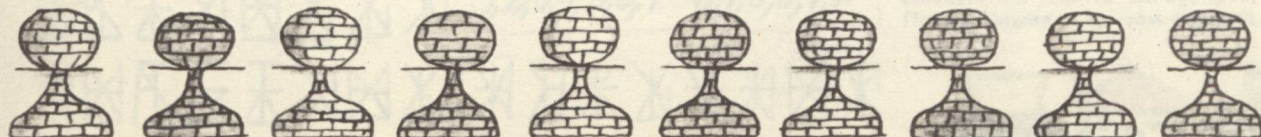
имея четыре оставшиеся белые фигуры, можно дать мат черному королю? Говорю по секрету: снова в два!

Фокус продолжается: семь, восемь, девять — и второй слон исчезает в моей шляпе! Во сколько ходов, имея три оставшиеся белые фигуры, можно дать мат черному королю? Говорю по секрету: и тут в два!

Итак, уважаемые рыцари, зная все то, что вы знаете, покажите этот четырехкратный мат в два хода! Кто сумеет?

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

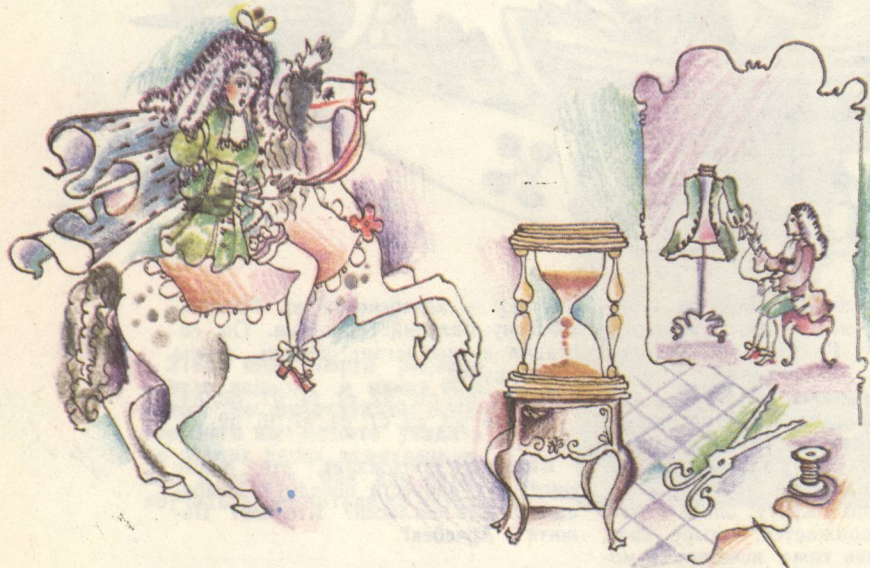
Сегодня кабина принимает рыцарей-шашкистов. Ответственный за тре-

Людовик XIV, отправляясь осаждать крепость Монея, приказал драматургу Расину присоединиться к королевской свите. Ехать Расину не хотелось, и, чтобы обмануть короля, он ответил так: «По столь важному случаю я непременно должен заказать себе новое платье. Но никакой портной не сможет сшить его с такой быстротой, с какой ваше величество берет крепости».

Великому французскому философу Вольтеру объявили, что его книги будут сожжены по требованию церкви.

— Тем лучше для моих книг, — сказал Вольтер. — Книжки подобны каштанам: чем усерднее их поджаривают, тем лучше они раскупаются.

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: 193015. Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-29241. Сдано в набор 5/VIII 1976 г. Подписано к печати 4/X 1976 г. Формат 60×90¼. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 560000 экз. Заказ 3050. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

Всем! Всем! Всем! воспоминание Н. Дождиково	1
Легенда о маленьком коммунаре рассказ К. Курбатова	4
Не ради отдыха в бою к 60-летию М. А. Дудина	10
Барабан журнал юнкоров	12
Ленькина премьера рассказ А. Минчковского	16
Наш Пионерстрой	19
Полицейская зона очерк А. Иванченко	20
Новости науки и техники	24
Путь через Миссури главы из романа Л. Вельскоф-Генрих	26
Как мы ездили с Леной на БАМ рассказ В. Торопыгина	42
Морская газета	44
Буденовка и гимнастерка рассказывает Б. Никольский	46
Встречи в книжках для детей вспоминает Н. Григорьев	47
Гвоздики на мраморе стихи, рисунки и рассказы детей Югославии	50
„Охранять природу — значит охранять Родину“ заметка Н. Белозеровой	52
Стихи твоих ровесников	54
Случай с фонтанчиком рассказ И. Дворкина	55
Библиотека Кости Теркина	56
Уголёк журнал для малышей	57
История, которая никогда не кончается сказка	59
Зеленые страницы	60
Держись за ветер Г. Чемоданов	62

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Составил и оформил
В. Уфлянд

Четверка хитроумных сотрудников отдела «За семью печатями» задумала превзойти установленный еще в прошлом столетии рекорд чудачков из стихотворения английского поэта Эдварда Лира, добравшихся в решете с парусом из носового платка через океан в страну Джамблеи. Установив мощный насос для непрерывной откачки воды, умело используя попутные ветры и течения, мореплаватели в рекордный срок достигли страны Джамблей. Толпа аборигенов радостно встречала прибывших. Несмотря на ужасную неразбериху, натренированный глаз путешественников в течение нескольких минут выделил в толпе три пары братьев и сестер-близнецов, одну тройку тройняшек, двух одинаково одетых туземцев и двух одинаково одетых туземок. А сколько времени понадобится для этого вам?

Ч	Т	О	Е	С	Т	Ь	И	Д	О
В	А	Р	Б	У	З	Е	О	Г	У
С	П	О	М				Н	О	Н
Р	Е	Н	Т	В	Д	Ы	Н	Е	
Р	Ц	Е	Н	Т	Ы	К	В	Е	?

Заполненный буквами прямоугольник с двумя пустыми клетками внутри разрежьте по границам клеток на 4 равные части и составьте из них квадрат с одной пустой клеткой в центре. Правильно составив фигуры, вы прочтете загадку.

ПАС	+	ДУБ	×	ХА
ГОЛ	+	БУК	×	ХА
ИГРА	+	РОЩА	×	УХ
			+	УРА

Еще один математический ребус. Решив его и узнав, какие буквы соответствуют каким цифрам, вы сможете прочесть зашифрованную цифрами фразу.

$$\begin{aligned} ПЕД + ПЬС &= МУП \\ УУУ - УАБ &= ЧЧП \\ УЧБ + ЕДУ &= БУА \\ 1,2,3,4,5,6,7 \quad 8,1,9,0,4,7 \end{aligned}$$

Джамбли снабдили команду решета пищей и пресной водой для дальнейшего плавания. Тронутый такой заботой Хуссейн оставил гостеприимным Джамблям несколько занимательнейших задач из заветного сундука клуба «За семью печатями», составленных по письмам наших читателей: Миши ИВАНОВА из Мурманска, Светы КУТУЗОВОЙ из г. Урай Тюменской области, Валентина ЧЕРНОВОРЬЯНА из Краснодарского края, Володи ФРОЛОВА из Талды-Курганской области, Саши и Вани ФИЛИПОВЫХ из Бурятской АССР, Оли МИЛЛЕР из Кокчетавской области, Сережи СОЛОВЬЕВА из Свердловска, С. КУРИЛЕНКО из г. Апатиты и Наташи РЫЖИКОВОЙ из Новокузнецка.

Джамбли тотчас же принялись решать задачи, обещая прислать свои ответы в Ленинград. Но Хуссейн объяснил, что этого делать не нужно. Ответы будут опубликованы в следующем номере «Костра».

Задачи таковы:

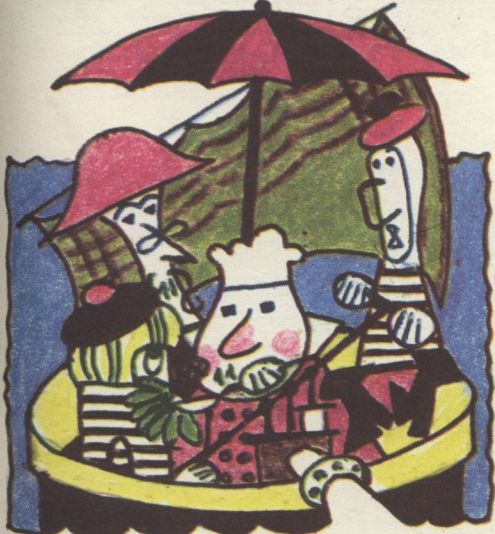
1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ. Переставьте цифры вместе с буквами так, чтобы сумма чисел по всем горизонтальным и вертикальным рядам и по большему диагоналям равнялась 65, и вы прочтете загадку. Для уточнения, какой именно из магических 25-клеточных квадратов имеется в виду, некоторые цифры и буквы уже поставлены в нужные клетки.

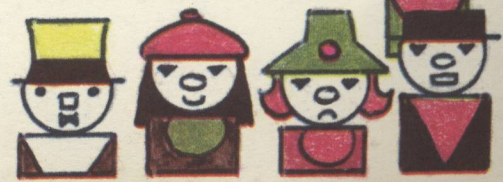
МАТЕМАТИЧЕСКИЕ РЕБУСЫ. Каждая буква соответствует цифре. Одинаковые буквы соответствуют одинаковым цифрам. Ребусы могут иметь одно или несколько решений.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ «КОСТРИНЫ»

1. Три красные бракованные кнопки.
2. Получится картофельный салат.
3. Нельзя, через 96 часов будет ночь.
4. Привязать термометр к длинной веревке, опустить с верхушки башни до земли, а потом измерить длину веревки.
5. Рельсы поссорились.
6. Нисколько, яма уже вырыта.
7. Подшвы.
8. Когда высовывает голову в окно.
9. Шестиструнная гитара, вид изнутри.
10. Сто Г — стог.
11. Платок станет мокрым.
12. На вопрос: «Ты спишь?»
13. По 12 километров.
14. Прямая линия в кривом зеркале.

А здесь зашифрованы данные о размерах и скорости погружения в воду решета, в котором плавали вокруг света сотрудники отдела «За семью печатями», с приложением ключей к числовому и буквенному шифру. Предлагаем вам самим, пользуясь этими данными, высчитать, какова должна быть производительность в литрах в час насоса, установленного на решете, если он успевал откачивать всю воду, которая проникала внутрь судна.

13^е - 65 - 418

25 к.

Индекс 70445

ЗАВТРА БОЙ

Саша Касимовский,
12 лет,
Северо-
Осетинская АССР

МОЙ ДЕДУШКА

Мой дедушка теперь пенсионер,
А был когда-то красный офицер:
Еще мальчишкой в восемнадцатом году
Ушел он на гражданскую войну.
И Врангеля он бил, и Колчака,
Сильна была у дедушки рука.

Мой дедушка фашистов гнал и бил,
Все потому, что Родину любил.
Недаром грудь у деда в орденах,
Он храбростью их заслужил в боях,
И я горжусь, что у меня и у страны
Есть дедушка, прошедший две войны.

Таня Едемская,
6-й класс, Одесса